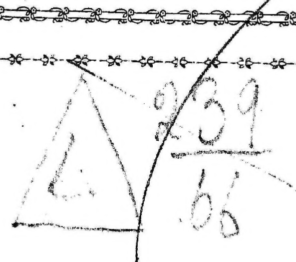


ИСТОРІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

ТЕКСТЪ СОСТАВИЛЪ

В. ЗОЛОТОВЪ.



СЪ 19 РИСУНКАМИ.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», ПО МОЙКѢ, № 5.
1872.





ИСТОРІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ТОВ.
„ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА", … № …



Петръ

Дозволено цензурою С.-Петербургъ 4 мая 1872 года.





ИЗБРАНІЕ ПЕТРА НА ЦАРСТВО. (№ 1).

Картина 1.

ИЗБРАНІЕ ПЕТРА НА ЦАРСТВО.



Первою супругою царя Алексѣя Михайловича была дочь незнатнаго дворянина Ильи Даниловича Миллославскаго, съ которою онъ прожилъ 21 годъ въ полномъ согласіи и любви; въ 1669 году она скончалась, а вслѣдъ за нею умерли и двое ее сыновей; одинъ чрезъ четыре мѣсяца, другой чрезъ полгода; послѣднему, царевичу Алексѣю, было 16 лѣтъ; какъ совершеннолѣтній онъ всенародно былъ объявленъ наслѣдникомъ престола и начиналъ уже принимать участіе въ правленіи. Смерть этого царевича была тѣмъ болѣе тяжкимъ ударомъ для царя, что оставшіеся два сына, Федоръ и Иванъ, оба были болѣзненные, хилые; поэтому ни въ одномъ изъ нихъ онъ не могъ ожидать надежнаго себѣ преемника. Это его очень сокрушало и чрезъ два года по кончинѣ царицы онъ рѣшился вступить въ новый бракъ, будучи еще въ полной силѣ, потому что остался вдовымъ не старше 40 лѣтъ.

Выборъ второй супруги, по сохранившемуся о томъ преданію, былъ совершенно случайный. Изъ тогдашнихъ царедворцевъ ближе всѣхъ къ царю былъ бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, который и по образованію и по уму и по всѣмъ своимъ душевнымъ качествамъ замѣтно выступалъ изъ среды прочихъ бояръ; поэтому царь очень любилъ его, считалъ, почти своимъ другомъ, бывалъ у него въ домѣ и не рѣдко проводилъ у него вечера въ задушевной бесѣдѣ. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, царь сказалъ Матвѣеву, что желаетъ у него отужинать запросто, вмѣстѣ съ его семействомъ.

Воля царя была исполнена; къ ужину явилась жена Матвѣева съ малолѣтнимъ сыномъ, а съ нею вмѣстѣ вышла и жившая у нихъ дѣвица Наталья Кирилловна, дочь Тарускаго помѣщика, стольника и полковника рейтарскаго строя, Кирилла Полуектовича Нарышкина. Царь былъ пораженъ не только красотой дѣвушки, но и ея умной, находчивой рѣчью; онъ очень былъ веселъ, шутилъ съ нею и обѣщалъ пріискать ей жениха. Чрезъ нѣсколько дней онъ опять пріѣхалъ къ Матвѣеву и объявилъ ему, что нашелъ жениха Натальѣ, что этотъ женихъ — онъ самъ — царь... Матвѣевъ былъ очень изумленъ волею царя но не прекословилъ и объ одномъ только умолялъ, чтобы онъ защитилъ его отъ завистниковъ. Царь обѣщалъ не слушать ни какихъ навѣтовъ и сдержалъ свое царское слово. Слѣдуя тогдашнему обычаю, для избранія невѣсты государю, было собрано въ царскіе чертоги до 60 благородныхъ дѣвицъ; но выборъ былъ уже заранѣе рѣшенъ царемъ и, 22 Января 1671 года, онъ обвѣнчался съ Натальей Кирилловной въ Успенскомъ соборѣ, съ обычными обрядами.

Чрезъ шестнадцать мѣсяцевъ послѣ бракосочетанія, въ день преподобнаго Исаакія Далматскаго, въ первомъ часу по полуночи государь былъ обрадованъ рожденіемъ сына, и рано утромъ колокольный звонъ возвѣстилъ Москвѣ о рожденіи царевича, нареченнаго Петромъ. Новорожденный былъ крѣпкій ребенокъ и росъ, какъ говорится, не по днямъ, а по часамъ; въ три года онъ всѣхъ поражалъ необыкновенною живостью и силой; мать не спускала его съ глазъ, отецъ видѣлъ въ

немъ особую милость Божію и для себя и для всего русскаго народа; но не было Петру еще четырехъ лѣтъ, какъ онъ лишился своего добраго отца.

Царь Алексѣй Михайловичь скончался почти внезапно, послѣ очень непродолжительныхъ страданій; передъ смертію, по обычаю, хотя и съ грустію въ душѣ, онъ благословилъ на царство старшаго сына своего, Федора, которому въ то время не было еще и 15 лѣтъ. Слѣдовательно, не только по слабости здоровья, но и по лѣтамъ своимъ онъ не могъ самостоятельно управлять государствомъ; поэтому престолъ окружили ближайшіе его родственники, между которыми самымъ сильнымъ былъ Иванъ Михайловичъ Милославскій, человѣкъ корыстолюбивый и жадный до власти. Онъ ненавидѣлъ Матвѣева, считалъ его личнымъ своимъ врагомъ; поэтому употребилъ всѣ усилія, всѣ самыя низкія средства, чтобы очернить Матвѣева передъ царемъ и, по его навѣтамъ, другъ покойнаго царя Алексѣя Михайловича былъ лишенъ званія, имущества, и какъ государственный преступникъ сосланъ на заточеніе въ Пустозерскій острогъ, къ берегамъ Ледовитаго моря. Съ паденіемъ Матвѣева началось тяжелое время и для царицы Натальи Кирилловны съ ея малолѣтнимъ Петромъ. Чтобы избавиться отъ придворныхъ крамолъ и всѣхъ невыносимо дерзкихъ непріятностей, Наталья Кирилловна большею частію жила въ селѣ Преображенскомъ, гдѣ всю свою заботу обратила на своего сына-молодца, который въ десять лѣтъ казался уже пятнадцатилѣтнимъ, при чемъ отличался не только крѣпостію тѣлосложенія, но вмѣстѣ красотой и ловкостью выказывая уже замѣчательную силу характера. Царь Федоръ, слабый и тѣломъ и душой, не долго царствовалъ, всего шесть лѣтъ; два раза былъ онъ женатъ, можно сказать, не по собственному желанію, а по настоянію родственниковъ, преимущественно Милославскихъ; но умеръ бездѣтнымъ не назначивъ себѣ преемника. Да и кого было назначить изъ двухъ оставшихся послѣ него братьевъ — Ивана и Петра? Первый, 16-ти лѣтъ, былъ больной, слѣпой, слабоумный; второй — живой, здоровый, даровитый, но ему было всего 10-ть лѣтъ. Слѣдовательно, ни тотъ, ни другой, не могъ самъ управлять государствомъ, и вся власть должна была перейти въ руки ближайшихъ родственниковъ того, кого признаютъ царемъ, именно: Нарышкиныхъ съ бояриномъ Матвѣевымъ, который при избраніи Петра тотчасъ же бы возвратился изъ ссылки, или Милославскихъ, которыхъ поддерживала царевна Софья, третья дочь царя Алексѣя. Царевнѣ было въ это время только 24 года; но по своей тучности и суровому лицу, она казалась уже пожилою женщиною. Еще при жизни отца, она лучше всѣхъ сестеръ своихъ умѣла воспользоваться уничтоженіемъ, въ нѣкоторой степени, строгаго затворничества царевенъ; успѣла образовать себя чтеніемъ и бесѣдой съ нѣкоторыми изъ сановниковъ; брата своего, царя Федора, такъ обворожила своимъ умомъ и вошла къ нему въ такое довѣріе, что ежедневно бывала у него въ Верху, гдѣ свободно вмѣшивалась въ государственныя дѣла и всѣхъ удивляла своею разсудительностью и твердостью души. Избраніе царя, какъ для той, такъ и для другой стороны, было рѣшительной минутой; нѣкоторые даже думали, что при самомъ избраніи дѣло дойдетъ до ножей и приняли было противъ этого свои мѣры; все однакожъ кончилось безъ особой смуты. Какъ только, по установленному обряду, всѣ простились съ покойнымъ царемъ, при чемъ также всѣ одинаково цѣловали руку у обоихъ царевичей, то патріархъ, Іоакимъ, съ архіереями и вельможами вышелъ въ переднюю и спросилъ: «кому изъ двухъ царевичей быть царемъ?» Присутствовавшіе отвѣтили: это должно быть рѣшено людьми всѣхъ чиновъ Московскаго государства, т. е. собственно Москвы, такъ покрайней мѣрѣ было сдѣлано. Собрались чины на площади передъ церковью Спаса; вышелъ къ нимъ патріархъ съ архіереями и вельможами и спросилъ: «кому изъ двухъ царевичей быть царемъ?» — «Ивану Алексѣевичу!» послышались было крики; но они тотчасъ же были заглушены другими болѣе дружными криками: «Петру Алексѣевичу! Петру». Такъ было рѣшено это дѣло людьми всѣхъ чиновъ престольнаго города — Москвы и патріархъ, возвратясь во дворецъ, благословилъ на царство Петра.

Это было громовымъ ударомъ для Софьи, которымъ уничтожались всѣ ея честолюбивые замыслы. Приходилось подчиниться ненавистной мачихѣ, царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ, потому что при назначеніи царемъ Петра, управленіе государствомъ, по обычаю, противу котораго никто не могъ спорить, переходило къ матери, до совершеннолѣтія сына. Злость и от-

2

чаяніе закипѣли въ душѣ Софьи и она ни передъ кѣмъ этого не скрывала. Въ день погребенія царя Федора, вопреки обычаю, неслушая никого, она пошла за гробомъ въ соборъ и своими страшными воплями всѣхъ изумила. Возвращаясь во дворецъ, она заливалась горькими слезами и, обращаясь къ окружавшимъ ее, ко всему народу, говорила: «видите, какъ братъ нашъ Федоръ нежданно отошелъ отъ насъ въ другой міръ: отравили его враги зложелательные! Умилосердитесь же хоть вы надъ нами сиротами; нѣтъ у насъ ни батюшки, ни матушки, ни брата сильнаго!.. Старшій братъ нашъ, Иванъ, не выбранъ на царство! Если ужъ мы провинились передъ вами, люди добрые, или передъ боярами именитыми, то отпустите насъ живыхъ въ чужія земли, къ королямъ христіанскимъ!» Слова эти хоть на многихъ сильно подѣйствовали; но все таки на безоружную народную толпу, изъ которой каждому дорого собственное спокойствіе, нельзя было много разсчитывать. Софьѣ, для исполненія ея замысловъ, нужно было оружіе подѣйствительнѣе и оно само собою представилось.

Картина 2.

Софья угощаетъ стрѣльцовъ.



Еще при жизни царя Федора, стрѣльцы приносили жалобы на своихъ полковниковъ, которые дѣйствительно жестоко ихъ притѣсняли, просто грабили; но жалобы стрѣльцевъ не были уважены, многихъ даже немилосердно наказали, а полковники и именитые начальники продолжали наживаться. Стрѣльцы выходили уже изъ терпѣнія и общее ихъ возмущеніе было остановлено только смертію царя; однакожъ, на третій день послѣ погребенія, выборные отъ 16 стрѣлецкихъ полковъ и одного солдатскаго, снова явились передъ дворцемъ и стали настоятельно, отъ имени всѣхъ, требовать, чтобы полковники ихъ были смѣнены и чтобы имъ приказано было выплатить стрѣльцамъ всѣ выслуженныя у нихъ деньги, а также и деньги за работы, къ которымъ они принуждали ихъ. «Если-же не будетъ по нашему, кричали они, такъ мы сами расправимся — перебьемъ полковниковъ, разграбимъ ихъ домы и животы, да достанется и тѣмъ измѣнникамъ, что обманываютъ царское величество.»

Остановить такую страшную грозу — не было способнаго человѣка при царицѣ Натальѣ: бояринъ Матвѣевъ былъ еще въ дорогѣ. Какъ ни уговаривали стрѣльцовъ, они стояли на своемъ и перепуганные правители рѣшились выдать имъ полковниковъ. Эта уступка совершенно разнуздала стрѣльцовъ и требованіямъ ихъ и своеволію не было мѣры. Съ нѣкоторыхъ полковниковъ было взыскано тысячи по двѣ рублей; кто не могъ заплатить, того держали часа по два на правежѣ; ни чьей власти надъ собой стрѣльцы знать не хотѣли; надъ кн. Долгорукимъ, старшимъ ихъ начальникомъ, просто смѣялись; если же къ съѣзжимъ избамъ, гдѣ стрѣльцы произвольно, вопреки постановленію, каждый день собирались въ кружки, подходили начальники, то ихъ отгоняли, бросали въ нихъ камнями и палками; если же кто изъ начальниковъ рѣшался прикрикнуть, пригрозить наказаньемъ, такихъ хватали, пытали, а иныхъ взводили на каланчи и сбрасывали оттуда при крикахъ: «любо?» Внизу отвѣчали тѣмъ же крикомъ: «любо!»

Вѣсть о возмущеніи стрѣльцовъ, по словамъ одного изъ современниковъ, для Софьи была также радостна, какъ для Ноя масличная вѣтвь, принесенная голубицею въ ковчегъ. Къ этой-то толпѣ, вооруженной, разсвирепѣвшей, обагренной уже кровью своихъ начальниковъ и готовой всему вѣрить, рѣшилась обратиться царевна. Черезъ преданныхъ ей людей она стала внушать стрѣльцамъ, что теперешнее правительство незаконное и уважать его нечего; что придется имъ за все расплатиться, какъ только пріѣдетъ старикъ Матвѣевъ; что наложатъ на нихъ ярмо потяжелѣе прежняго, да можетъ быть и всѣхъ поддадутъ какому нибудь чужеземному врагу; сгубятъ Москву, искоренятъ православную вѣру. Такими внушеніями подготовляли заговоръ особенно Хованскій и Ив. Мих. Миллославскій, который притворялся больнымъ, лежалъ въ постелѣ, а между тѣмъ по ночамъ приходили къ нему выборные стрѣльцовъ. Постельница Софьи, вдова Родимица, изъ малороссійскихъ казачекъ, ходила по слободамъ стрѣльцовъ, раздавала имъ деньги отъ имени царевны и обѣщала щедрыя награды, если они послужатъ ей въ свое время. И



СОФЬЯ УГОЩАЕТЪ СТРѢЛЬЦОВЪ. (№ 2).

вотъ, стрѣльцы стали покрикивать на площадяхъ и по торговымъ банямъ: «не хотимъ, чтобы управляли Нарышкины и Матвѣевъ, всѣмъ имъ свернемъ шею».

Такимъ образомъ въ рукахъ Софьи было уже готово страшное, неотразимое оружіе противъ ненавистной ей мачихи; но она рѣшила перейти отъ словъ къ дѣлу не иначе, какъ по пріѣздѣ Матвѣева. Онъ одинъ только могъ поддержать правленіе царицы Натальи, такъ съ нимъ первымъ и хотѣла она покончить. И дѣйствительно, Матвѣевъ для нея былъ опаснѣе всѣхъ. Когда семеро стрѣльцовъ, изъ оставшихся вѣрными законному правительству, вышли къ Матвѣеву навстрѣчу и объявили ему о своевольствѣ своихъ товарищей и намѣреніи ихъ убить его, то онъ сказалъ: «уничтожу бунтъ или положу жизнь за государя, чтобы на старости лѣтъ глаза мои большей бѣды не видали!» Къ несчастію разныя торжественныя встрѣчи замедлили пріѣздъ Матвѣева; но наконецъ 12 мая, вечеромъ, онъ прибылъ въ Москву и на другой же день явился къ царю и царицѣ, при чемъ была «радость неизреченная, что никакое чиновническое писало по достоянію исписати не возможетъ». Изъ дворца Матвѣевъ отправился къ патріарху и потомъ къ больному Кн. Юрію Алекс. Долгорукову; съ тѣмъ и другимъ у него была продолжительная бесѣда, а между тѣмъ вся знать спѣшила побывать въ его домѣ; не былъ только одинъ Ив. Мих. Миллославскій, сказываясь больнымъ. Явились къ своему прежнему милостивцу съ хлѣбомъ и солью и выборные стрѣльцы отъ всѣхъ полковъ. Умный и ловкій въ дѣлахъ бояринъ всѣхъ принималъ съ прежнею своею привѣтливостью; всѣ выходили отъ него довольными, даже и не совсѣмъ къ нему расположенные; всѣ надѣялись, что его опытная рука всему дастъ надлежащее направленіе; что онъ уйметъ стрѣльцовъ, да и Нарышкиныхъ спѣсь поубавить. Однимъ словомъ, всѣ были въ восторгѣ; но этотъ-то общій восторгъ и указалъ заговорщикамъ, что нельзя болѣе тратить время, что наступилъ роковой часъ дѣйствовать и для начала своего кроваваго дѣла они избрали день, въ который былъ убитъ царевичъ Димитрій, передавъ напередъ стрѣльцамъ списокъ тѣхъ, кого нужно было истребить.

И вотъ рано утромъ въ понедѣльникъ, 15 мая, Александръ Миллославскій и Петръ Толстой проскакали по стрѣлецкимъ полкамъ, крича: «въ кремль! въ кремль! Нарышкины задушили царевича Ивана.» На этотъ крикъ стрѣльцы высыпали на улицы, какъ бы изъ загорѣвшихся домовъ; сбѣжались въ кружки, потомъ ударили въ набатъ и двинулись къ кремлю съ знаменами и пушками. Былъ уже полдень, Матвѣевъ спускался съ дворцовой лѣстницы, чтобы ѣхать домой; но его встрѣтилъ кн. Урусовъ и объявилъ ему, что стрѣльцы бунтомъ вошли въ земляной городъ и скоро будутъ въ бѣломъ. Матвѣевъ возвратился на Верхъ, объявилъ о возмущеніи стрѣльцовъ царицѣ и тотчасъ-же приказалъ запереть всѣ кремлевскія ворота; но барабанный бой уже раздавался по всему кремлю и стрѣльцы приближались къ дворцу, крича: «смерть Нарышкинымъ, убійцамъ царевича Ивана! выведемъ мы измѣнниковъ и губителей царскаго рода!» Эти самые крики доказывали, что стрѣльцы возмущены ложнымъ навѣтомъ, что это дѣло враговъ царицы; поэтому рѣшили царя и царевича вывести къ стрѣльцамъ и тѣмъ доказать имъ, что они обмануты. Царица, сопровождаемая патріархомъ и боярами, вышла съ Петромъ и царевичемъ Иваномъ на Красное крыльцо. Увидѣвъ царевича, стрѣльцы стихли; всѣ были изумлены; нѣкоторые однакожъ изъ нихъ, какъ бы не вѣря собственнымъ глазамъ, поставили лѣстницы, взлѣзли на крыльцо къ самому царевичу и спрашивали у него: прямой-ли онъ царевичъ Иванъ Алексѣевичъ и кто его изъ бояръ измѣнниковъ изводитъ? — Я Иванъ царевичъ, отвѣчалъ онъ, никто меня не изводитъ и жаловаться мнѣ не на кого». — Стрѣльцы ясно видѣли, что ихъ обманули и ярость ихъ могла обратиться на обманувшихъ. Это была страшная минута для заговорщиковъ и они рѣшились на отчаянныя средства; стали поджигать толпу такими криками: «хоть и живъ царевичъ, но все-таки пусть выдадутъ недоброхотовъ ихъ — Нарышкиныхъ и Матвѣева; видѣли мы, какъ Иванъ Нарышкинъ примѣривалъ на себѣ корону и разныя царскія вещи». Но въ это время Матвѣевъ сошелъ съ крыльца за рѣшетку и сталъ увѣщевать стрѣльцовъ; онъ напомнилъ имъ о ихъ прежнихъ заслугахъ, о томъ, что въ былое время, они сами помогали укрощать бунты, а теперь, поддались наглому обману, мараютъ свое доброе имя позорнымъ мятежемъ. Стрѣльцы совершенно стихли и, не смотря на знаки Хованскаго — схватить Матвѣева, никто не двинулся; всѣ покорно просили боярина заступиться за нихъ передъ царемъ. Ма-

твѣевъ обѣщалъ и пошелъ на Верхъ успокоить царицу; но въ это время, кн. Михайло Долгорукій, своею неспособностью и трусостью допустившій стрѣльцовъ до смутъ, видя, что стрѣльцы присмирѣли, вдругъ вздумалъ выказать себя начальникомъ; обратясь къ стрѣльцамъ съ бранью и угрозами, онъ требовалъ, чтобы они тотчасъ убирались изъ кремля! Стрѣльцы привыкшіе уже расправляться съ своими начальниками и ставить ихъ ни во что, не могли стерпѣть брани Долгорукаго, котораго они особенно не любили! Поднялся общій ропотъ и самые отчаянные вломились на крыльцо, схватили Долгорукаго и сбросили его внизъ на подставленныя копья, гдѣ полумертвый онъ былъ изрубленъ бердышами. Заговорщики ожили! Этой первой крови было достаточно, чтобы опьянить толпу. И дѣйствительно, тотчасъ же другіе стрѣльцы, выбѣжавшіе изъ сѣней Грановитой палаты, куда были проведены заговорщиками, бросились на Матвѣева, вырвали его изъ рукъ царицы и швырнули на площадь, противъ Благовѣщенскаго собора, гдѣ онъ и былъ изрубленъ на мелкія части. Патріархъ было хотѣлъ сойти внизъ къ стрѣльцамъ; но ему закричали: «не нужно намъ ни чьихъ совѣтовъ; сами знаемъ — кто намъ надобенъ!» Съ этими словами, уставивъ передъ собою копья, они хлынули во дворецъ искать измѣнниковъ. Царица, схвативъ Петра, ушла въ Грановитую палату. Дворецъ, кремль и вся Москва были отданы на жертву обезумѣвшихъ стрѣльцовъ. Многочисленные царедворцы и воины, каждый день толпившіеся раболѣпно на крыльцѣ, въ передней и комнатахъ дворца, всѣ разбѣжались и скрылись кто куда могъ.

Подстрекаемые заговорщиками, стрѣльцы всюду отыскивали мнимыхъ измѣнниковъ: они врывались въ комнаты царевенъ, заглядывали подъ ихъ кровати, перетряхивали перины, рылись въ чуланахъ, заходили даже въ церкви, въ алтари, ощупывали престолы и жертвенники, тыкали подъ нихъ копьями. Отыскивали особенно Нарышкиныхъ; изъ нихъ Афонасья убили во дворцѣ, Ивана — въ собственномъ его домѣ за Москвой рѣкой; убили и многихъ другихъ. Чтобы вызвать одобренія народа, они каждое убійство сопровождали крикомъ: *«Любо-ли?»* И если кто не отвѣчалъ — любо! не махалъ наровнѣ съ прочими при этомъ шапкой, — съ тѣмъ тотчасъ расправлялись безпощадно.

До самыхъ сумерекъ потѣшались обезумѣвшіе стрѣльцы; отправляясь на ночь въ свои слободы, они оставили въ кремлѣ, китаѣ и бѣломъ городѣ крѣпкіе караулы при всѣхъ воротахъ, наказавъ никого не пропускать ни въ кремль, ни изъ кремля.

На другой день, 16 мая, тоже при набатѣ и барабанномъ боѣ, стрѣльцы снова приступили къ дворцу и настоятельно требовали, чтобы былъ выданъ Ив. Кир. Нарышкинъ, въ противномъ же случаѣ грозились перебить всѣхъ бояръ. Не смотря однакожъ на ихъ угрозы, Нарышкинъ не былъ выданъ и въ часъ по полудни стрѣльцы вышли изъ кремля, оставивъ всетаки по прежнему караулы.

Ив. Кир. Нарышкинъ, отецъ его, братья и нѣкоторые изъ родственниковъ скрывались сперва при комнатѣ маленькой царевны Натальи Алексѣевны; потомъ въ комнатахъ царицы вдовы, Марьи Матвѣевны; а объ убѣжищѣ ихъ знала только постельница ея. Ив. Кир. Нарышкинъ не могъ поддержать правленія царицы и не опасенъ былъ для заговорщиковъ; но кровь этого несчастнаго юноши нужна была имъ для того, чтобы оправдать себя передъ стрѣльцами, которыхъ они увѣрили, что во дворцѣ есть измѣнники, истребители царскихъ сѣмянъ и главный между ними Иванъ Нарышкинъ, который уже и корону примѣривалъ. Онъ былъ выставленъ виновникомъ всей смуты и, чтобы удовлетворить, успокоить разъяренную толпу, нужно было его выдать. Вотъ почему на третій день, когда стрѣльцы снова приступили къ дворцу, Софья рѣшительно сказала царицѣ Натальѣ: «брату твоему не отбыть отъ стрѣльцевъ и не погибать же намъ всѣмъ изъ-за него». Къ словамъ ея присовокупили свою слезную просьбу и перетрусившіеся малодушные бояре. Нечего было дѣлать, нужно было рѣшиться на тяжкую жертву; вызвали несчастнаго Ивана Кирилловича изъ его убѣжища, отвели его въ церковь Спаса за золотую рѣшетку, гдѣ онъ исповѣдался и пріобщился. Простившись съ сестрою — царицею, которая долго не рѣшалась выпустить его изъ своихъ объятій, заливаясь горькими слезами, онъ самъ спокойно вышелъ изъ церкви. Какъ только завидѣли его стрѣльцы, тотчасъ же бросились на него, но не убили, а потащили въ Константиновскій застѣнокъ пытать, такъ какъ онъ былъ обвиненъ въ измѣнѣ, въ посягательствѣ на жизнь царевича. Стрѣльцы надѣялись, что молодой бояринъ не вытерпитъ мукъ, признаетъ себя виновнымъ и тѣмъ оправ-

даетъ ихъ страшное дѣло передъ народомъ; но надежда ихъ не сбылась: не смотря на всѣ истязанія, Нарышкинъ не сказалъ ни слова. Тогда выволокли страдальца на красную площадь и разсѣкли его на части. Тутъ же казнили доктора Гадена, обвиненнаго въ отравленіи царя Федора, и еще нѣсколькихъ ни въ чемъ невинныхъ. Послѣ такой, будто бы законной, расправы, стрѣльцы отправились ко дворцу и восторженно кричали: «ваше царское величество, чините что угодно, а мы за ваше царское величество, за обѣихъ царицъ, царевича и царевенъ готовы головы свои сложить!» Смѣло вышла къ стрѣльцамъ Софья и стала ласково уговаривать ихъ оставить оружіе, при этомъ подчивала ихъ виномъ, раздавала деньги, благодарила за вѣрность къ царевичу Ивану; обѣщала всѣхъ ихъ наградить; согласилась дать имъ почетное званіе «надворной пѣхоты» и просила положиться на нее и бояръ въ дѣлѣ государскомъ.

Съ радостными воплями разошлись стрѣльцы и общее смятеніе прекратилось; но подъ рукой имъ было объявлено, чтобы они не оставляли оружія и были готовы въ каждую минуту, потому что дѣло не совсѣмъ покончено.

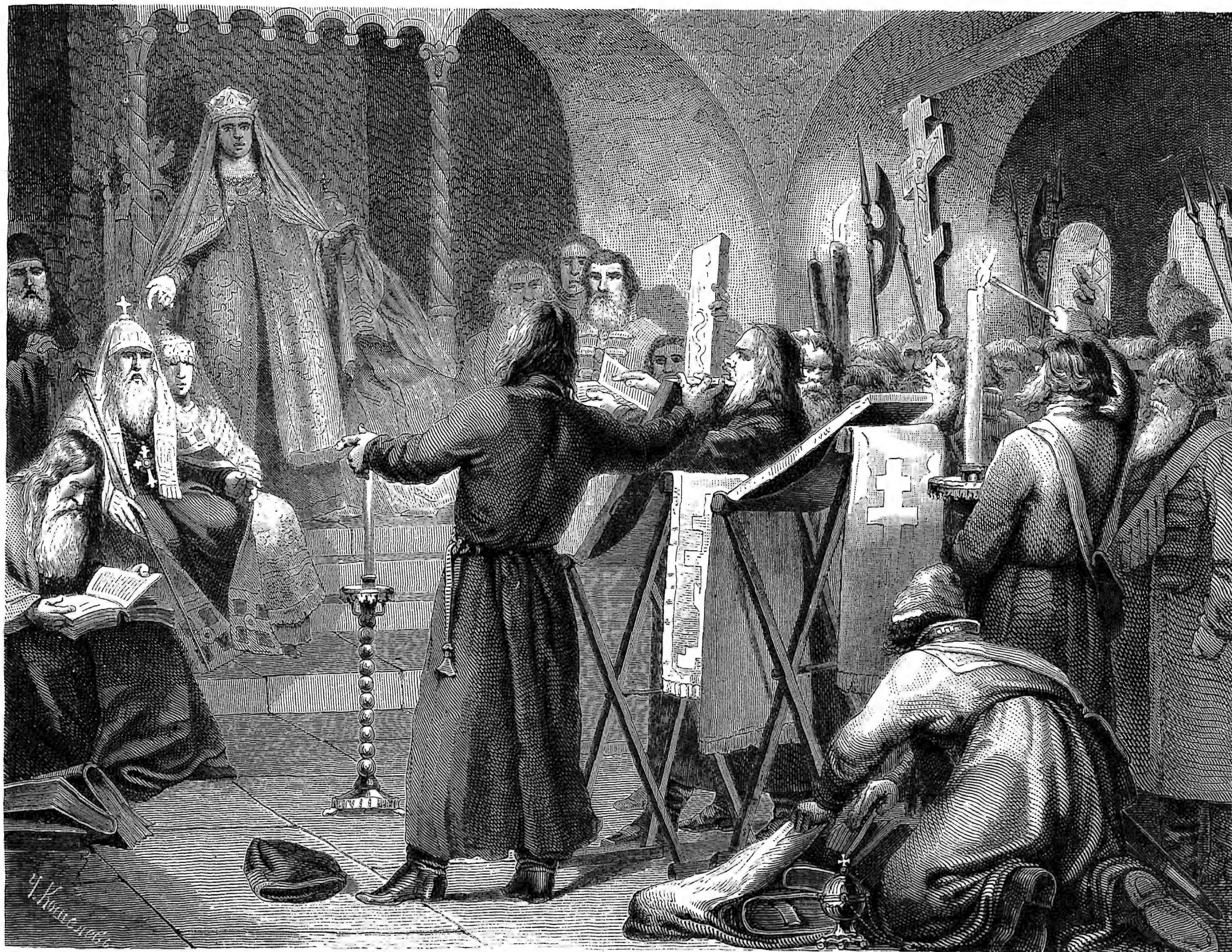
Картина 3.

ПРЕНІЯ РАСКОЛЬНИКОВЪ ПРИ ДВОРѢ.



После трехдневной расправы стрѣльцовъ съ мнимыми недоброхотами царскаго рода, Софья, которая во все время этой страшной смуты, была главнымъ дѣйствующимъ лицемъ, могла уже свободно распоряжаться, и всѣ, волею-неволею, подчинились ей. Вся власть правленія перешла въ ея руки; но эту власть ей передали бунтовщики, пролившіе кровь столькихъ именитыхъ и совершенно невинныхъ людей; она всѣмъ управляла, а между тѣмъ въ церквахъ поминали великаго государя царя Петра Алексѣевича. Поэтому ей нужно было узаконить свое право управленія и нужно это было не столько для Москвы, запуганной стрѣльцами, сколько для всей прочей Россіи. Могли спросить: по какому праву властвуетъ царевна Софія, когда есть признанный царь и при немъ законная правительница, его мать, царица? И вотъ какъ приступила Софья къ утвержденію своей власти.

Хованскій, сдѣлавшійся, неизвѣстно по чьему указу, начальникомъ надворной пѣхоты, явился во дворецъ 23-го мая и донесъ царевнамъ, что стрѣльцы хотятъ, чтобы оба брата вмѣстѣ царствовали; прислали выборныхъ объявить объ этомъ и говорятъ: «не будетъ по нашему, такъ опять примемся за расправу». Царевны созвали соборъ; сошлись патріархъ, архіереи и выборные изъ разныхъ чиновъ Московскаго государства т. е., все таки одного города Москвы. Боясь грозы стрѣлецкой, совѣтные люди признали двоевластіе полезнымъ: «одинъ, говорили, съ войскомъ пойдетъ, другой въ Москвѣ останется для управленія. Любо!» Отправились въ Успенскій соборъ, пропѣли молебенъ и возгласили многолѣтіе обоимъ благочестивѣйшимъ царямъ: Ивану Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу. Хотя уже этимъ самымъ возглашеніемъ давалось первенство Ивану передъ Петромъ; но Софья признала необходимымъ выразить это еще опредѣленнѣе, чтобы отнять у царицы Натальи Кириловны всякую возможность требовать себѣ правительства. И вотъ опять явились стрѣлецкіе выборные съ требованіемъ, чтобы первымъ царемъ былъ царь Иванъ, а вторымъ — Петръ. Царевны признали, что стрѣльцы говорятъ это по внушенію Божію и дума вмѣстѣ съ патріархомъ и архіереями рѣшила: «царю Ивану быть первымъ, а Петру — вторымъ». Послѣ этого стрѣльцовъ кормили во дворцѣ, ежедневно по два полка, а наконецъ они объявили боярамъ, что такъ какъ оба государя по молодости своей не могутъ сами управлять царствомъ, то они требуютъ чтобы правительство было передано сестрѣ ихъ, царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ. Всѣ волею-неволей стали упрашивать мудрую царевну принять правительство; она, разумѣется, для большей важности, нѣкоторое вре-



ПРЕНІЯ РАСКОЛЬНИКОВЪ ПРИ ДВОРѢ. (№ 3).

мя отказывалась; но наконецъ согласилась, соблаговолила принять на себя бремя правленія.

Іюня 25-го совершилось коронованіе обоихъ царей, для чего были сдѣланы два вѣнца, два скипетра, двѣ державы и двойной тронъ, сзади котораго устроено было мѣсто для Софьи, подсказывавшей братьямъ отвѣты на пріемахъ пословъ. Хотя Софья и не возсѣдала на престолѣ; но имя ея писали подлѣ именъ братьевъ и конечно она одна *самодержавствовала*.

Такимъ образомъ стрѣльцы, главная вооруженная сила въ Москвѣ, противъ которыхъ некому было стать, все устроили по желанію Софьи, и слѣпили небывалое правительство. Торжество ихъ было полное, все дѣлалось по ихъ волѣ; нѣкоторые изъ нихъ однакожъ при этомъ понимали, что волѣ ихъ можетъ быть конецъ, потому что и при Софьѣ вездѣ начальниками все-таки останутся бояре, которые при случаѣ навѣрно отомстятъ имъ за ихъ самоуправство. Что нельзя надѣяться и на простой народъ, потому что даже отдавшіе себя въ кабалу холопи, не приняли отъ нихъ воли, когда они объявили ихъ вольными. Что наконецъ Москва не вся Россія, что на помощь Москвѣ, для уничтоженія ихъ, какъ это было съ поляками и казаками, могутъ собраться многочисленные полки служилыхъ людей — помѣщиковъ. Изъ этого видно, что если Москва боялась стрѣльцовъ, то и они въ свою очередь боялись Россіи. Чтобы выставить свое дѣло правымъ, законнымъ передъ всѣмъ русскимъ народомъ и всѣми властями, стрѣльцы подали челобитную, въ которой указывали: за что именно они 15-го мая побили бояръ, и при томъ просили, чтобы на Красной площади былъ учиненъ столбъ и чтобы на томъ столбѣ были выставлены имена всѣхъ тѣхъ, которыхъ они побили и прописана была вина каждаго; чтобы имъ были выданы во всѣ стрѣлецкіе приказы жалованныя грамоты за красными печатями, чтобы никто, ни гдѣ не смѣлъ ихъ называть бунтовщиками и измѣнниками, потому они ихъ царскимъ величествамъ служили и служатъ со всею вѣрностію. — Софья согласилась и столбъ, какъ просили стрѣльцы, былъ немедленно поставленъ. Этимъ столбомъ, можетъ быть думала она и себя оправдать передъ лицомъ всего народа, всей Россіи. Вскорѣ однакожъ увидѣла Софья, что разнузданная толпа можетъ броситься и

на разнуздавшихъ ее. Между стрѣльцами много было раскольниковъ, да и самъ кн. Хованскій, начальникъ ихъ, тоже втайнѣ былъ упорный приверженецъ старой вѣры, а руководителемъ его во всѣхъ дѣлахъ былъ отъявленный раскольникъ Алексѣй Юдинъ. Эти-то люди, ревнители старой вѣры, видя, что бердыши и копья стрѣльцовъ помогли Софьѣ искоренить ея враговъ и стать въ главѣ государства, признали возможнымъ, силою того же оружія, поднять старую благочестивую вѣру, угнетаемую, по ихъ понятіямъ, никоніанцами. Отыскали знаменитаго ревнителя отеческихъ преданій, монаха Сергія, изумлявшаго всѣхъ своимъ краснорѣчіемъ; и когда читали собравшимся стрѣльцамъ составленную имъ челобитную, то многіе плакали и наконецъ всѣ закричали: «подобаетъ, братія, постоять за старую вѣру и кровь свою пролить за Христа — Свѣта: за тлѣнное было головы свои положили, за Христа — Свѣта для чего не умереть?» Когда главные ревнители старой вѣры, вмѣстѣ съ своимъ «адамантомъ», Сергіемъ, явились къ Хованскому, по его же собственному желанію, и прочли ему свою челобитную, то при этомъ объявили, что въ преніи съ никоніанцами приметъ участіе и знаменитый Никита, священникъ Суздальскій, хотя онъ и отрекся было отъ раскола. Хованскій слыхалъ про Никиту и, надѣясь, что противъ такого бойца на словахъ не устоять православнымъ, сказалъ обратившимся къ нему: «Радъ вамъ, братія, помогать, а того и въ умѣ не держите чтобы по старому васъ казнить, вѣшать и въ срубахъ жечь». Раскольники поблагодарили и потребовали, чтобы на лобномъ мѣстѣ, передъ всѣмъ народомъ, въ присутствіи государей, а если нельзя на лобномъ мѣстѣ, такъ въ кремлѣ, между соборами, у краснаго крыльца, былъ соборъ и непремѣнно до коронованія царей, чтобы государи вѣнчались, какъ они говорили, въ истинной православной вѣрѣ, а не въ латино-римской. Хотя они были увѣрены въ успѣхѣ своего дѣла, но желаніе ихъ однакожъ не исполнилось; да при томъ еще оказалось, что и между стрѣльцами не всѣ стоятъ за расколъ. Когда, чтобы подвинуть дѣло, послали стариковъ по приказамъ и они стали всѣхъ уговаривать подписаться подъ челобитною, то въ десяти приказахъ ихъ встрѣтили бранью и не подписались, говоря: «зачѣмъ намъ рукоприкладывать, мы отвѣчать противъ челобитной не сумѣемъ, а если руку приложимъ, то и отвѣтъ должны будемъ дать противъ пат-

ріарха и архіереевъ, а старцы помутятъ да и уйдутъ: имъ ли отвѣчать противъ такого собора!»

Такое разномысліе стрѣльцовъ очень встревожило Хованскаго; чтобы поправить дѣло, онъ созвалъ выборныхъ въ отвѣтную палату, и, будто по царскому указу, предложилъ имъ такой вопросъ: всѣ-ли они хотятъ стоять за Православную вѣру? «Не только стоять, но и умереть готовы», отвѣчали стрѣльцы, понимая слова хитраго боярина каждый по своему. Три раза повторилъ онъ свой лукавый вопросъ и три раза получилъ тотъ же отвѣтъ. Тогда Хованскій пошелъ къ государямъ, т. е. къ царевнѣ и передалъ отвѣтъ выборныхъ. Рѣшено было, чтобы онъ съ выборными шелъ къ патріарху; къ выборнымъ присоединились и ревностные раскольники изъ посадскихъ; потому что отвѣчать патріарху выборные, конечно, не могли. Патріархъ принялъ ихъ благодушно и началъ крѣпко увѣщать; съ отвѣтомъ ему выступилъ ревнитель изъ посадскихъ, Павелъ Даниловецъ; онъ говорилъ такъ рѣзко, что когда, по окончаніи пренія, всѣ вышли отъ патріарха, то Хованскій поцѣловалъ его въ голову и сказалъ: «не зналъ я, малый, тебя до сей поры.» Соборъ былъ назначенъ 5 іюля въ среду. — Между тѣмъ раскольники всѣми силами старались возбудить народъ и неусыпно проповѣдывали свое ученье на площадяхъ и по улицамъ; если являлись защитники православной церкви, то изувѣры бросали въ нихъ камнями и били безпощадно.

Въ назначенный день, 5 іюля, Никита Пустосвятъ собралъ главныхъ единомышленниковъ за Яузою; отслужилъ молебенъ по раскольничьему толку и, сопровождаемый огромною толпою, двинулся въ кремль, чтобы вызвать патріарха на лобное мѣсто, для всенароднаго пренія. Самъ онъ шелъ съ крестомъ, а другіе отцы несли иконы, ветхія книги, налои и наполняли воздухъ неистовыми криками. Народъ сбѣгался отвсюду и слѣдовалъ за ними. Раскольники остановились за Архангельскимъ соборомъ, близъ краснаго крыльца; тутъ они поставили налои, покрыли ихъ пеленами и разложивъ на нихъ, старинныя иконы и книги, зажгли свѣчи. Никита съ главными сообщниками взлѣзъ на подмостки и громко поучалъ народъ. Въ толпѣ слышались похвалы раскольничьимъ монахамъ, ихъ стариннымъ клабукамъ, надвинутымъ на глаза, ихъ постническому виду.

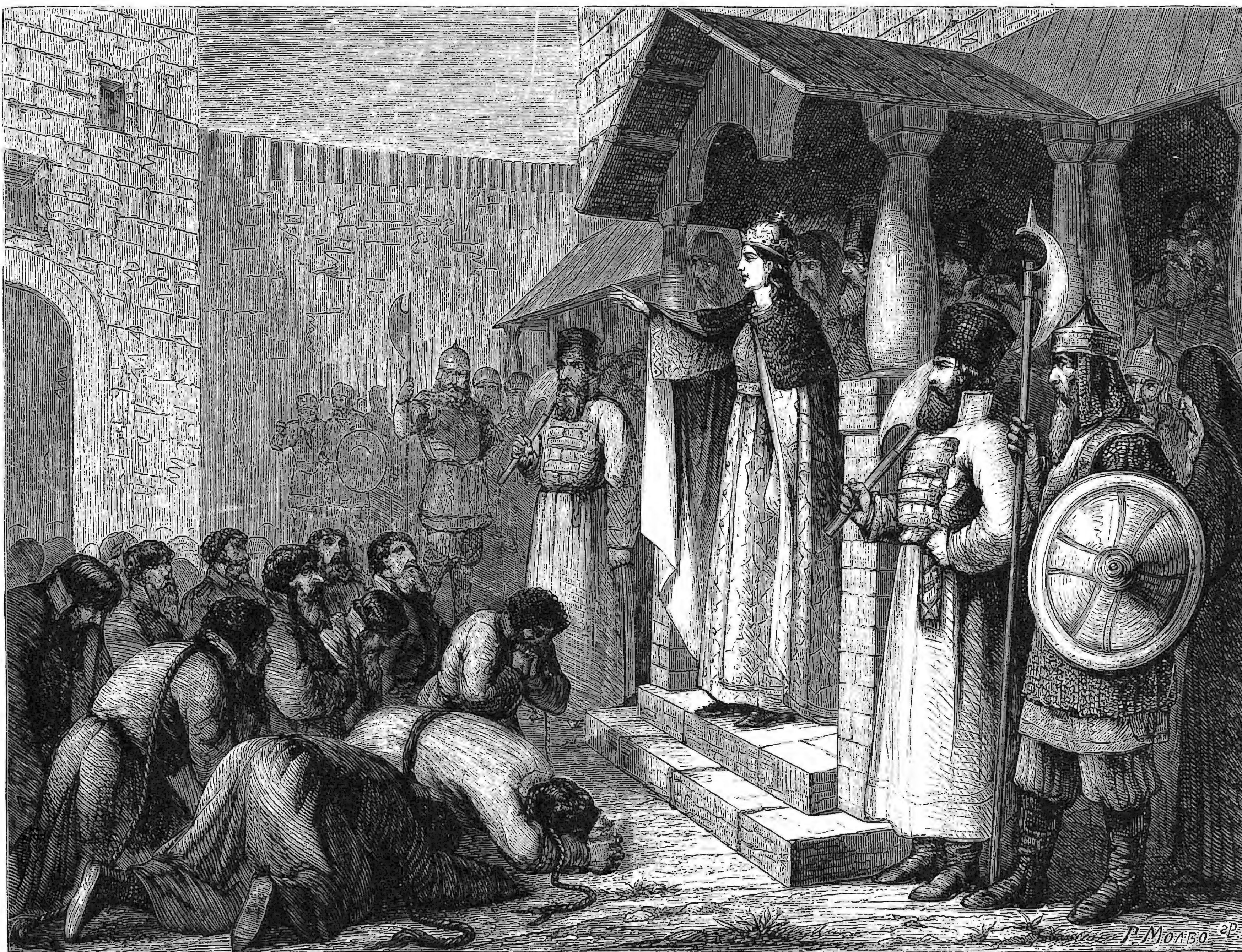
Въ это время патріархъ совершалъ въ Успенскомъ соборѣ молебствіе и со слезами умолялъ Небесную Заступницу о спасеніи церкви и царства. По окончаніи молебна патріархъ пошелъ къ себѣ домой, а къ народу выслалъ протопопа Василія съ печатнымъ обличеніемъ на Никиту, какъ онъ прежде раскаявался передъ соборомъ въ своихъ раскольничьихъ заблужденіяхъ. Протопопу не дали читать, начали бить его и, можетъ быть, совсѣмъ бы убили, если бы не вступился раскольничій же монахъ Сергій: «зачѣмъ его бить, сказалъ онъ, вѣдь онъ не самъ собою пришелъ, а посланъ патріархомъ».

Во дворцѣ въ это время тоже всѣ были въ страхѣ и недоумѣніи; многіе боялись, чтобы не повторилось 15 мая; но Софья имѣла вѣрныя свѣдѣнія, что у стрѣльцовъ и мысли нѣтъ о бунтѣ; поэтому, несмотря на всѣ представленія Хованскаго, она не согласилась выслать патріарха съ духовенствомъ на площадь и рѣшила, что если преніе необходимо, то быть ему въ Грановитой Палатѣ. Тогда Хованскій думалъ было испугать Софью бунтомъ и настаивалъ на томъ, чтобы и въ Грановитой Палатѣ никто изъ царскаго дома не присутствовалъ, потому что, если они будутъ тамъ съ патріархомъ, то не быть имъ живымъ. Софья спокойно отвѣчала ему: «буди воля Божія, но я не оставлю Св. Церкви и ея пастыря! Быть пренію въ Грановитой и я буду тамъ. Кто хочетъ-пойдетъ со мною.» Софья послала пригласить патріарха, чтобы онъ прибылъ въ Грановитую Палату со всѣми святителями, а Хованскій отправился къ отцамъ увѣдомить ихъ о рѣшеніи царевны. Долго они не хотѣли идти въ Грановитую Палату, боясь, чтобы какого нибудь вымысла и коварства надъ ними не было, и тогда только рѣшились, когда Хованскій сказалъ: «Святые отцы, цѣлую вашъ крестъ и клянусь кровью Христовою, что никакого зла вамъ не будетъ, а если будетъ, такъ и мнѣ тоже что вамъ.» Двинулись раскольники съ крестомъ и евангеліемъ, образами, налоями, свѣчами; шумно и въ огромномъ числѣ вошли они въ палату, потому что Хованскій приказалъ всѣхъ ихъ пропускать, между тѣмъ какъ православныхъ священниковъ и мірянъ не велѣлъ пускать и ихъ отгоняли даже побоями. Въ палатѣ уже присутствовали: царевна Софья, тетка ея Татьяна Михайловна, царица Наталья Кирилловна и царевна Марья Алексѣевна, смѣло послѣдовавшія за нею, между тѣмъ какъ мужчины, бояре, перепуганные словами Хованскаго, со слезами умоляли

Софью не ходить въ Грановитую палату. Софья и тетка ея сидѣли на царскихъ тронахъ, ниже ихъ въ креслахъ помѣстились царица Наталья, царевна Марья и патріархъ, на право архіереи, на лѣво свѣтскіе сановники, царедворцы и выборные стрѣльцы. Царскія мѣста занимали однѣ женщины; всѣмъ заправляла одна царевна, но и всѣ эти женщины явились открыто передъ народомъ; на такое небывалое, поразительное новшество, враги всякаго новшества, пришедшіе отстаивать старую вѣру, не обратили никакого вниманія; они едва поклонились царевнамъ и царицѣ, не оказавъ никакого уваженія патріарху и святителямъ; торопливо разставили налои передъ трономъ; положили на нихъ иконы и книги, зажгли свѣчи и какъ изступленные озирали все собраніе.

Видя все это, Софья обратилась къ раскольникамъ и спросила у нихъ: «для чего вы такъ дерзко и нагло пришли къ царскому величеству въ государскія палаты, будто къ иновѣрнымъ и Бога незнающимъ?» «Пришли мы, отвѣчалъ Никита, къ царямъ государямъ побить челомъ о исправленіи православной вѣры, чтобы дали намъ свое правильное разсмотрѣніе съ новыми законодавцами; чтобы церкви Божіи были въ мирѣ и соединеніи и чтобы служба Божія была какъ при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ и святѣйшемъ патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ по старинным служебникамъ.» — «Не вамъ подобаетъ исправлять церковныя дѣла, сказалъ патріархъ, вы должны повиноваться матери святой Церкви и намъ архіереямъ, пекущимся о вашемъ спасеніи; книги же исправлены съ греческихъ и нашихъ харатейныхъ книгъ по грамматикѣ.» — Никита вскричалъ: «не о грамматикѣ пришли мы съ тобою говорить, а о догматахъ церковныхъ; отвѣчай на мои вопросы.» И онъ тотчасъ же пустился въ суемудрствованія, надѣясь своимъ злорѣчіемъ смутить престарѣлаго іерарха; но вмѣсто патріарха началъ отвѣчать Никитѣ Холмогорскій епископъ Афонасій, опытный въ раскольничихъ ухищреніяхъ и много начитанный. Никита, видя въ немъ опаснаго врага, вскричалъ: «что ты нога, выше главы ставишся, я не съ тобой говорю, а съ патріархомъ!» И онъ съ яростію бросился на него; но стрѣльцы поспѣшили оттащить его отъ епископа. Софья не вытерпѣла, встала и гнѣвно вскричала: «какъ ты смѣешь говорить съ патріархомъ? Развѣ ты забылъ, что принесъ повинную отцу нашему, патріарху, всему собору и клялся великою клятвою не бить челомъ о вѣрѣ, а теперь вотъ что дѣлаешь, при насъ хотѣлъ архіерея бить.» Никита отвѣчалъ: не запираюсь, царевна, поднесъ я повинную вашему родителю за мечемъ и за срубомъ, а на челобитную, что подалъ я собору, никто изъ архіереевъ не отвѣчалъ; отвѣтомъ на нее была тюрьма». «Замолчи!» — вскрикнула Софья и приказала дьячку читать челобитную раскольниковъ. Когда дочли до того мѣста, гдѣ говорилось, что чернецъ Арсеній еретикъ съ Никономъ поколебали душу царя Алексѣя, Софья не вытерпѣла и со слезами на глазахъ стала говорить: «если Арсеній и Никонъ еретики, то отецъ нашъ и братъ Федоръ тоже были еретики; выходитъ, что и теперешніе цари — не цари, — патріархъ — не пастырь Церкви. Нѣтъ, мы не хотимъ слышать такой хулы и намъ ничего болѣе не остается, какъ оставить царство». Съ этимъ словами Софья сошла съ трона и стала поодаль. Въ мятежной толпѣ раскольниковъ послышались такія рѣчи: «давно пора вамъ, государыня, въ монастырь, полно вамъ царствомъ — то мутить; намъ были-бы здоровы цари государи, а безъ васъ пусто не будетъ!» Но бояре и выборные стрѣльцы окружили царевну; многіе изъ нихъ плакали и клялись положить головы свои за царскій домъ. Они уговаривали царевну сѣсть на свое мѣсто; но она къ прежнему еще прибавила, обратясь къ выборнымъ: «вы зоветесь нашими вѣрными слугами, а позволяете этимъ мужикамъ, невѣждамъ приходить къ намъ бунтомъ, творить намъ всѣмъ досады и кричать. Нѣтъ мы не можетъ быть въ такомъ порабощеніи, мы оставимъ Москву, пойдемъ въ другіе города и возвѣстимъ всему русскому народу о вашемъ неповиновеніи.» Эти рѣшительныя слова Софьи смутили стрѣльцовъ и всѣ тотчасъ стихли; они очень понимали, что по выѣздѣ царскаго дома изъ Москвы поднимется на нихъ вся Россія и тогда имъ придется тяжело расплатиться за всѣ ихъ неистовства. По окончаніи чтенія челобитной, раскольникамъ было объявлено, что за позднимъ временемъ (наступилъ уже вечеръ), нельзя продолжать преніе и указъ имъ будетъ послѣ. Изувѣры вышли къ народу съ торжествующими лицами и, поднявъ два пальца вверхъ, что есть мочи кричали: «Тако вѣруйте, тако творите! всѣхъ архіереевъ препрохомъ и посрамихомъ!» Но торжество ихъ было не продолжительно. Софья, рѣшась положить конецъ смутамъ, приказала, чтобы выборные отъ всѣхъ

полковъ явились къ ней въ Верхъ. Правительница вышла къ нимъ, окруженная царицами и царевнами, стала ихъ увѣщевать и наконецъ сказала: «неужели вы насъ и все Россійское государство промѣняете на четырехъ чернецовъ и отдадите на поруганіе святѣйшаго патріарха и весь освященный соборъ?» На это выборные, одни за другими, отвѣтили: «мы, государыня царевна, за старую вѣру не стоимъ и не наше то дѣло, то дѣло патріарха и всего священнаго собора!» За такія умныя рѣчи Софья приказала ихъ угостить и всѣхъ щедро наградила деньгами. Поупрямились нѣкоторое время рядовые стрѣльцы; но и тѣ не устояли передъ царскимъ угощеньемъ; выставлено было по ушату вина на десятерыхъ: всѣ дали заручныя, что впередъ не будутъ вступаться за старую вѣру. Послѣ этаго пустились бить раскольниковъ, перехватали отцевъ. Никитѣ отсѣкли голову, какъ самому дерзкому заводчику смуты; Сергія, которому съ трудомъ спасъ жизнь Хованскій, сослали въ Спасскій монастырь, въ Ярославль; нѣкоторыхъ заточили, другихъ отправили въ дальнія мѣста, остальные разбѣжались.



ПОВИННАЯ СТРѢЛЬЦОВЪ. (№ 4).

Картина 4.

Повинная стрѣльцовъ.



Неудачно для раскольниковъ окончились ихъ замыслы; но и при этомъ, всетаки стрѣльцы же были главною, всерѣшающею силою, господствующею надъ всей Москвой. И вся эта сила была въ рукахъ Хованскаго, котораго стрѣльцы называли своимъ отцемъ, а онъ явно выказалъ себя покровителемъ раскола и слѣдовательно противникомъ правительства и церкви. Поэтому, если онъ сперва потворствовалъ стрѣльцамъ только изъ честолюбія, чтобы выдвинуться впередъ, то теперь онъ долженъ былъ потворствовать имъ уже по чувству самохраненія. Софья не могла не понять этого, и, конечно, ясно видѣла, что если она черезъ стрѣльцовъ овладѣла правленіемъ, то Хованскій овладѣлъ стрѣльцами, а потому и она сама находится въ его власти. Бояръ онъ не ставилъ ни во что и даже въ присутствіи царей оскорблялъ ихъ. Поэтому они изыскивали всѣ средства, погубить его, и они безпрерывно доставляли царевнѣ вѣсти о властолюбивыхъ замыслахъ Хованскаго. Она показывала, что всему вѣритъ; но нетороплпво обдумывала, какъ бы надежнѣе высвободиться изъ-подъ невыносимаго ига стрѣльцовъ и Хованскаго. Наконецъ она рѣшилась оставить Москву. При крестномъ ходѣ, который бываетъ въ Москвѣ изъ Успенскаго собора въ Донской монастырь, 19 августа, въ память избавленія, при царѣ Федорѣ, отъ нашествія крымцевъ, государи, по обыкновенію, должны были итти за крестами; но вдругъ разнесся слухъ, что стрѣльцы замышляютъ воспользоваться этимъ случаемъ и убить ихъ. Цари не пошли въ ходѣ, а на другой день, 20 августа, все царское семейство выѣхало въ Коломенское. Нѣкоторые изъ бояръ и царедворцевъ отправились туда же, а другіе разъѣхались по своимъ помѣстьямъ; въ Москвѣ, изъ всѣхъ знатныхъ лицъ, остался одинъ Хованскій. Это сильно встревожило всѣхъ; пріуныли и стрѣльцы; они предчувствовали, что подготовляется надъ ними расправа. И дѣйствительно, въ Коломенскомъ собиралась страшная буря противъ названнаго отца ихъ, заступника и покровителя. Сентября 2-го у переднихъ дворцовыхъ воротъ найдено было подметное письмо съ подписью: «вручить государынѣ, царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ». Въ этомъ безъимянномъ письмѣ прямо указывалось, что Хованскій и сынъ его готовятся истребить все царское семейство, патріарха и всѣхъ главнѣйшихъ вельможъ, а послѣ этого Хованскій отецъ думаетъ возложить на себя корону; патріарха же и властей избрать изъ такихъ, которые бы старыя книги любили. На сколько было правды въ этомъ письмѣ — Богу извѣстно; можно даже думать, что оно сочинено и подброшено по волѣ самой Софьи; но все сказанное въ немъ было правдоподобно, согласно съ властолюбивымъ характеромъ Хованскаго и его приверженностью къ расколу. Софья притворилась совершенно перепуганною, тотчасъ-же удалилась со всѣмъ царскимъ семействомъ въ Савво-Сторожевскій монастырь, близь Звенигорода, а отсюда немедленно разослала окружныя грамоты въ разные города, призывая дворянъ и разнаго званія ратныхъ людей на защиту царей и царства. Дворяне не замедлили подняться съ своими ратными людьми и Софья, переѣзжая со всѣмъ царскимъ семействомъ въ Троицко-Сергіеву Лавру, уже встрѣти-

ла на пути, въ дворцовомъ селѣ, Воздвиженскомъ, нѣкоторые изъ ихъ полковъ. Въ это время въ селѣ Воздвиженскомъ Софья получила письмо отъ Хованскаго, который увѣдомлялъ ее, что идетъ въ Москву сынъ малороссійскаго гетмана и спрашивалъ, какъ его принять? — Это былъ очень удобный случай выманить изъ Москвы Хованскаго и правительница тотчасъ же имъ воспользовалась: она отвѣтила Хованскому очень ласково, благодарила за его вѣрную службу и приглашала пріѣхать къ ней для совѣщанія по дѣламъ Малороссіи.

Во всѣмъ государствѣ Хованскій былъ объявленъ измѣнникомъ, цареубійцею; нельзя предполагать, чтобы и онъ не зналъ объ этомъ; но между тѣмъ, обманутый ли ласковымъ письмомъ Софьи или надѣясь личнымъ присутствіемъ разомъ уничтожить всѣ козни своихъ враговъ, онъ рѣшился исполнить волю правительницы. Сынъ его, Андрей, тоже поѣхалъ, но не вмѣстѣ, а другою дорогой. Узнавши что Хованскіе выѣхали изъ Москвы и что свиты обоихъ не значительны, Софья тотчасъ же отправила навстрѣчу имъ сильный отрядъ съ царедворцемъ, Кн. Лыковымъ, которому приказала схватить ихъ. Лыковъ ловко исполнилъ данное ему порученіе; отца захватилъ у села Пушкина, а сына — не далеко оттуда же — въ его подмосковной. Какъ только узнали въ Воздвиженскомъ, что Лыковъ забралъ Хованскихъ и везетъ ихъ подъ сильною стражею, то дали ему знать, чтобы онъ остановилъ ихъ противъ переднихъ воротъ государева двора на площади, гдѣ уже была приготовлена плаха. Въ присутствіи палатныхъ и воинскихъ людей, при огромномъ стеченіи народа, безъ всякаго розыска и суда, не спрашивая свидѣтелей, не слушая оправданій, объявили обоимъ Хованскимъ смертный приговоръ, который тутъ же и былъ исполненъ.

Зная какое дѣйствіе въ стрѣлецкихъ слободахъ произведетъ казнь Хованскихъ, Софья на другой же день со всѣмъ дворомъ переѣхала въ Троицкую Лавру, которая тотчасъ же приняла видъ крѣпости, готовой къ отраженію враговъ. По стѣнамъ расположились вооружонные царедворцы и бояре; крѣпкіе караулы заняли монастырскія ворота; сторожевые отряды разсыпались по оврагамъ, для наблюденія за Московскою дорогою. И дѣйствительно, такая предосторожность была не лишнею. Вѣсть о казни Хованскихъ дошла скоро до стрѣльцовъ, потому что въ

числѣ царедворцевъ присутствовалъ при казни и младшій сынъ Хованскаго, бывшій комнатнымъ стольникомъ царя Петра. Ночью онъ ускакалъ въ Москву и, собравъ стрѣльцовъ, сталъ имъ говорить со слезами: «видѣлъ я, братцы, своими глазами, какъ обезглавили моихъ отца и брата; убили ихъ бояре безъ всякаго суда, безъ розыска, безъ вѣдома царскаго. Не стало вашего заступника, не сдобровать и вамъ!» — «Переведутъ они и васъ всѣхъ, вскричалъ Григорій Языковъ, ушедшій изъ Воздвиженскаго вмѣстѣ съ Хованскимъ, не быть болѣе надворной пѣхотѣ. Видѣли мы дорогою несмѣтное множество вооруженныхъ людей, идутъ они къ Москвѣ, чтобы перебить въ слободахъ до послѣдняго младенца, а дворы пожечь». Первымъ рѣшеніемъ стрѣльцовъ было *засѣсть* Москву, чтобы обезопасить себя отъ нападенія; тотчасъ же заняли кремль, разобрали порохъ, свинецъ, разставили всюду караулы. Неистовая толпа ворвалась въ Крестовую палату и требовала отъ патріарха грамотъ въ украинскіе города, чтобы служилые люди спѣшили къ нимъ на помощь; грозились убить и его самого, если онъ будетъ за одно съ дворянами. Все однакожъ кончилось только криками и угрозами; черезъ день стрѣльцы одумались, страхъ взялъ свое; пришли они къ патріарху съ челобитьемъ, чтобы великіе государи изволили итти въ Москву, а у нихъ, надворной пѣхоты, никакого злаго умысла нѣтъ. Не вѣрилъ имъ патріархъ; но, не смѣя прекословить, отправилъ въ Троицу архимандрита, Адріана, съ извѣстіемъ о челобитьи стрѣльцовъ, наказавъ при этомъ тайно передать царевнѣ, чтобы она не довѣряла стрѣльцамъ. Софья въ это время имѣла уже подъ рукой сильное войско и по-этому могла смѣло отвѣчать стрѣльцамъ. Въ отвѣтъ на челобитье ихъ было прислано повелѣніе: чтобы они по своему обѣщанію служили вѣрно, отъ смятенія перестали, всполоховъ и страхованія въ Москвѣ не дѣлали, за казнь Хованскихъ не вступались, потому что измѣна ихъ обнаружена; на нихъ же, стрѣльцовъ, не было никакой царской опалы и никакого гнѣва; а если есть у нихъ какія дѣла, то прислали бы къ царямъ государямъ челобитчиковъ по 20 выборныхъ отъ каждаго полка.

Дней нѣсколько стрѣльцы колебались исполнить волю правительницы; но уже не по упорству въ зломысліи, а изъ страха лишится лучшихъ своихъ людей, полагая, что ихъ всѣхъ тамъ неминуемо казнятъ. Между

тѣмъ для управленія Москвою былъ присланъ бояринъ Головинъ, который своими распоряженіями показалъ стрѣльцамъ, что они не страшны правительству, да и въ Москвѣ ужъ ихъ никто не боялся и многіе говорили имъ въ глаза: «гдѣ вамъ, мужикамъ, владѣть разумными людьми и указывать великимъ государямъ?» Наконецъ стрѣльцы рѣшились отправить въ Троицу своихъ выборныхъ; но при этомъ попросили патріарха, чтобы для защиты ихъ отъ боярскихъ людей, онъ послалъ съ ними кого нибудь изъ архіереевъ. Патріархъ отпустилъ съ ними Суздальскаго митрополита, Иларіона. Несмотря однакожъ на это, выборные отправились въ великомъ страхѣ и многіе даже такъ перетрусились, увидя въ Воздвиженскомъ полки ратныхъ, что бѣжали назадъ въ Москву. Остальные прибыли въ Лавру 27-го сентября. Софья вышла къ нимъ одна, безъ царей, окруженная только боярами, и сказала: «Божіи люди, какъ не боялись вы Бога, поднимая руку на благочестивыхъ государей, на ихъ царскій домъ и синклитъ? Вы именуетесь слугами нашими, а гдѣ же ваша служба и покорность?» Стрѣльцы пали ницъ, во всемъ винились, молили о пощадѣ и подали письменную сказку, въ которой изъясняли, что по примѣру отцевъ и дѣдовъ служатъ они безъизмѣнно и впредь служить будутъ безъ всякой шаткости; злоумышленія у нихъ нѣтъ никакого и впредь не будетъ; взятыя ими пушки, порохъ и свинецъ хранятся у нихъ въ цѣлости и во всемъ они готовы исполнять волю царскую. Правительница согласилась простить; но только на условіяхъ, которыя имъ будутъ объявлены въ Москвѣ. При этомъ она указала имъ на ратныхъ людей, собравшихся наказать ихъ. Воборные возвратились въ Москву. Въ воскресенье, 8 октября, патріархъ созвалъ стрѣльцовъ въ Успенскій соборъ. По окончаніи обѣдни поставили на амвонѣ два налоя; на одномъ положили Евангеліе, на другомъ — руку апостола Андрея Первозваннаго. Вышелъ патріархъ, сказалъ поучительное слово о мирѣ и любви; послѣ этого были прочитаны статьи, присланныя правительницею, въ которыхъ, между прочимъ, требовалось: чтобы впредь не затѣвать никакихъ смутъ, къ раскольникамъ не приставать, о прелестныхъ и смутныхъ письмахъ немедленно доносить; къ начальству въ многолюдствѣ съ шумомъ и наглостію не приходить; самимъ ни съ кѣмъ не управляться; не своевольничать, не грабить; пушки и всякіе снаряды, самовольно взятые съ казеннаго двора, возвратить; у полковниковъ своихъ быть въ послушаніи и подобострастіи, безъ всякаго прекословія; на царскую службу, куда будетъ приказано, итти немедленно. Стрѣльцы все выслушали безъ ропота; цѣловали Евангеліе и руку апостола Андрея Первозваннаго, обѣщая безусловно исполнять волю царей и не щадить за нихъ головы своей.

Москва успокоилась, въ слободахъ водворилась тишина; но дворъ не выѣзжалъ изъ Лавры и дворянскіе полки не расходились. Это заставило стрѣльцовъ сдѣлать послѣдній шагъ къ возвращенію полной царской милости: отказаться отъ дня 15-го мая, какъ отъ подвига и признать въ немъ мятежъ и преступленіе. По внушенію, вѣроятно, со стороны самой Софьи, отъ всѣхъ полковъ подана была челобитная, въ которой говорилось: «грѣховъ ради нашихъ, боярамъ, думнымъ и всякихъ чиновъ людямъ учинилось отъ насъ побіеніе и тѣмъ мы, холопи ваши, Бога и васъ великихъ государей прогнѣвали; по заводу вора и раскольника Алешки Юдина съ товарищами, по потачкѣ всякому дурну названнаго отца нашего Кн. Ив. Хованскаго и сына его Андрея, били челомъ, чтобы на красной площади сдѣлать столбъ и написать на немъ вины побитыхъ; нынѣ же, видя свое неправое челобитье, просимъ столбъ тотъ съ красной площади сломать, чтобъ отъ иныхъ государствъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ никакого зазору не было.»

Столбъ былъ сломанъ и послѣ этой окончательной повинной со стороны стрѣльцовъ, Софья рѣшилась возвратиться въ Москву; при возвращеніи двора въ престольный городъ на три версты отъ заставы стояли стрѣльцы на колѣняхъ, многіе положа головы на плахи, другіе съ веревками на шеѣ. Несмотря однакожъ на такую покорность, зачинщиковъ бунта казнили; начальникомъ стрѣльцовъ назначили Шакловитаго, человѣка надежнаго, строгаго, неуступчиваго; по предложенію его нѣкоторые стрѣлецкіе полки, самые буйные, были высланы изъ Москвы.

Наконецъ, чтобы уничтожить самыя слѣдствія мятежа, для этого, 13 февраля 1663 г. былъ изданъ такой указъ: «которые холопи взяли у бояръ отпускныя въ смутное время за страхованіемъ и съ тѣми отпускными били челомъ кому нибудь во дворы и дали на себя кабалы, тѣхъ отдать прежнимъ ихъ боярамъ, а если они не возьмутъ ихъ, то

ссылать въ Сибирскіе и другіе дальніе города на вѣчное житье». Мая 21-го былъ изданъ другой указъ; «вѣдомо великимъ государямъ учинилось, что въ городахъ тамошніе жители и прохожіе люди про бывшее смутное время говорятъ похвальныя и другія непристойныя слова, на смуту, страхованье и соблазнъ людямъ, и великіе государи указали: во всѣхъ городахъ и уѣздахъ учинить заказъ крѣпкій, подъ смертною казнью, чтобъ всякихъ чиновъ люди прошлаго смутнаго времени никакихъ непристойныхъ словъ не говорили и заѣлыхъ дѣлъ не вмѣщали». И дѣйствительно, во многихъ мѣстахъ проявлялись возмутители, преимущественно изъ раскольниковъ; на Дону распространялъ воровскія письма какой-то чернецъ Іосифъ; атаманъ Скалозубъ затѣвалъ было разыграть роль Стеньки Разина; но всѣ ихъ замыслы остались безъ послѣдствій.

Такимъ образомъ Софьѣ удалось очень легко отдѣлаться отъ Хованскаго, усмирить стрѣльцовъ и высвободиться изъ-подъ ихъ гнета; съ этого времени она уже могла свободно дѣйствовать внутри и внѣ государства.



ПРІЕМЪ ПОСЛОВЪ ПОЛЬСКИХЪ. (№ 5).

Картина 5.

ПРІЕМЪ ПОСЛОВЪ ПОЛЬСКИХЪ.



Стрѣлецкая смута въ Москвѣ казалась благопріятною не только казачеству, но и Польшѣ, которая при этомъ надѣялась снова оторвать Малороссію отъ Москвы. Съ этой цѣлью приказано было польскому гетману, Яблоновскому, отправить *прелестные листы* къ Григорію Дорошенко и къ бывшему кіевскому полковнику, Солонинѣ. Листы эти были посланы съ двумя монахами, которыхъ избралъ самъ львовскій епископъ, Іосифъ Шумлянскій, надѣявшійся быть кіевскимъ епископомъ, если Малороссія отойдетъ отъ Москвы.

Скоро однакожъ узнали и въ Малороссіи и въ Польшѣ, что стрѣльцы покорились и смута прекращена; что новое правительство, какъ ни странно оно сложено, довольно сильно, потому что Софья имѣетъ двухъ надежныхъ помощниковъ: Шакловитаго и кн. Вас. Вас. Голицына. Первый былъ крестьянскаго происхожденія, изъ подъячихъ дослужился до думнаго дьячества и такимъ быстрымъ повышеніемъ онъ обязанъ былъ послѣднему смутному времени; поэтому онъ не могъ быть невѣренъ правительницѣ, не могъ быть и опасенъ по своей незнатности. Второй, кн. В. В. Голицынъ, знаменитый родомъ, умный и образованный, искусный въ дипломатическихъ дѣлахъ (международныхъ сношеніяхъ), былъ еще при царѣ Федорѣ сердечнымъ другомъ Софьи; поэтому, при счастливомъ окончаніи всѣхъ смутъ, онъ тотчасъ же выдвинулся впередъ и занялъ первое мѣсто при дворѣ. Ему данъ былъ титулъ, который носили Ординъ Нащокинъ и Матвѣевъ, — «царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ *оберегателя*». Обязанность перваго, Шакловитаго, собственно состояла въ томъ, чтобы удерживать порядокъ въ Москвѣ; не давать потачки стрѣльцамъ и зорко блюсти за всѣми замыслами бояръ, изъ которыхъ нѣкоторые были очень оскорблены возвышеніемъ любимца правительницы. Обязанность Голицына была несравненно важнѣе и въ то время очень трудная — онъ завѣдывалъ внѣшними дѣлами и долженъ былъ охранять выгоды Россіи въ сношеніяхъ ея съ прочими европейскими государствами, особенно же съ Швеціею и Польшей, какъ сосѣдними державами, захватившими, одна на сѣверѣ, а другая на югѣ, многія изстари принадлежавшія Россіи земли. Исхитить эти земли изъ чужеземной власти было постоянною заботою нашего правительства; поэтому, какъ царь Алексѣй, такъ и Федоръ, оба уклонялись отъ вѣчнаго мира съ Польшею и поддерживали споры со Швеціею. Софья отступила отъ мысли отца и брата; она рѣшилась, во что бы то ни стало, прекратить съ обоими этими государствами всѣ несогласія. Съ Швеціею не трудно было помириться, потому что правительница требовала только подтвержденія Кордискаго договора, который былъ ни что иное, какъ повтореніе бѣдственнаго для Россіи Столбовскаго договора, по которому русскіе были совершенно отрѣзаны отъ Балтійскаго моря; потому что царь Михаилъ, по крайней необходимости, долженъ былъ отказаться на вѣчныя времена за себя и потомковъ своихъ, отъ искони чисто русскихъ городовъ (Иванъ города, отъ Копорья, Орѣшка и Корелы), предоставивъ шведскимъ королямъ именоваться государями

земли Ижорской. — Заключеніе вѣчнаго мира съ Польшею, которой не хотѣли ничего уступить, было труднѣе; но тутъ помогло особенное положеніе самой Польши. Въ это время Турція, отъ которой уже приходилось терпѣть и Россіи и Польшѣ, стала угрожать опасностью всей западной Европѣ. Благопріятнымъ поводомъ къ распространенію владычества мухамеданъ надъ христіанами могло послужить стремленіе Венгріи отдѣлиться отъ Австріи. Подобно малороссійскому гетману Дорошенко, молодой венгерскій вельможа Текели, ставъ во главѣ своихъ соотчичей, поддался султану; это самое открывало туркамъ удобный путь къ стѣнамъ Вѣны, бывшей тогда столицею священной римской имперіи. Для спасенія христіанскаго міра отъ оттомановъ необходимо было, чтобы европейскія державы, граничившія съ Турціею, составили союзъ и общими силами сдѣлали отпоръ ихъ натиску. Первый соединился съ Австріею Янъ Собѣскій, король Польши; при этомъ императоръ обязался выставить 60,000 войска, а король 40,000; въ тоже время они старались привлечь къ своему союзу и другихъ владѣльцевъ, особенно же царей московскихъ.

Въ іюлѣ 1863 г. двѣсти тысячъ турокъ, подъ начальствомъ великаго визиря Кара-Мустафы, перешли Рообъ и двинулось прямо къ Вѣнѣ. Императоръ Леопольдъ со всѣмъ дворомъ оставилъ свою столицу, поручивъ защиту ея графу Штарембергу, оправдавшему это довѣріе. Графъ выжегъ предмѣстья, мужественно отражалъ всѣ приступы турокъ, продержался шесть недѣль и наконецъ дождался избавителей: къ Вѣнѣ подошло христіанское войско, болѣе чѣмъ полуторасто тысячъ, состоявшее изъ австрійцевъ, саксонцевъ, баварцевъ, франконцевъ и поляковъ. Надъ всѣмъ этимъ соединеннымъ войскомъ принялъ начальство король Собѣскій: 12 сентября смѣло ударилъ онъ на турокъ и одержалъ блистательную побѣду, чѣмъ спасъ всю Европу отъ страшнаго ихъ нашествія. Оставивъ весь свой богатый станъ въ добычу побѣдителямъ, Кара-Мустафа бѣжалъ къ Рообу; но Собѣскій настигъ его и вторично разбилъ подъ Парканами. Несмотря однакожъ на такой успѣхъ христіанскаго войска, въ Константинополѣ не думали о мирѣ; слѣдовательно Леопольду и Собѣскому нужно было готовиться на слѣдующій годъ къ новой тяжелой борьбѣ, а для этого имъ необходимо было подкрѣпить себя новыми союзниками. Весною 1684 года Венеція приступила къ священному союзу съ Австріею и Польшею; патрономъ, покровителемъ, этого союза былъ провозглашенъ папа Инокентій XI; въ договоръ съ Венеціею былъ внесенъ пунктъ, что три державы приглашаютъ къ союзу всѣхъ христіанскихъ государей и «преимущественно царей московскихъ».

Турція становилась и для Россіи очень опаснымъ врагомъ, съ которымъ бороться одинъ на одинъ было бы положительно невозможно, особенно если она пересилитъ Австрію и Польшу. Слѣдовательно, благоразуміе требовало приступить къ священному союзу и это очень понимали правители Россіи; но имъ хотѣлось воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Польши и заставить ее заключить вѣчный миръ съ уступкою Кіева на-всегда въ русскую сторону. Поэтому, когда въ маѣ 1684 года прибыли въ Москву императорскіе послы и приступили къ переговорамъ, то главнымъ пунктомъ несогласія было то, что поляки не хотѣли уступить Россіи Кіева, а русскіе безъ этой уступки не соглашались приступить къ союзу. При этихъ переговорахъ, продолжавшихся болѣе года, кн. Голицынъ выказалъ вполнѣ разумную твердость и настоялъ на своемъ. Военное счастіе стало измѣнять Собѣскому и въ 1685 году, по болѣзни, онъ не могъ самъ предводительствовать войсками; это заставило его отъ себя отправить пословъ въ Москву; они пріѣхали въ началѣ 1686 года; семь недѣль спорилъ съ ними кн. Голицынъ и товарищи его; послы, видя ихъ неуступчивость, объявили переговоры прерванными, откланялись царямъ и приготовились было къ отъѣзду. Ихъ не удерживали, и они принуждены были возобновить переговоры; «не желая, какъ говорили, столь великаго, славнаго, прибыльнаго дѣла оставить и своихъ трудовъ туне потерять». Наконецъ 21 апрѣля 1686 года былъ заключенъ вѣчный миръ: Польша навсегда уступала Россіи Кіевъ; великіе государи обязывались, разорвавъ миръ съ турецкимъ султаномъ и крымскимъ ханомъ, послать немедленно войско на крымскія переправы, для защиты Польши; при этомъ обѣ державы обязались также не заключать отдѣльнаго мира съ султаномъ. Со слезами на глазахъ Собѣскій въ Львовѣ скрѣпилъ присягою договоръ, которымъ Польша навсегда отказывалась отъ Кіева. Изъ этого видно, какъ выгоденъ былъ договоръ для Россіи и тяжелъ для Польши. И дѣйстви-

тельно, съ этой поры начинается рѣшительный перевѣсъ Россіи надъ Польшею; этому много содѣйствовало также и церковное возсоединеніе восточной и западной Россіи, т. е. подчиненіе кіевскаго митрополита московскому патріарху, состоявшееся еще до закрѣпленія Кіева за Россіею.

О своей великой заслугѣ — заключеніи вѣчнаго мира съ Польшею, купленнаго однакожъ тяжелымъ обязательствомъ воевать съ могущественною Турціею, Софья возвѣстила русскому народу манифестомъ, въ которомъ между прочимъ было сказано: «никогда еще, при нашихъ предкахъ, Россія не заключала такого прибыльнаго и славнаго мира, какъ нынѣ; отецъ и братъ нашъ владѣли Смоленскомъ, Черниговомъ, Малороссійскимъ краемъ только временно, до окончанія перемирія, а богоспасаемый градъ Кіевъ трижды клялись предъ евангеліемъ возвратить Польшѣ. Отнынѣ же все наше и навѣки». Чтобы сильнѣе убѣдить народъ въ важности заключеннаго мира, Софья приказала совершить молебствіе во всемъ государствѣ; всѣ сословія осыпала наградами: боярамъ, царедворцамъ, людямъ служилымъ были прибавлены оклады и помѣстья обращены въ вотчины; людямъ торговымъ и посадскимъ дарованы разныя облегченія. Болѣе же всѣхъ былъ награжденъ бояринъ и оберегатель, кн. Голицынъ; себѣ она присвоила титулъ *самодержицы*, который съ этого времени приказано писать во всѣхъ актахъ, внутри государства, на ряду съ именемъ державныхъ братьевъ.

Противъ союза Россіи съ Польшею былъ гетманъ Самойловичъ; онъ утверждалъ, что союзъ этотъ не можетъ быть надеженъ уже и потому, что поляки принадлежатъ къ римскому костелу, а русскіе — восточнаго исповѣданія; слѣдовательно гораздо полезнѣе было бы сохранить миръ съ султаномъ и крымскимъ ханомъ. Но въ Москвѣ имѣли въ виду именно то, чтобы при этомъ удобномъ случаѣ освободиться отъ крымскихъ униженій; поэтому Самойловичу былъ сдѣланъ выговоръ за его *противенство*. Гетманъ испугался и послалъ просить у царей милостиваго прощенія, «чтобы не быть ему въ нечистой печали и приготовленіе на войну съ бусурманами чинить не печальнымъ, но веселымъ сердцемъ». Походъ на Крымъ былъ рѣшенъ. Москва впервые рѣшилась съ многочисленнымъ войскомъ проникнуть въ самое жилище своего заклятаго врага; поэтому понятно, что Голицыну, какъ первенствующему лицу въ Россіи, трудно было уступить кому либо другому честь завоеванія Крыма; не могла не желать и Софья, чтобы эта честь принадлежала именно ея любимцу; но понятно также и то, что обоихъ ихъ крѣпко тревожила и мысль о неудачѣ, которая бы ободрила и усилила недруговъ Голицына, а къ числу ихъ, между прочими, принадлежали: именитый бояринъ кн. Черкасскій и самъ патріархъ. Слѣдовательно, игра была опасная. Есть даже извѣстіе, что Голицынъ противъ воли принялъ начальство надъ войскомъ; собственно потому только, что этого требовали враждебные ему бояре, надѣявшіеся тѣмъ подвергнуть его большимъ опасностямъ. Принявъ на себя волею или неволею исполненіе великаго и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне труднаго дѣла, Голицынъ, поручилъ Шакловитому, который по своему положенію, не могъ ему измѣнить, зорко слѣдить за его врагами, обовсемъ немедленно доносить ему и сколько возможно болѣе давать имъ чувствовать силу его, т. е. Софьи.

Устроивъ войско на берегахъ рѣки Мерло, князь въ маѣ мѣсяцѣ выступилъ въ походъ; на Самарѣ присоединились къ московскому войску малороссійскіе казаки, до 50,000 человѣкъ, подъ предводительствомъ гетмана. Голицынъ доносилъ двору, «что онъ идетъ на Крымъ съ великимъ поспѣшеніемъ», а между тѣмъ въ семь недѣль съ трудомъ добрался до Конскихъ водъ, т. е. перешелъ не болѣе 300 верстъ. Іюня 13-го войско переправилось черезъ Конскія воды и расположились лагеремъ въ урочищѣ Большой Лугъ, въ недальнемъ разстояніи отъ Днѣпра. Татаръ ни гдѣ не было видно; но вдругъ съ юга стали подниматься густыя облака дыма и наполнять воздухъ нестерпимымъ смрадомъ: это былъ степной пожаръ, просто море огня, черезъ которое пройти не было никакой возможности. Голицынъ собралъ совѣтъ; разсуждали долго; боялись погубить войско, боялись и стыда безславно отступить; наконецъ рѣшили продолжать походъ; двинулись, но въ двое сутокъ могли пройти не болѣе 12 верстъ. Степь дымилась кругомъ, отъ копоти съ трудомъ можно было различать предметы; ни гдѣ не было ни травы, ни воды; люди и лошади, изнуренные зноемъ, жаждою и походомъ, едва передвигали ноги; очень многіе заболѣли. На третій день похода пошелъ проливной дождь; очистивъ и освѣживъ воздухъ, далъ воду; но

травы все таки не было: выжженную степь покрывали груды золы. Голицынъ снова созвалъ совѣтъ и въ этотъ разъ было рѣшено возвратиться, а для безопасности отступленія отправить 20,000 русскаго войска и столько же малороссійскаго къ низовьямъ Днѣпра, чтобы этимъ отвлечь силы непріятеля. Войско обратилось назадъ прежнимъ путемъ и отступало такъ поспѣшно, что далеко оставило за собою обозы, на которые напали татары, какъ бы изъ земли выросшіе, все разграбили, людей перебили или взяли въ плѣнъ.

Остановясь съ войскомъ для отдыха у Конскихъ водъ, гдѣ было довольно и лѣсу и травы, Голицынъ послалъ донесеніе о своемъ отступленіи; чтобы прикрыть по возможности свою неудачу, онъ писалъ, что татары не смѣли выйти на встрѣчу царскому войску; но повредили ему тѣмъ, что зажгли степи. Эта вѣсть очень испугала Софью. Чтобы оберегатель не возвратился съ позоромъ въ Москву, къ великой радости враговъ его, она отправила къ нему Шакловитаго съ предложеньемъ: «если возможно, какъ ни есть, изготовя конскихъ кормовъ и озапасясь своими запасами, итти на Крымъ въ промыслъ, а къ Донскимъ казакамъ послать, чтобы они съ моря Крымъ тревожили и по возможности промышляли». Между тѣмъ, въ станѣ у Конскихъ водъ сталъ распространяться слухъ, что степи зажгли, съ допущенія гетманскаго, сами казаки для того, чтобы помѣшать вторженію русскихъ въ Крымъ. Такое предположеніе русскимъ начальнымъ людямъ могло казаться очень вѣроятнымъ, потому что для казаковъ дѣйствительно невыгодно было чтобы русскіе сокрушили Крымъ, послѣ чего они безпрепятственно могли бы и ихъ лишить всѣхъ правъ и вольности. Предположеніемъ этимъ воспользовались и малороссійскіе войсковые старшины, чтобы свергнуть гетмана, котораго вообще не терпѣли за его непомѣрную гордость и непомѣрное корыстолюбіе. Они подали Голицыну доносъ, указывая на враждебность гетмана къ Россіи, на его явную измѣну и въ заключеніе было сказано, что если государи не захотятъ смѣнить гетмана, то войско принуждено будетъ поступить съ нимъ по своимъ войсковымъ правамъ и обычаямъ. Доносъ этотъ былъ чистою клеветою. Самойловичъ точно былъ гордъ, корыстолюбивъ, заносчивъ, вообще дурной правитель и потому естественно, что возбудилъ противъ себя ненависть всего войска; но на вѣрность его къ Русскому Престолу указывали всѣ его прежнія дѣла. Онъ удержалъ Малороссію за Москвою, когда возсталъ Дорошенко; онъ постоянно былъ надежнымъ сторожемъ Украйны отъ татаръ; онъ также устроилъ важное и трудное дѣло кіевской митрополіи къ россійской іерархіи. Между тѣмъ Голицынъ принялъ доносъ и немедленно отправилъ въ Москву, потому что этотъ доносъ давалъ ему возможность снять съ себя позоръ неудачнаго похода. Софья отвѣчала что цари смѣняютъ Самойловича, если онъ неугоденъ старшинамъ и войску. Рѣшеніе немедленно было исполнено; при этомъ старшины неотступно требовали казни Самойловича; но воеводы не согласились и онъ былъ отправленъ со всѣмъ семействомъ, подъ крѣпкою стражею, въ Сибирь. Казакамъ велѣно было избрать новаго гетмана: избранъ былъ Мазепа, особенно пользовавшійся довѣріемъ Самойловича, обязанный ему всѣмъ своимъ возвышеніемъ, а между тѣмъ, по его именно внушенію и былъ составленъ доносъ на гетмана. Новый гетманъ Малороссіи угостилъ бояръ и воеводъ роскошнымъ пиромъ, послѣ чего войско двинулось къ берегамъ Мерло; тутъ оно было встрѣчено бояриномъ Шереметьевымъ съ царскимъ милостивымъ словомъ за успѣшный походъ и съ указомъ распустить ратныхъ людей по домамъ. Не смотря на безплодность перваго крымскаго похода, Софья, именемъ царей, пышно возвѣстила русскому народу о необычайныхъ подвигахъ воеводъ и всего войска и чтобы удостовѣрить въ этомъ, наградила воеводъ и все войско съ такою щедростью, что подобныхъ наградъ еще не бывало въ Россіи. При этомъ, разумѣется, не смотря на московскія пересуды, Голицынъ былъ встрѣченъ и награжденъ какъ побѣдитель. Впрочемъ, хотя оберегатель ни сколько не утратилъ своей силы при дворѣ; но, чтобы побѣдить своихъ внутреннихъ враговъ, не переставашихъ ему напоминать о себѣ, онъ долженъ былъ побѣдить татаръ, которые, за безуспѣшное намѣреніе прійти къ нимъ, начинали уже мстить успѣшными вторженіями въ Украйну. Поэтому, въ сентябрѣ 1688 года, объявлено было значительнымъ людямъ о новомъ походѣ на Крымъ. Наученный опытомъ, Голицынъ хотѣлъ предпринять походъ раннею весною, чтобы не имѣть недостатка въ водѣ и травѣ и не бояться степныхъ пожаровъ. Въ февралѣ 1689 года съ сто-тысячнымъ войскомъ двинулся

Голицынъ въ степь; сперва стужа и снѣга замедляли его движеніе; но потомъ онъ пошелъ безпрепятственно; въ половинѣ мая встрѣтилъ онъ орды хана, которыя, по своему обыкновенію, съ изумительною быстротою и храбростью нѣсколько разъ бросались на наше войско; но каждый разъ останавливали ихъ пушечные выстрѣлы. Потерпѣвъ большой уронъ и видя невозможность дѣйствовать противъ нашей артиллеріи, татары уступили и только издали появлялись густыми массами то впереди, то сзади нашихъ войскъ. По свидѣтельству генерала Гордона, участвовавшаго въ этомъ походѣ, дѣло съ татарами въ Черной долинѣ, было очень незначительное; но Голицынъ, въ своемъ донесеніи, разумѣется, представилъ его великимъ торжествомъ. Получивъ радостное извѣстіе отъ своего любимца, Софья писала къ нему: «свѣтъ мой, братецъ Васинька! Здравствуй, батюшка мой на многія лѣта! Подай тебѣ, Господи, и впредь враги побѣждать, а мнѣ, свѣтъ мой, не вѣрится, что ты къ намъ возвратишься; тогда повѣрю, какъ увижу въ объятіяхъ своихъ тебя, свѣта моего и т. д.» Отбивъ ханскія орды на Черной долинѣ, Голицынъ двинулся впередъ и 20 мая войско подошло къ Перекопу, ничтожному азіатскому городишку, защищаемому каменнымъ замкомъ; на западъ отъ него, версты на три до морскаго берега, перешеекъ былъ перерѣзанъ рвомъ. Такое укрѣпленіе, конечно, взять было не трудно; но войско было безъ воды, да и тутъ воды не было. Съ одной стороны Черное море, съ другой — Азовское, вездѣ соленая вода и ни гдѣ ни одного колодца. Далѣе за Перекопью опять таже голая безводная степь, гдѣ татары, безъ боя, могутъ уничтожить самое отважное войско голодомъ и жаждою. И вотъ что такое былъ Крымъ. Думали, что стоитъ только вторгнутся въ него съ многочисленнымъ войскомъ и татары тотчасъ оробѣютъ, покорятся, а вышло иначе. Пришлось уходить и какъ можно скорѣе; иначе, черезъ нѣсколько дней не на чемъ было бы и снаряды двинуть: лошади и волы околѣвали. Чтобы хотя съ чѣмъ нибудь возвратиться въ Москву, Голицынъ вступилъ съ ханомъ въ переговоры, надѣясь, что при видѣ многочисленнаго войска онъ согласится на выгодныя для Россіи условія. Но ханъ зналъ хорошо въ какомъ положеніи находится русское войско, поэтому намѣренно затягивалъ переговоры и Голицынъ отступилъ, пошелъ назадъ, не сдѣлавъ ровно ничего. Большое еще счастіе, что татары преслѣдовали слабо; иначе все войско могло бы погибнуть въ безводной степи, при страшномъ знoѣ. И такъ, оба похода, которые обошлись очень дорого, особенно по значительной потерѣ людей, отъ изнуренія и болѣзней, оказались для Россіи совершенно безплодными; но для союзниковъ они все таки были полезны, потому что, при этомъ, ханъ не могъ подать помощи туркамъ въ другихъ мѣстахъ.

Софья, для которой, важнѣе и отраднѣе всего было то, что «свѣтъ» ея возвратился къ ней благополучно, старалась всѣми средствами выставить въ самомъ блистательномъ видѣ второй походъ, и для этого всѣхъ участвовавшихъ въ дѣлѣ щедро осыпала наградами; знаменитаго же *оберегателя*, не смотря на общее негодованіе, выраженное даже юнымъ Петромъ, она не только безпримѣрно наградила, но и славила его стихами своего сочиненія, увѣряя, что

Образъ князя преславнаго
Во всѣхъ странахъ, здѣсь начертаннаго,
Отнынѣ вѣчно будетъ сіяти.

Картина 6.

ПЕТРЪ ВЪ НѢМЕЦКОЙ СЛОБОДѢ.



Съ того времени, какъ отправили бояриня Матвѣева въ Пустозерскъ, царевичъ Петръ видѣлъ только слезы матери и безпрестанно слышалъ горькія жалобы на неправду вельможъ, окружавшихъ царя Федора. Для обученья грамотѣ, въ свое время, приставили къ нему, по тогдашнему обыкновенію, дьяка Зотова, человѣка раболѣпнаго и самаго ограниченнаго ума, который, слѣдовательно, ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ отношеніяхъ не могъ быть полезенъ своему ученику, которому, при грустномъ положеніи его матери, одно только служило развлеченіемъ — игры со своими сверстниками, которыхъ собралъ ему еще отецъ его для потѣхи, а за это они и назывались *потѣшными.* Играли они въ солдаты, что и пристрастило Петра къ военному дѣлу, бывшему, впрочемъ, въ то время почти единственнымъ знаньемъ, ремесломъ, даже государственною обязанностью всего боярства.

По свидѣтельству людей того времени, во все продолженіе стрѣлецкой расправы, Петръ, не смотря на свои дѣтскія лѣта (ему было десять лѣтъ), выказывалъ удивительную твердость души въ самыя страшныя мунуты онъ былъ совершенно спокоенъ и даже ни разу не измѣнился въ лицѣ. Но что при этомъ было у него на сердцѣ, что было у него въ головѣ? На это указываютъ его занятія въ Преображенскомъ. Онъ видѣлъ какою силою Софья отняла всѣ права у него и у его матери; понялъ, что для того, чтобы возвратить эти права, нужно противъ ея силы поставить другую — сильнѣйшую. И вотъ игры въ солдатики превращаются въ образованіе настоящихъ солдатъ; такой дружины, которая, современемъ, могла бы стать за своего отца-командира противъ ненавистныхъ ему стрѣльцовъ и еще болѣе ненавистной Софьи, заклятаго врага его матери. Стали приглашать въ потѣшные людей разнаго званія и ужъ не дѣтей. Сперва въ потѣшные поступали преимущественно изъ придворныхъ конюховъ; но потомъ стали записываться и другіе, даже изъ нѣкоторыхъ знатныхъ фамилій. Наконецъ, въ 1684 году открыто кликнули кличъ къ охочимъ людямъ, и желающихъ стать въ потѣшную дружину — явилось много. Изъ нихъ сперва составился одинъ полкъ, а потомъ и другой; оба они были названы по имени слободъ, въ которыхъ жили Петръ и его потѣшные: первый — *Преображенскимъ*, а второй — *Семеновскимъ.* Такъ и теперь называются два гвардейскіе полка, съ которыхъ и началось образованіе гвардіи, охраннаго войска царя. Въ наставникахъ для правильнаго обученія ратному дѣлу недостатка не могло быть: въ Москвѣ съ давняго времени существовала такъ называемая Нѣмецкая слобода, наполненная иностранными наемными офицерами. Къ этимъ-то иноземцамъ и обратился молодой опальный царь за искуствомъ и за знаньемъ. Сталъ онъ ходить въ Нѣмецкую слободу и все что онъ тамъ видѣлъ и слышалъ, конечно, не могло не поразить его, не произвести сильнаго впечатлѣнія на его пылкую, пытливую душу. Офицеры, жившіе въ Нѣмецкой слободѣ, хотя и были люди небольшаго ученья; но и ихъ свѣдѣнія были значительны для Петра, у котораго послѣ дьяка Зотова, не было другихъ наставниковъ, а



ПЕТРЪ ВЪ НѢМЕЦКОЙ СЛОБОДѢ. (№ 6.

слѣдовательно все его умственное образованіе состояло собственно только въ умѣньи читать и писать, да и то плохо. Какъ люди бывалые, многое видѣвшіе, европейскіе выходцы на многое могли указать Петру, а главное то, что это былъ все народъ живой, веселый, безцеремонный. Тутъ Петръ увидѣлъ совсѣмъ другой бытъ жизни, другой взглядъ на все; женщины ихъ не бѣлились, не румянились, не прятались отъ мужчинъ; пользовались полной свободой, при чемъ однакожъ держали себя, какъ слѣдуетъ. Эти-то люди, въ дружеской бесѣдѣ, за кружкой пива, разсказали любознательному царю о чудесахъ западнаго міра, произведенныхъ наукою, образованіемъ; при чемъ онъ ясно увидѣлъ всю бѣдность и немощность своего русскаго народа; все его безобразное, азіатское неуклюжество, всю его умственную темноту. Петръ зналъ, что разкороновать его нельзя и, что по-этому, въ свое время онъ высвободится изъ подъ ненавистной опеки и сдѣлается самовластнымъ царемъ; что тогда на него ляжетъ обязанность вдвинуть свой народъ въ среду западныхъ образованныхъ народовъ; что для этого прежде всего ему самому нужно учиться, переобразовать самого себя, взглянуть собственными глазами на все, о чемъ ему разсказывали и что будетъ можно — перенести въ свою родную землю. Эта мысль должна была развиваться въ немъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе; наконецъ она охватила всю его душу и онъ началъ свое преобразованіе съ того, что совершенно отказался отъ дворцовыхъ обычаевъ старой Руси, которые, впрочемъ, уже не совсѣмъ строго соблюдалъ и отецъ его, царь Алѣксей. Отбросивъ свое царское величіе, принадлежавшее ему по самому его рожденью, онъ сдѣлался настоящимъ товарищемъ своихъ потѣшныхъ; раздѣлялъ съ ними всѣ ихъ труды, хотѣлъ все самъ испытать, во всемъ быть примѣромъ. Пытливый умъ его не давалъ ему покоя; но, по несчастью, не было человѣка, который могъ бы дать правильное направленіе его дѣятельности и онъ захватывалъ все, что ему ни попадалось. Какъ понималъ самъ Петръ недостаточность своего образованія, на это указываютъ собственныя его слова, переданныя императрицею Елизаветою Петровною. Вошедши одинъ разъ въ комнату племянника своего, Петра Федоровича, занимавшагося черченіемъ, она поцѣловала его и сказала со слезами: «не могу на словахъ разсказать того удовольствія, какое я чувствую, когда вижу, что ты хорошо употребляешь свое время и при этомъ вспоминаю, какъ батюшка, заставъ однажды меня съ сестрой за уроками, сказалъ со вздохомъ: «Ахъ! если бы я въ моей молодости былъ выученъ, какъ должно!»

Одна случайность привела къ Петру довольно порядочнаго учителя, который, по крайней мѣрѣ, могъ сообщить ему основныя свѣдѣнія въ важной наукѣ, геометріи; другая случайность обратила его къ новой дѣятельности, перевела его съ суши на воду. Князь Яковъ Долгорукій, назначенный посломъ во Францію, пріѣхавъ проститься съ 14 лѣтнимъ Петромъ, и, разговаривая съ нимъ, между прочимъ сказалъ, что у него былъ инструментъ, которымъ можно опредѣлить разстояніе мѣстностей, не подходя къ нимъ. «Купи мнѣ этотъ инструментъ во Франціи!» вскрикнулъ Петръ. Долгорукій исполнилъ его желаніе, привезъ ему этотъ инструментъ, т. е. *астролябію*. Смотритъ на нее Петръ съ восторгомъ и чуть не плачетъ: самъ не знаетъ, какъ за нее приняться, да и спросить не у кого. Обратился онъ къ своему дохтуру-нѣмцу и тотъ не знаетъ; впрочемъ, добрый нѣмецъ черезъ нѣсколько времени привелъ къ Петру голландца Франца Тиммермана, который могъ удовлетворить его любопытству. Такъ нашелся учитель и ученикъ «гораздо присталъ съ охотою учиться геометріи и фортификаціи». Съ какою усидчивостью принялся Петръ за ученье и какъ быстро переходилъ онъ отъ первыхъ началъ арифметики до труднѣйшихъ задачъ геометріи, — объ этомъ можно судить по его учебнымъ тетрадямъ, посчастію, сохранившимся. Тетради эти, сбереженныя и по настоящее время, свидѣтельствуютъ и о томъ, до какой степени было небрежно первое обученье Петра; будучи пятнадцати лѣтъ, онъ, видимо, съ трудомъ выводилъ буквы и писалъ совершенно неграмотно, даже по тогдашнему. Въ такомъ возрастѣ и при такой неграмотности не легко было приняться за серьезное ученіе; рѣшиться на это и побѣдить всѣ трудности могъ именно только необыкновенный человѣкъ. Съ той минуты, какъ узналъ Тиммермана Петръ, онъ уже съ нимъ не разставался, что видно изъ собственныхъ его словъ. Въ письмѣ, писанномъ имъ собственноручно въ 1719 году, онъ говоритъ: «И тако сей Францъ черезъ сей случай сталъ по дворѣ быть безпрестанно и въ компаніяхъ съ нами». Радъ былъ уче-

никъ наставнику; но каково было наставнику съ такимъ ученикомъ, который, по свидѣтельству современниковъ, не умѣлъ ходить, а только бѣгалъ; этимъ лучше всего выражается вся пылкость его души и ни чѣмъ неудовлетворяемое стремленіе къ пріобрѣтѣнію знаній. Все что ни увидитъ — объясни, скажи — что это такое, къ чему оно? И не было уголка, куда бы онъ не забѣжалъ взглянуть: нѣтъ ли тамъ чего новаго, любопытнаго? Такъ, одинъ разъ, бывши въ Измайловѣ, онъ забрался вмѣстѣ съ своимъ наставникомъ въ амбары, гдѣ лежали старыя негодныя вещи Ник. Ив. Романова; между ними онъ вдругъ увидѣлъ не русской постройки судно, совершенно для него новое. Разумѣется онъ сейчасъ спросилъ у Тиммермана, что это за судно? Тотъ отвѣчалъ, что это англійскій ботъ, употребляется при корабляхъ для ѣзды и возки; ходитъ на парусахъ не только что по вѣтру, но и противъ вѣтра. Это очень удивило Петра и даже показалось ему невѣроятнымъ. Однако, по желанію Петра, былъ отысканъ старикъ голландецъ, Брантъ, вызванный въ Россію еще при Алексѣѣ для постройки судовъ на Каспійское море, «который (слова самаго Петра), ботъ оный починилъ и сдѣлалъ маштъ и паруса и на Яузѣ при мнѣ лавировалъ, что мнѣ паче удивительно и зѣло любо стало». И такого-то, повидимому, ничтожнаго случая было достаточно, чтобы въ Петрѣ возбудить страсть къ мореплаванію и судостроенію.

Съ этого времени, не забывая своихъ потѣшныхъ, не оставляя своихъ прежнихъ занятій, Петръ большую часть времени проводилъ на верфи, гдѣ строились новые корабли. Не сидѣлось ему дома и въ Москву отправлялся онъ только въ крайнемъ случаѣ; но за то каждый день и цѣлый день онъ работалъ именно въ потѣ лица и только иногда отдыхалъ въ веселомъ кругу своихъ сотрудниковъ, своихъ наставниковъ, жившихъ въ Нѣмецкой слободѣ. И стала царица-мать безпокоиться, чтобы молодой ея богатырь не истощилъ себя трудомъ, работою, да и чтобъ не загулялъ больно съ нѣмцами, на которыхъ вообще тогда смотрѣли недружелюбно. Чтобы спасти удалаго молодца, привязать его къ дому, порѣшила царица женить его, думая, можетъ быть, по пословицѣ, что «женится — перемѣнится». И вотъ въ январѣ 1689 года женили Петра на Евдокіи, дочери окольничьяго Лопухина, хотя ему въ то время не минуло еще 19 лѣтъ. Не сбылась однакожъ пословица, не измѣнила Петра молодая жена; по-прежнему онъ рвался изъ дому; по-прежнему продолжалъ приготовляться къ великому дѣлу — преобразованію всего русскаго царства; по-прежнему не забывалъ онъ Нѣмецкой слободы, гдѣ казалось ему: и хлѣбъ-соль вкуснѣе, и вино слаще и женщины милѣе.



ВОЗВРАЩЕНІЕ ПЕТРА ВЪ МОСКВУ. (№ 7).

Картина 7.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ПЕТРА ВЪ МОСКВУ.



Потѣшался царь Петръ на сушѣ, строилъ крѣпостцы, гремѣлъ съ нихъ изъ пушекъ; потѣшался на Переяславскомъ озерѣ, гдѣ строилъ корабли; такія потѣхи подрастающаго царя были очень на руку Софьѣ, потому что онѣ удаляли его изъ Москвы и устраняли отъ вмѣшательства въ дѣла государственныя. Приверженцы царевны, не безъ страха однакожъ смотрѣвшіе на усиленіе потѣшныхъ, старались очернить Петра передъ народомъ, выставля его обусурманившимся гулякой. «Наша государыня Софья, говорили они, безпрестанно Богу молится, а у Петра только на органахъ, да на скрипкахъ играютъ».

Но потѣшаясь и вмѣстѣ съ тѣмъ учась, Петръ начиналъ уже выказывать свои права и неудовольствіе на незаконную опеку. Во время одного торжественнаго хода, 8 іюня, въ казанскую, Софья явилась въ царскомъ облаченіи; Петръ остановилъ ее и сказалъ: «чтобы она не ходила въ крестный ходъ, что она не царица». Софья не послушалась, взяла образъ и пошла; Петръ разсердился не пошелъ за крестами и уѣхалъ въ Преображенское. Только по усиленной просьбѣ самой царевны и другихъ, Петръ рѣшился подписать грамоту, назначавшую награды Голицыну и всѣмъ участвовавшимъ во второмъ крымскомъ походѣ; но когда они явились въ Преображенское благодарить его за царскую милость, то онъ не принялъ ихъ. Царица Наталья Кирилловна, видя уже надежную опору въ сынѣ, стала смѣлѣе и дѣйствовать и говорить. Когда Софья присоединила свое имя къ братнинымъ именамъ, то царица прямо высказала царевнамъ Михайловнамъ и Алексѣевнамъ: «Для чего она стала писаться съ великими государями вмѣстѣ? У насъ люди есть и того дѣла не покинутъ». Все ясно говорило Софьѣ, что если она не утвердитъ за собою похищенной ею власти, то ей скоро придется перебраться изъ царскаго дворца въ келью монастыря. Борьба начиналась открытая и почти безнадежная для похитительницы; это понимали и близкіе ей люди—В. Голицынъ и Шакловитый, которые легко могли и жизнью поплатиться съ паденьемъ своей государыни. Отклонить это паденье было для нихъ обоихъ жизненнымъ вопросомъ. Первый однакожъ не былъ способенъ, чтобы самому посягнуть на какую нибудь кровавую мѣру, хотя и проговорился разъ: «жаль, что въ стрѣлецкій бунтъ не уходили царицу Наталью вмѣстѣ съ ея братьями; теперь бы ничего не было». Другой, худородный подъячій, былъ готовъ на все и онъ прямо говорилъ Софьѣ: «чѣмъ тебѣ, государыня, не быть, лучше царицу извести». Правительница, повидимому, еще не рѣшалась на такое страшное преступленіе; называясь уже самодержицею всей Россіи, она задумала короноваться и этимъ навсегда упрочить свою власть. Но для исполненія этого нужно было обратиться къ прежнему орудію стрѣльцамъ, а орудіе это было уже притуплено самой Софьей и Шакловитымъ, по предложенію котораго всѣ удальцы, наклонные къ возмущенію, были удалены изъ Москвы; изъ оставшихся же большею частью были люди спокойные, довольные своимъ положеніемъ и которыхъ трудно было поднять. Такъ и оказалось на самомъ дѣлѣ. Когда Шак-

ловитый сталъ предлагать начальнымъ людямъ стрѣлецкимъ, чтобы они подали челобитную о коронованіи правительницы, то они не поддались на его обольщенія, какъ онъ ихъ ни уговаривалъ. На вопросъ стрѣльцевъ: да послушаетъ-ли насъ царь Петръ Алексѣевичъ? Онъ сказалъ: «послушаетъ, какъ двинитесь въ Верхъ, да задержите боярина Льва Кирилловича и кравчаго Бориса Алексѣевича». «А послушаютъ-ли, прибавили стрѣльцы, патріархъ и бояре?» «Патріарха, сказалъ Шакловитый, можно перемѣнить, а бояре отпадшее, зяблое дерево, о нихъ и думать нечего». Обѣщали начальные люди поговорить съ товарищами въ полкахъ; но и тамъ холодно приняли предложеніе Шакловитаго. Это заставило Софью отказаться отъ своей мысли; но вмѣстѣ съ тѣмъ она рѣшилась удержать за собою власть во что-бы то ни стало, чья бы кровь для этого не потребовалась. Ненависть ея, конечно, преимущественно обращалась на Наталью Кирилловну и противъ нея-то она особенно старалась возбудить стрѣльцовъ. Возвращаясь отъ всеношной изъ Новодѣвичьяго монастыря въ сопровожденіи пятисотныхъ и пятидесятниковъ, она стала имъ жаловаться на царицу, что она опять бѣду затѣваетъ и при этомъ прибавила: «если мы вамъ годны, то стойте за насъ, а если негодны, то мы оставимъ государство, пойдемъ съ братомъ, Иваномъ, гдѣ-нибудь келью себѣ искать». Стрѣльцы отвѣчали, что готовы исполнять ея волю; но когда она велѣла имъ ждать повѣстки, то большинство отказалось начинать дѣло по набату. «Если точно грозитъ бѣда кому нибудь изъ царскаго дома, говорили они, то пусть идетъ дѣло законнымъ порядкомъ: пусть думный дьякъ скажетъ царскій указъ, того они и возьмутъ, а безъ царскаго указа ничего дѣлать не станутъ, сколько бы они ни били въ набатъ». И дѣйствительно, не смотря на всѣ ухищренія Софьи и рвеніе Шакловитаго, не смотря на всѣ наговоры и жалобы царевны на Наталью Кирилловну и преданныхъ ей кн. Бориса Голицына и Льва Нарышкина, дѣло ни сколько ни подвинулось. Между тѣмъ, съ противной стороны, хотя и слабо, но тоже начинали дѣйствовать: по повелѣнію Петра былъ арестованъ въ Измайловѣ на нѣкоторое время самъ Шакловитый. Такихъ изъ стрѣльцевъ, которые готовы были, какъ 15 мая 1682 года принять на копья за Софью кого угодно, нашлось не болѣе пяти человѣкъ; но въ отпоръ имъ составился такой же кружекъ и за Петра; вся же масса стрѣльцевъ оставалась неподвижною, не склоняясь ни на ту, ни на другую сторону.

Наконецъ на Верху, въ совѣтѣ Софьи, рѣшились на послѣднее средство и, 7 августа, стали толковать о подметномъ письмѣ, которымъ предъявлялось, что ночью придутъ изъ Преображенскаго потѣшные конюхи побить царя Ивана Алексѣевича и всѣхъ его сестеръ. Вслѣдствіе этого Шакловитый отдаетъ приказанье, чтобы вечеромъ собралось въ кремль 400 человѣкъ стрѣльцевъ съ заряженными ружьями, а другіе 300 человѣкъ собрались-бы на Лубянкѣ; трехъ своихъ деньщиковъ посылаетъ онъ въ Преображенское смотрѣть — куда пойдетъ царь Петръ. Но всѣ его распоряженія оказались неуспѣшными. Деньщики не отправились на указанное имъ мѣсто; на Лубянкѣ люди не собрались; пришедшіе же въ кремль рѣшительно не знали для чего ихъ призвали и ни за что не хотѣли участвовать ни въ какой усобицѣ. Принадлежавшіе къ кружку за Петра выжидали чѣмъ начнется дѣло и одинъ изъ нихъ, Мельновъ, оставался въ кремлѣ наблюдать. Въ эту минуту общаго тяжелаго и тревожнаго ожиданія пріѣхалъ въ кремль изъ Преображенскаго стольникъ царя Петра — Плещеевъ. Одинъ изъ сподручниковъ Шакловитаго — Гладкій, самый отчаянный и давно ожидавшій какого-нибудь повода къ почину, бросается на Плещеева, стаскиваетъ его съ лошади, срываетъ саблю, начинаетъ бить и ведетъ въ Верхъ къ Шакловитому. Вся эта продѣлка Гладкаго кончилась однакожъ не въ пользу тѣхъ, передъ кѣмъ онъ хотѣлъ выслужиться. О нагломъ поступкѣ Гладкаго, Мельновъ тотчасъ далъ знать товарищамъ и они немедленно отправили въ Преображенское самого Мельнова и съ нимъ еще Ладогина увѣдомить царя, что на него и его мать умышляется смертное убійство. Было уже за полночь, Петръ спалъ крѣпкимъ сномъ; вдругъ его будятъ и говорятъ, что пріѣхали изъ Москвы стрѣльцы съ злою вѣстью: «множество стрѣльцевъ собрано въ Москвѣ и хотятъ они придти въ Преображенское бунтомъ». Услышавъ это, Петръ вскочилъ съ постели и, какъ былъ, побѣжалъ въ конюшню, бросился на лошадь и ускакалъ въ ближній лѣсъ, куда ему потомъ принесли платье. Одѣвшись, онъ отсюда съ немногими изъ приближенныхъ, прямо помчался къ Троицѣ, куда пріѣхалъ около 6 часовъ утра. Онъ такъ былъ утомленъ, что какъ только

вошелъ въ комнату, тотчасъ бросился на постель; къ нему явился архимандритъ Викентій, которому онъ со слезами разсказалъ о замыслѣ злой сестры и просилъ защиты. Въ тотъ же день, 8 августа, пріѣхали къ Троицѣ царица Наталья Кирилловна съ дочерью и невѣсткой; вмѣстѣ съ ними прибыли потѣшные, стрѣльцы Сухарева полка и нѣкоторыя изъ знати, рѣшившіеся открыто держать сторону Петра. Распоряженіе всѣмъ дѣломъ принялъ на себя Борисъ Голицынъ.

Извѣстіе объ удаленіи Петра и матери его, со всѣмъ дворомъ и всѣми преданными имъ, къ Троицѣ, сильно поразило всю Москву; всѣ видѣли, что начинается междоусобица и съ ужасомъ ожидали, чѣмъ разрѣшится эта новая страшная буря. Не спокойны были и на Верху, хотя и старались всѣхъ увѣрить, что не стоитъ и обращать вниманія на побѣгъ царя. «Вольно ему, взбѣсясь, бѣгать», говорилъ Шакловитый. Но когда Петръ прислалъ къ царю Ивану и Софьѣ спросить, для чего были собраны стрѣльцы въ такое необычное время, то ему отвѣчали, что царевна хотѣла отправиться съ ними на богомолье въ монастырь. Вслѣдъ за этимъ пришло требованіе отъ Петра, чтобы къ нему были отпущены полковникъ Циклеръ съ 50 стрѣльцами; не рѣшились прекословить, отпустили и они-то раскрыли всѣ злодѣйскіе замыслы Шакловитаго. Попытались послать къ Троицѣ для переговоровъ кн. Троекурова, но онъ возвратился съ недобрымъ отвѣтомъ, а вслѣдъ за его пріѣздомъ пришла грамота отъ Петра въ солдатскіе и стрѣлецкіе полки, чтобы начальные люди и по 10 человѣкъ рядовыхъ изъ каждаго полка были у Троицы къ 18 числу. Софья позвала къ себѣ начальныхъ людей и послѣ длинной рѣчи въ заключеніе сказала имъ, что если кто изъ нихъ пойдетъ къ Троицѣ и будетъ пойманъ, то лишится головы; потому что грамота прислана безъ вѣдома Петра, умышленіемъ кн. Бориса Голицына. Между тѣмъ отправлены были къ Троицѣ Прозоровскій и духовникъ Петра; имъ поручено было употребить всѣ средства къ примиренію брата съ сестрой; но и ихъ поѣздка осталась безуспѣшною. Тогда рѣшились послать патріахра, поручая ему уговорить Петра; обратились къ тому, о комъ прежде сами говорили, что вмѣсто уговариванія только мутитъ. Іоакимъ радъ былъ выѣхать изъ Москвы и вырваться изъ рукъ своихъ враговъ; онъ тотчасъ же отправился къ Троицѣ, но тамъ и остался. Пріобрѣтя такого важнаго союзника, сторона Петра стала дѣйствовать настойчивѣе; снова была отправлена грамота въ стрѣлецкіе полки, въ гостиную сотню, въ дворцовыя слободы и черныя сотни, чтобы всѣ полковники и начальные люди съ 10 рядовыми, а изъ сотень и слободъ старшины съ 10 тяглецами, немедленно явились къ Троицѣ, а кто не явится, тому быть въ смертной казни. На этотъ разъ стрѣльцы повиновались указу царя, а не приказу правительницы и толпами двинулись изъ Москвы. Встрѣтилъ ихъ передъ дворцомъ у Троицы самъ царь съ матерью и патріархомъ, при чемъ имъ было объявлено о замыслѣ Шакловитаго. Стрѣльцы завопили, что они знать не знаютъ о зломъ умыслѣ Федьки Шакловитаго, служатъ и работаютъ великимъ государямъ, какъ служили и работали ихъ предкамъ и во всемъ готовы исполнять волю государскую. И это еще не испугало богатырь-дѣвицу, Софью; она сама рѣшилась ѣхать къ Троицѣ; но въ Воздвиженскомъ, гдѣ семь лѣтъ тому назадъ она велѣла казнить Хованскаго, ее встрѣтилъ стольникъ Бутурлинъ и объявилъ отъ имени великаго царя, чтобы она въ монастырь не ходила. «Непремѣнно пойду!» вскричала Софья. Тогда кн. Троекуровъ объявилъ ей, что если она пойдетъ, то съ нею не честно поступлено будетъ и указалъ на отрядъ войска, вступившихъ уже въ Воздвиженское.

Съ злобой и отчаяньемъ въ душѣ возвратилась Софья въ Москву. Она призвала къ себѣ самыхъ *старыхъ* стрѣльцовъ, на которыхъ особенно полагалась, жаловалась имъ, что ее чуть не зарѣзали въ Воздвиженскомъ, что на силу ушла; что Нарышкины и Лопухины не до нея только добираются, а хотятъ извести царя Ивана, наконецъ заставила ихъ присягнуть, что они не пойдутъ къ Троицѣ. Призвавъ къ себѣ лучшихъ изъ торговыхъ и посадскихъ людей, говорила имъ тоже, что стрѣльцамъ; наконецъ велѣла собрать весь народъ, бывшій въ кремлѣ и, по свидѣтельству очевидца, сказала длинную и сильную рѣчь, которая однакожъ ни къ чему не послужила: слушать слушали, а въ дѣло не вмѣшивались. Наконецъ пріѣхалъ съ стрѣльцами полковникъ Нечаевъ и привезъ къ царю Ивану и Софьѣ грамоту, въ которой Петръ извѣщалъ ихъ о заговорѣ и требовалъ выслать Федьку Шакловитаго и старца Сильвестра Медвѣдева съ сообщниками ихъ для розыска въ

Троицѣ. Это такъ взорвало Софью, что она приказала было отрубить Нечаеву голову и онъ спасся потому только, что не могли или не хотѣли скоро сыскать палача. Отказавъ на отрѣзъ выдать Шакловитаго, Софья объявила, что снова сама пойдетъ къ Троицѣ вмѣстѣ съ старшимъ братомъ. Стрѣльцы на время успокоились; но когда узнали, что изъ Нѣмецкой слободы нѣкоторые отправились къ Троицѣ, а Софью навѣрное не пустятъ въ монастырь, то вечеромъ, 6 сентября, толпой пошли въ кремль съ челобитьемъ къ царевнѣ, чтобы она выдала Федьку Шакловитаго, и что они сами отведутъ его къ Троицѣ. На отказъ Софьи въ толпѣ зашумѣли и раздались голоса: «да чего тутъ ждать, надо приниматься за набатный колоколъ». Софья ясно увидѣла, что владычество ея кончилось и нужно покориться: она выдала Шакловитаго, а Медвѣдевъ успѣлъ скрыться. Оставшіеся въ Москвѣ бояре, по вызову Петра, отправились къ Троицѣ. Оберегатель кн. Голицынъ, удалился въ подмосковное село, Медвѣдково; Софья осталась одна и безъ надежды на пощаду ни для себя, ни для тѣхъ, кто служилъ ей.

Шакловитаго привезли въ монастырь 7 сентября. На первой же пыткѣ, послѣ 15 ударовъ, онъ повинился во всемъ, что на него ни взводили; передъ второю онъ обѣщалъ объявить все безъ утайки и написалъ, что на жизнь царя Петра Алексѣевича никогда не умышлялъ; объ убійствѣ же царицы Натальи Кирилловны были разговоры; стрѣльцевъ собирали для собственной защиты; намѣревались произвести пожаръ въ Преображенскомъ; но кто внушилъ царевнѣ мысль короноваться онъ не знаетъ; этого ни совѣтывали ей ни онъ, ни кн. Голицынъ. Сентября 11 Шакловитый и нѣкоторые изъ его главныхъ сообщниковъ были казнены смертью.

Чтобы не запятнать всего своего рода безчестнымъ имянемъ измѣнника, главный распорядитель всего дѣла кн. Борисъ Голицынъ, употребилъ всѣ средства къ спасенію своего родственника кн. В. Голицына отъ позорной казни, и онъ, безъ розыска, былъ сосланъ со всѣмъ своимъ семействомъ въ Яренскъ. Товарища Голицына, Неплюева, отправили на вѣчную ссылку въ Пустозерскъ. Многихъ били кнутомъ и, съ урѣзаніемъ языка, сослали въ Сибирь.

Расправившись съ соумышленниками Софьи, Петръ написалъ обо всемъ старшему брату Ивану и письмо свое заключилъ такъ: «Срамно, государь, при нашемъ совершенномъ возрастѣ, тому зазорному лицу государствомъ владѣть мимо насъ! Тебя же, государя брата, яко отца почитать готовъ». Царь Иванъ не сдѣлалъ никакого возраженія; и черезъ нѣсколько времени пріѣхалъ отъ Троицы въ Москву бояринъ кн. Троекуровъ съ приказомъ Софьѣ идти въ монастырь. Долго она спорила; но, наконецъ, принуждена была исполнить волю царскую и перебралась въ Новодѣвичій монастырь. Такъ кончились властолюбивые замыслы царевны Софьи; но при всемъ этомъ, непродолжительное правленіе ея представляетъ нѣкоторыя замѣчательныя узаконенія и распоряженія. Было обращено вниманіе на участь должниковъ неплательщиковъ, которыхъ, по укренившемуся обычаю, отдавали заимодавцамъ въ заживъ, пока они не отработаютъ занятыхъ денегъ; не уничтожая совершенно этого обычая, она озаботилась однакожъ, чтобы при этомъ не разлучали женъ отъ мужей и опредѣлила какой суммѣ долженъ равняться годъ работы. Не велѣно было взыскивать долговъ со вдовъ и дѣтей, если послѣ умершихъ мужей и отцевъ ихъ никакого имѣнья не оставалось. Запрещено было закапывать въ землю женъ за убійство мужей: вмѣсто этого преступницамъ отсѣкали голову. За произнесеніе возмутительныхъ словъ не казнили смертью, а, наказавъ кнутомъ, ссылали.

Получивъ увѣдомленіе, что Софья удалилась изъ дворца, Петръ приказалъ объявить, что онъ возвращается въ Москву. Шестаго октября безчисленныя толпы москвичей, за нѣсколько верстъ отъ Москвы встрѣтили радостными криками своего молодаго царя, который торжественно возвращался въ свою столицу, уничтоживъ крамольныхъ *самовластителей.* Помолившись въ Успенскомъ соборѣ, онъ пошелъ во дворецъ; на красномъ крыльцѣ встрѣтилъ его низкимъ поклономъ добрый царь Иванъ; братья обнялись и заплакали. Иванъ хотѣлъ было совсѣмъ отказаться отъ престола; но Петръ просилъ его сохранить старшинство и именоваться царемъ.



НЕУСТРАШИМОСТЬ ПЕТРА. (№ 8).

Картина 8.

НЕУСТРАШИМОСТЬ ПЕТРА.



Законная сторона — царица Наталья Кирилловна восторжествовала; властолюбивая Софья изъ дворца перешла въ монастырь; изъ сподвижниковъ ея одни казнены, другіе отправлены въ Сибирь; Петръ сталъ единовластнымъ правителемъ, потому что братъ его, Иванъ, являлся на царскомъ мѣстѣ только при церемоніяхъ. Молодой, семнадцатилѣтній царь, рослый, красивый, дюжій молодецъ, съ дѣтства любимый народомъ, не разъ уже выказавшій и свой умъ и твердость души, могъ бы безпрекословно принять въ свои руки управленіе государствомъ; но дѣла государственныя были для него еще слишкомъ преждевременнымъ бременемъ и онъ передалъ ихъ на время другимъ. Онъ не обращалъ даже особеннаго вниманія на грубыя ссоры вельможъ; для него все равно было: кто-бы ни завѣдывалъ дѣлами — кн. Борисъ Голицынъ, или бояринъ Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ, родной его дядя, ставшій, по вліянію царицы — матери, на первое мѣсто; хотя, можетъ быть, безъ разумной распорядительности кн. Голицына и не состоялось бы паденіе Софьи. Молодой царь былъ совершенно доволенъ тѣмъ, что его мать — царица наконецъ спокойна и что онъ самъ можетъ безпрепятственно отдаться дѣлу, которое особенно было ему любо и по душѣ, потому что дѣло это — потѣхи на сушѣ и водѣ, — удовлетворяли пламенной пытливости его ума. И онъ потѣшался, правду сказать, въ потѣ лица и съ ружьемъ и съ топоромъ; онъ хотѣлъ все знать самъ, чтобы во всемъ быть примѣромъ для своихъ молодыхъ сподвижниковъ, съ помощью которыхъ онъ рѣшился ввести Россію въ среду образованныхъ европейскихъ государствъ. Если не прямыми наставниками, то, по крайней мѣрѣ, указателями на то, чему нужно учиться, могли быть въ то время только иноземцы, призванные въ Россію предшественниками Петра; призванные именно для образованія русскихъ, и составлявшіе свою отдѣльную нѣмецкую слободу. Вотъ почему, не обращая вниманія на досаду стариковъ бояръ, на строгія нравоученія всѣми чтимаго патріарха, на суевѣрной ужасъ народа, ни даже на пени нѣжной матери и упреки жены, Петръ не переставалъ товариществовать и дружить съ иноземцами, требуя отъ нихъ образованія для себя и для своего народа. Но нужна была именно желѣзная воля Петра, чтобы защитить своихъ товарищей отъ общей къ нимъ ненависти. Въ самые первые дни единодержавія Петра, одинъ изъ обывателей нѣмецкой слободы былъ сожженъ въ Москвѣ на болотѣ, какъ еретикъ; вслѣдъ за тѣмъ былъ обнародованъ строжайшій указъ не впускать въ Россію ни одного иноземца безъ особаго царскаго повелѣнія; намѣревались даже сломать всѣ кирки въ слободѣ, какъ нечестивыя капища. Патріархъ Іоакимъ, передъ смертію, въ оставлен-

номъ имъ завѣщаніи, увѣщевалъ государей не допускать православныхъ дружиться съ еретиками — иноземцами, запретить имъ строить свои мольбища, выстроенныя же сломать и не допускать ихъ быть начальниками въ полкахъ. «Какая помощь, писалъ онъ, можетъ быть отъ нихъ православному? Только гнѣвъ Божій наводятъ. Когда православные молятся, еретики спятъ; христіане просятъ помощи у Богородицы и всѣхъ святыхъ — еретики надъ всѣмъ этимъ смѣются; христіане постятся — еретики никогда». Что царица — мать, въ первые годы царствованія Петра была тоже противъ иноземцевъ — это особенно доказывается тѣмъ, что по смерти патріарха Іоакима, именно по ея настоянію, былъ избранъ въ преемники ему задушевный другъ его, казанскій митрополитъ, Адріанъ, между тѣмъ какъ Петръ желалъ видѣть на патріаршемъ престолѣ псковскаго митрополита Маркела, какъ человѣка умнаго и здравомыслящаго и нисколько не возстававшаго противъ иноземцевъ и нововведеній. Неблаговоленіе свое къ иноземцамъ, на первыхъ порахъ, царица — мать выказывала даже всенародно; въ день тезоименитства своего, напримѣръ, жалуя изъ собственныхъ рукъ чаркою вина всѣхъ русскихъ чиновниковъ, въ томъ числѣ полковниковъ стрѣлецкихъ, гостей и купцовъ, она не только не удостаивала этой чести генераловъ и полковниковъ иноземныхъ, но не впускала ихъ даже въ свои покои. Царица, жена Петра, суевѣрная, ревнивая и безпрерывно подстрекаемая своей грубой родней, видѣла въ иноземцахъ нехристей и развратниковъ; сестры Петра, постоянно окруженныя ханжами и юродивыми, смотрѣли на иноземцевъ съ такимъ же отвращеніемъ; только самая младшая сестра, Наталья Алексѣевна, пламенно любила все, что нравилось ея брату. Впрочемъ, такое общее упорное противодѣйствіе стремленіямъ Петра, при пылкости и самостоятельности его характера, только раздражало его; но не могло удержать, отклонить отъ избранной имъ цѣли.

Изъ всѣхъ иноземцевъ Петръ болѣе всѣхъ не только любилъ, но и уважалъ Франца Лефорта, который будучи полковникомъ солдатскаго Елецкаго полка, первый прискакалъ изъ слободы въ Лавру, вслѣдъ за государемъ, какъ только узналъ объ угрожавшей ему опасности. Но не это сблизило Лефорта съ Петромъ, который и до этого былъ къ нему расположенъ; сталъ же онъ ближе всѣхъ къ молодому царю по прямотѣ своего характера, по умѣнію одушевить все общество неподдѣльной веселостью, а главное тѣмъ, что этотъ человѣкъ многое видѣлъ, а слѣдовательно на многое могъ указать Петру. Своими разсказами онъ рѣшилъ Петра предпринять путешествіе за границу. Петръ видѣлъ въ Лефортѣ самаго полнаго представителя образованной Европы, поэтому и неудивительно, что онъ такъ легко подчинялся его вліянію и оказывалъ ему такое уваженіе, котораго онъ и не заслуживалъ по своему образованію и по своимъ способностямъ. Такъ, напримѣръ, онъ былъ назначенъ адмираломъ во время азовскаго похода; главою посольства въ западную Европу; но это было не слѣпое пристрастіе къ иноземцу, а просто ошибка еще недозрѣвшаго, еще не Великаго Петра. Какъ самъ царь не вмѣшивался въ дѣла внутреннія такъ точно и Лефортъ; онъ усердно участвовалъ только въ ратныхъ потѣхахъ Петра, понимая ясно, что это именно та ступень, съ который обожаемый имъ царь — юноша далеко шагнетъ и высоко поставитъ свое государство. Не всегда однакожъ потѣхи эти проходили благополучно, случалось иногда и самому Петру поплатиться. Такъ, 2 іюня 1690 года, при штурмѣ семеновскаго дворца, ему сильно опалило лице, при чемъ были ранены и нѣкоторые стоявшіе возлѣ него офицеры; 4-го сентября, въ битвѣ около Преображенскаго, въ которой лучшій стрѣлецкій полкъ — стремянный, долженъ былъ драться противъ потѣшныхъ — семеновцевъ, тоже было много обожженныхъ и даже тяжело раненыхъ, въ числѣ которыхъ находился и генералъ Гордонъ. Въ октябрѣ 1691 года происходилъ «великій и страшный бой» между двумя арміями: нашею предводительствовалъ генералисимусъ Фридрихъ (Федоръ Ромодоновскій), непріятельскою — генералисимусъ Бутурлинъ. Особенно отличился ротмистръ, Петръ Алексѣевъ; онъ взялъ въ плѣнъ непріятельскаго генералисимуса; но и тутъ не обошлось безъ ранъ и увѣчья. Ближній стольникъ, кн. Иванъ Дмитріевичъ Долгорукій, заплатилъ даже жизнію за «воинскій танецъ», такъ называлъ Гордонъ потѣхи царя. Петръ очень былъ огорченъ этимъ случаемъ и такъ писалъ о томъ собственноручно къ Ф. М. Апраксину: «противъ сего 15 числа въ 6 часу кн. Иванъ Дмитріевичъ, изволеніемъ Божіемъ, перешелъ въ вѣчные кровы, по чину Адамову, идѣже и всѣмъ намъ по

времени быти». Хотя по выраженію самаго Петра, «онъ вкушалъ хлѣбъ въ потѣ лица своего, по приказу Божію къ прадѣду нашему Адаму»; но бывали дни, когда онъ покидалъ свои работы и шумно веселился съ товарищами по труду, у кого нибудь изъ своей компаніи: чаще же всѣхъ у Лефорта, почему и выстроилъ ему великолѣпныя палаты на берегу Яузы. Веселились иногда далеко за полночь, съ музыкой, танцами, не рѣдко даже при залпѣ орудій, разставленныхъ вокругъ дома, гдѣ пировала царская компанія. Предсѣдателемъ пиршества всегда былъ прежній учитель царя, думный дьякъ, Ник. Моис. Зотовъ, прозванный князь — папою, патріархомъ пресбургскимъ, яузскимъ и всего кокуя. Онъ строго наблюдалъ за исправнымъ осушеніемъ кубковъ и собственнымъ примѣромъ поощрялъ собесѣдниковъ къ бою съ невидимымъ, лукавымъ и опаснымъ врагомъ Ивашкою Хмѣльницкимъ; многіе послѣ такого боя дня три не могли оправиться, только царь-богатырь выходилъ здравъ и невредимъ и на другой день съ восходомъ солнца онъ уже работалъ.

Рядомъ съ потѣхами на сушѣ шли потѣхи на водѣ: спустивъ весною 1691 года на Москву рѣку собственноручно выстроенную яхту, царь перебрался на Преяславскую верфь и тамъ до того увлекся работой, что съ трудомъ, и то на самое короткое время, могли его вызвать въ Москву для пріема персидскаго посла. Видя невозможность удержать ретиваго сына въ Москвѣ, царица Наталья, въ іюнѣ, со всѣмъ дворомъ отправились въ Переяславль. Пробывъ тутъ до сентября, она возвратилась въ Москву, надѣясь, что на Переяславскомъ озерѣ и покончитъ свои потѣхи Петръ. Такъ утѣшала себя мать, но не такъ думалъ сынъ-богатырь; Переяславльское озеро для него было уже тѣсно; взглянулъ онъ на Кубенское, и оно показалось мелкимъ; ему нужно было море, вода широкая, «охотѣ его равная». Неодолимая сила тянула его къ морю; но съ большимъ трудомъ онъ получилъ на это благословеніе матери и то съ такимъ условіемъ, чтобы онъ только взглянулъ на корабли, а самъ по морю не ходилъ. Въ іюнѣ 1693 года Петръ съ большою свитою отправился къ Архангельску; до Вологды онъ ѣхалъ въ каретѣ на рессорахъ, обитой разноцвѣтнымъ трипомъ; отсюда поплылъ въ баркасѣ; путешествіе водою было довольно медленно; оно продолжалось болѣе двухъ недѣль; наконецъ 30 іюня онъ вошелъ въ пристань, у которой стояла двѣнадцатипушечная яхта — Св. Петръ, приготовленная для морскаго путешествія. Еще въ Москвѣ Петръ имѣлъ намѣреніе посѣтить Соловецкую обитель, о чемъ и сказалъ бывшему въ то время въ столицѣ холмогорскому архіепископу, Афанасію; но когда онъ завидѣлъ море, увидѣлъ англійскіе и голландскіе корабли и узналъ, что нѣкоторые изъ нихъ уже готовы выступить въ море, то забылъ обо всемъ, даже о данномъ обѣщаніи матери и рѣшился вмѣстѣ съ ними погулять по морю. Корабли снялись съ якоря 4 августа; но при слабомъ вѣтрѣ съ трудомъ добрались до Березовскаго устья Двины, гдѣ за безвѣтріемъ простояли до 6 августа. Въ день Преображенья Господня подулъ свѣжій вѣтеръ и корабли вступили подъ паруса съ пушечной пальбой. Въ какомъ былъ восторгѣ Петръ, объ этомъ можно судить по тому, что слѣдя за всѣми движеніями судовъ, любуясь ихъ стройнымъ ходомъ, красивою наружностью, ловкостью и искусствомъ матросовъ, онъ такъ увлекся, что и не замѣтилъ, какъ удалился отъ Архангельска болѣе чѣмъ на 300 верстъ. Молодой герой ликуетъ а встревоженная мать, не получая отъ него никакого извѣстія, шлетъ къ нему письмо за письмомъ, проситъ возвратиться. «Прошу у тебя, свѣта моего, писала царица Наталья, помилуй родшую тя, какъ тебѣ, радость моя возможно, пріѣзжай къ намъ не мѣшкавъ въ дальномъ твоемъ пути. Буди надъ тобою, свѣтъ мой, милость Божія и вручаю тебя, радость свою, общей надеждѣ Пресвятой Богородицѣ: Она тебя, надежда наша, да сохранитъ.» — Петръ отвѣчалъ собственноручно: «Изволила ты писать ко мнѣ, что я тебя, государыню, опечалилъ тѣмъ, что о пріѣздѣ своемъ не писалъ, и о томъ нынѣ подлинно отписать не могу, для того, что дожидаюсь кораблей: а какъ они будутъ, и я, искупя что подобаетъ, поѣду тотчасъ день и ночь. Да о единомъ милости прошу: для чего изволишь печалиться обо мнѣ? Изволила ты писать, что предала меня въ паству Матери Божіей; такого пастыря имѣючи, по что печаловать? — Тоя бо молитвами и предстательствомъ не точію я единъ, но и міръ сохраняетъ Господь. За симъ благословленія прошу — недостойный Петрушка.»

Въ Архангельскѣ Петръ устроилъ верфь, заложилъ корабль, другой заказалъ въ Голландіи; работалъ по обыкновенію усердно, въ празднич-

ные дни ходилъ въ церковь, самъ читалъ апостолъ и пѣлъ съ пѣвчими на крылосѣ; обѣдывалъ у архіепископа, обѣдывалъ и ужиналъ также и у иностранныхъ купцовъ и корабельныхъ капитановъ; разговоръ, разумѣется, былъ вездѣ почти одинъ и тотъ-же: о плаваніи по морямъ и рѣкамъ. Сентября 19 Петръ, сжегши фейерверкъ, что было его любимой потѣхой, отправился въ Москву, гдѣ тотчасъ началъ приготовляться къ новому морскому походу и переименовалъ себя изъ бомбардира въ шкипера. Въ январѣ 1694 года постигло Петра неожиданное горе: царица — мать, проболѣвъ всего пять дней, скончалась; сильно тосковалъ Петръ три дня и горько плакалъ; на четвертый день, ставъ спокойнѣе, провелъ вечеръ со всей своей компаніей у друга своего, Лефорта, да и принялся за свои обычныя дѣла. Думая вскорѣ отправиться въ Архангельскъ, онъ такъ писалъ къ тамошнему воеводѣ, Апраксину: «Федоръ Матвѣевичъ! Бѣду свою и послѣднюю печаль глухо объявляю, о которой подробно писать рука моя не можетъ, купно же и сердце. По сихъ, яко Ной, отъ бѣды мало отдохнувъ и о невозвратномъ оставя, о *живомъ* пишу». *Живое* это состояло въ томъ, чтобы было приготовлено все нужное для постройки новаго корабля въ Архангельскѣ. Впрочемъ царь пробылъ въ Москвѣ всю зиму и начало весны, и 1 только мая, послѣ прощальнаго обѣда, даннаго Лефортомъ государю и всѣмъ его спутникамъ, пропировавшимъ отъ полудня до полуночи, выступилъ онъ во второй морской походъ, которому приданъ былъ такой же потѣшный характеръ, какъ и сухопутнымъ походамъ. Адмираломъ былъ назначенъ извѣстной Ромадоновскій, «человѣкъ зѣло смѣлый къ войнѣ а паче къ водному пути», какъ выражался о немъ въ шутку Петръ. Всѣмъ распоряжался адмиралъ, но разумѣется по приказаніямъ шкипера Петра. Весело и быстро шла флотилія къ морю, потому что рѣки, наполненныя еще весеннею водою, не задерживали нигдѣ отмелями. Мая 20, корабли, прошедши мимо ликующаго Архангельска, торжественно, на всѣхъ парусахъ, съ громкою пушечною пальбою и съ развѣвающими флагами, ровно въ полдень, бросили якорь у англійскаго моста. Къ величайшему удовольствію царя, начатый имъ корабль былъ уже готовъ къ спуску. Мая 20, въ присутствіи всѣхъ своихъ спутниковъ, строителей и постороннихъ, самъ Петръ подрубилъ подпоры и корабль плавно сошелъ на Двину. Такъ какъ для оснастки, вооруженія и окончательной отдѣлки корабля требовалось не менѣе мѣсяца, а заказанный въ Голландіи фрегатъ еще не приходилъ, то Петръ рѣшился въ это свободное время посѣтить Соловецкій монастырь, чтобы по обѣщанію поклониться мощамъ св. угодниковъ Зосимы и Савватія. Для этой поѣздки снаряжена была та самая яхта, св. Петръ, на которой онъ провожалъ иностранные корабли. Архіепископъ Афонасій, ближніе бояре, царскій духовникъ и нѣсколько солдатъ должны были провожать царя. Яхта снялась съ якоря 30 мая въ 3 часа пополудни; вѣтеръ былъ попутный, но слабый, а вскорѣ и совершенно стихъ, такъ что цѣлые сутки простояли въ устьѣ Двины; 1 іюня подулъ крѣпкій вѣтеръ, царь велѣлъ поставить всѣ паруса и смѣло вышелъ въ море, которое начинало сильно разыгрываться и предвѣщало бурю; когда уже были въ 120 верстахъ отъ Архангельска, сильный вѣтеръ превратился въ страшный штормъ; судно застонало всѣмъ своимъ составомъ; громадныя волны переходили черезъ бортъ, погибель была очевидна, управлявшіе яхтой прямо объявили, что крушеніе неизбѣжно и нѣтъ спасенія. Это привело въ ужасъ всѣхъ — бояръ, офицеровъ и солдатъ; архіепископъ громко молился о спасеніи утопающихъ и священное пѣснопѣніе смѣшивалось съ воплями отчаянія. Одинъ только Петръ безстрашно смотрѣлъ на бушующее море и, и пріобщившись св. тайнъ изъ рукъ архіерея, спокойно самъ взялся за руль. Такая поразительная неустрашимость царя ободрила мореходовъ и одинъ изъ нихъ, лодейный кормщикъ Антонъ Тимофѣевъ, рѣшился подойти къ Петру и сказать, что нужно править къ Унской губѣ, а иначе нельзя избѣжать кораблекрушенія. Петръ отдалъ ему руль и, благодаря искуссту лоцмана, царская яхта 9 іюня, около полудня, благополучно бросила якорь близъ монастыря Петроменскаго. Вышедши на берегъ, Петръ со всѣми своими спутниками пошелъ прямо въ церковь и отслужилъ благодарственное молебствіе. Лоцманъ Антонъ получилъ значительное денежное вознагражденіе. Въ воспоминаніе же своего спасенія, царь собственными руками сдѣлалъ крестъ въ полторы сажени, самъ отнесъ его на берегъ и поставилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ вышелъ. На крестѣ виднѣлась на голландскомъ языкѣ надпись: «Сей крестъ сдѣлалъ шкиперъ Петръ въ лѣто Христово 1694.»

Когда возвратился Петръ въ Архангельскъ, то спущенный передъ этимъ корабль, былъ уже оснащенъ, вооруженъ и названъ: св. Павелъ. Вскорѣ явился и заказанный въ Голландіи сорока четырехъ пушечный корабль — св. Пророчество. Пошли ликованья, пиры за пирами, а каковы были эти пиры можно видѣть изъ письма самаго Петра. Вотъ что онъ писалъ въ Москву къ близкимъ ему людямъ: «Что давно желали, нынѣ совершилось; пространнѣе писать буду въ настоящей почтѣ, а нынѣ обвеселялся, неудобно пространно писать, паче же и нельзя: понеже при такихъ случаяхъ всегда Бахусъ почитается, который своими листьями застопяетъ очи хотящимъ пространно писати». Попировавъ въ волю, Петръ со своимъ флотомъ, состоявшимъ изъ трехъ кораблей, отправился провожать иностранные корабли и доплылъ до Святаго носа, крайняго пункта на Бѣломъ морѣ. Въ первыхъ числахъ сентября царь былъ уже въ Москвѣ.

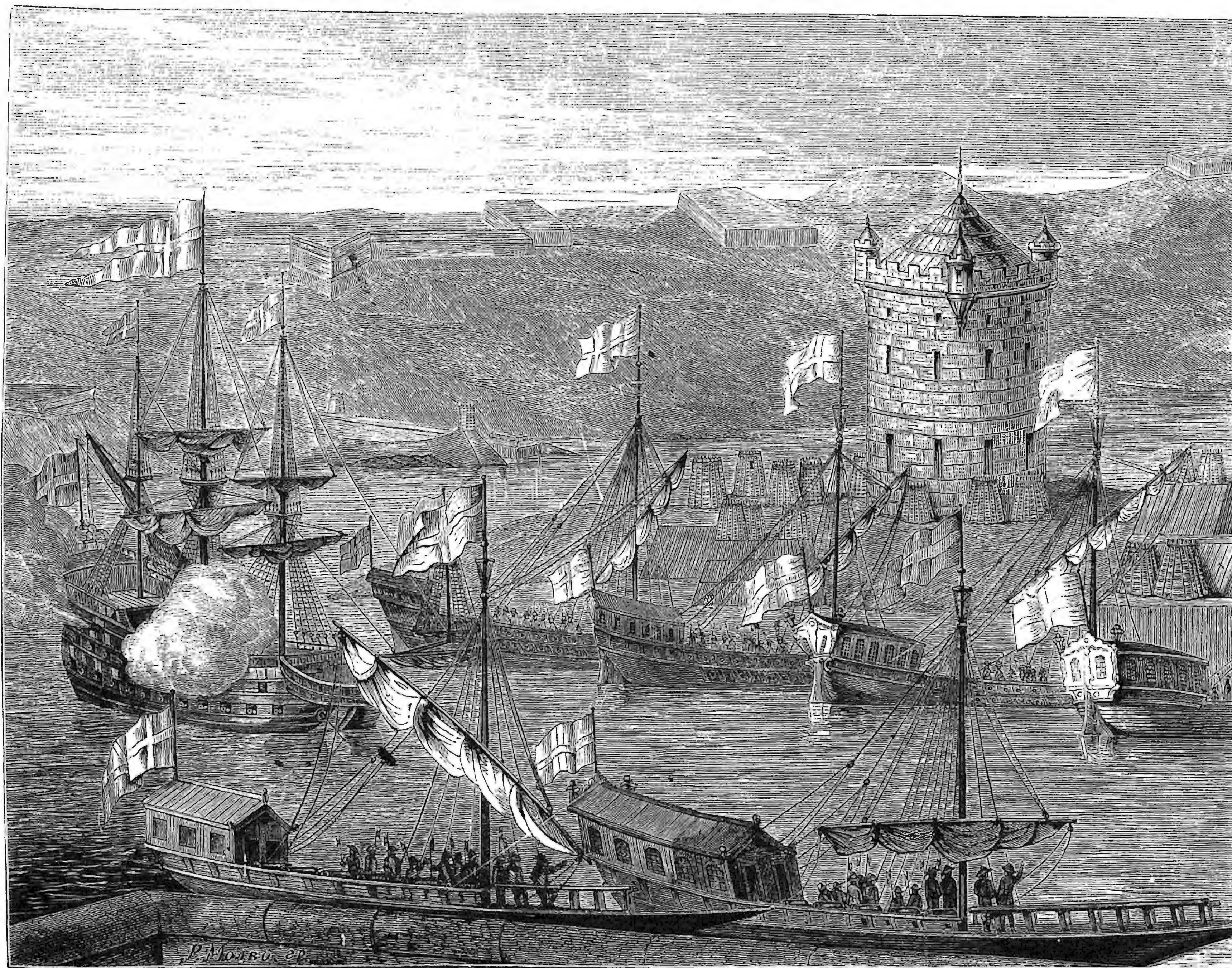
Картина 9.

РУССКІЙ ФЛОТЪ ПОДЪ АЗОВЫМЪ.



Побывалъ молодой царь-шкиперъ на бѣломъ морѣ; покатался по волнамъ его на своихъ новыхъ корабликахъ; но и оно, какъ видно, показалось ему узкимъ, печальнымъ, а главное — безцѣльнымъ. Хоть и была мысль отыскать проходъ черезъ Сѣверный океанъ въ Индію или Китай; но такую мысль, при тогдашнихъ средствахъ, можно было считать не болѣе, какъ только юношеской мечтой. Широкая, возмужавшая душа Петра требовала положительной дѣятельности; просто потѣхи уже болѣе не удовлетворяли его, да и пора было завершить ихъ какимъ нибудь виднымъ дѣломъ, чтобы показать всѣмъ, что потѣшались не даромъ. Это нужно было, какъ для самого царя, такъ и для всей его компаніи; потому что въ народѣ шелъ сильный ропотъ и вовсемъ винили нѣмцевъ; открыто говорили, что прежде всего ихъ надо выгнать. Дѣла и дѣйствительно были не въ завидномъ положеніи. Въ Малороссіи смуты продолжались, поляки употребляли всѣ возможныя средства, чтобы снова прибрать въ свои руки казаковъ, или, по крайней мѣрѣ, оторвать ихъ отъ Великороссіи; татары дерзко набѣгали на нашу украйну: жгли, раззоряли города и села, угоняли несчастныхъ жителей тысячами въ плѣнъ. Государи, заключившіе союзъ съ Россіей противъ турокъ, не видя отъ нея ни какой помощи, крѣпко жаловались на бездѣятельность русскаго правительства. Лефортъ яснѣе другихъ понималъ, что неминуемая бѣда грозитъ и царю и всей его компаніи и что эту бѣду, можно отодвинуть только дѣломъ серьёзнымъ; что не совсѣмъ ловко и въ Европу явиться съ царемъ, который еще ни чѣмъ особенно не отличился. Рѣшившись измѣнить потѣхи царя-богатыря въ настоящее дѣло, онъ указалъ ему на Азовъ, который служилъ ключемъ къ Азовскому морю. Предпріятіе было очень обольстительное для пылкаго шкипера и особенно важно и заманчиво тѣмъ, что при этомъ русскіе вступали уже въ борьбу не съ татарами, а прямо съ турками. Взятіе такой важной крѣпости, какъ Азовъ, могло произвести сильное впечатлѣніе на Европу. Царь съ восторгомъ принялъ предложеніе друга своего Лефорта и, собираясь въ Азовъ, писалъ къ Апраксину: «хотя въ ту пору, какъ осенью въ продолженіи пяти недѣль трудились мы подъ Кожуховымъ въ марсовомъ полѣ, ничего болѣе кромѣ игры на умѣ не было; однакожъ эта игра стала предвѣстникомъ настоящаго дѣла».

Чтобы скрыть на время движеніе на Азовъ и захватить турокъ въ расплохъ, для этого въ началѣ 1695 года былъ объявленъ походъ только въ Крымъ. Съ этою цѣлью, огромное войско, вся старая дворянская конница, подъ начальствомъ боярина Шереметева, отправилась къ низовьямъ Днѣпра, гдѣ къ ней присоединились еще малороссійскіе казаки; войско же новаго строя, полки: Преображенскій, Семеновскій, Бутырскій и Лефортовъ, вмѣстѣ съ московскими стрѣльцами, городовыми солдатами и царедворцами, всего 31 тысяча, выступило подъ Азовъ подъ начальствомъ Головина, Лефорта и Гордона. Бомбардирскую роту велъ бомбардиръ Петръ Алексѣевъ. Отрядъ Гордона, въ апрѣлѣ, собрался въ Тамбовѣ и отсюда двинулся черезъ Черкаскъ къ Азову. Войска Головина и Лефорта сѣли на суда въ Москвѣ и поплыли Моск-



РУССКІЙ ФЛОТЪ ПОДЪ АЗОВЫМЪ. (№ 9).

вою рѣкою, Окою и Волгою. Плаваніе было не безъ препятствій, «и больше всего, какъ писалъ Петръ, задержка была отъ глупыхъ кормщиковъ и работниковъ, которые именемъ слывутъ мастеры, а дѣло отъ нихъ что земля отъ неба». Отъ Царицына до казачьяго городка на Дону, Паншина, войско шло сухимъ путемъ и перенесло много труда: по недостатку лошадей ратные люди, и безъ того уже утомленные греблей, сами должны были тащить на себѣ орудія и пушечные припасы. Въ Паншинѣ встрѣтилась новая бѣда: подрядчики не поставили нужнаго количества съѣстныхъ припасовъ. Изъ Паншина войска поплыли Дономъ, и, отдохнувъ три дня въ Черкаскѣ, 29 іюня приблизились къ Азову, гдѣ уже стоялъ Гордонъ. Отсюда Петръ писалъ въ Москву: «Въ день Св. Апостолъ Петра и Павла пришли на рѣку Койсу, верстъ за 10 отъ Азова, и на молитвахъ св. апостолъ, яко на камени утвердясь, несумнѣнно вѣруемъ, яко сыны адскіе не одолѣютъ насъ». Это письмо было очень кстати, потому что въ Москвѣ сильно безпокоились, какъ о самомъ царѣ, такъ и о войскѣ, и начали уже ходить зловѣщіе слухи. Надежда Петра однакожъ не совсѣмъ сбылась и онъ вскорѣ убѣдился, что тутъ уже настоящее дѣло, а не потѣшное, какъ было подъ Кожуховымъ. «Пѣшіе наклонясь ходятъ, писалъ Петръ, потому что подошли къ гнѣзду близко и шершней раздразнили, которые за досаду свою крѣпко кусаются, однако и гнѣздо ихъ по маленьку сыплется». Но на дѣлѣ оказалось, что ни хватило умѣнья, ни средствъ, чтобы разсыпать гнѣздо шершней, а пришлось отступить, не сдѣлавъ почти ничего въ этотъ годъ. Хоть и торжественно встрѣтила Москва своего молодаго царя, возвратившагося изъ тяжелаго и дальняго похода, но нельзя было скрыть полной неудачи, которая для многихъ подтверждала слова покойнаго патріарха Іоакима, что не можетъ быть успѣха и Божьяго Благословенія, если русскими полками будутъ предводительствовать иноземцы еретики. Въ народѣ поговаривали: видно, это не кораблики строить, не подъ Кожуховымъ потѣшаться, не съ нѣмцами пировать. Не поддался однакожъ горю царь-богатырь; смѣло взглянулъ онъ въ глаза бѣдѣ; можно сказать, выросъ отъ этой самой бѣды, потому что именно съ неудачи азовской начинается уже царствованіе Петра великаго.

Не медля ни мало, онъ съ изумительною дѣятельностію принялся за подготовленіе всего нужнаго, чтобы блистательно исправить свою неудачу; видя, что помощь отъ наличныхъ иностранцевъ недостаточна, онъ послалъ въ Австрію и Пруссію за инженерами и подкопными мастерами; вызывалъ изъ заграницы новыхъ корабельныхъ мастеровъ, изъ Архангельска даже иностранныхъ корабельныхъ плотниковъ. Онъ рѣшился запереть Азовъ, чтобы турецкіе корабли не могли подавать ему помощи, а для этого ему нужны были суда, и суда эти нужно было готовить къ веснѣ 1696 года. Такое дѣло могло быть выполнено только желѣзною волей Петра, при чемъ самъ онъ былъ во всемъ первый дѣлецъ и самъ былъ корабельный плотникъ. Дѣло кипѣло. Адмираломъ ростущаго флота назначался Лефортъ; главнымъ начальникомъ сухопутнаго войска, Шеинъ; шкиперъ и бомбардиръ, Петръ Алексѣевъ, при этомъ принималъ званіе капитана. Похоронивъ въ январѣ брата, Ивана Алексѣевича, Петръ, несмотря на то, что у него въ это время крѣпко болѣла нога, тотчасъ же отправился въ Воронежъ, куда до вскрытія рѣкъ должно было перевести галеры, а тамъ собрать и спустить ихъ на воду. Все это могло быть исполнено только при строгомъ наблюденіи самаго царя, потому что препятствій дѣлу было не мало. Спѣшилъ туда же и адмиралъ Лефортъ, чтобы помочь своему шкиперу, бомбардиру и капитану, которому мѣшала работать больная нога. «Путь такой, писалъ Лефортъ къ царю передъ отъѣздомъ, что ни въ саняхъ, ни въ телегѣ; морозы и вѣтры великіе, однакоже на той недѣлѣ поѣду. Сего числа Кн. Борисъ Алексѣевичъ у меня будетъ кушать и про ваше здоровье станемъ пить, а съ Москвы мой первый ночлегъ будетъ въ Добровицахъ и тамъ мы милость вашу не забудемъ. Чаю что у милости вашей пива добраго нѣтъ на Воронежѣ, я къ милости твоей привезу съ собою и мушкательвейнъ и пива добраго; доски многія посланы къ милости вашей, самъ изволишь разсудить какой трудный путь, что по се число не бывали, а веревки готовыя есть и посланы, которыя дѣлать великая трудность въ такіе морозы». Это письмо вполнѣ выражаетъ характеръ царской компаніи, у членовъ которой, какъ видно, веселье шло на равнѣ съ дѣломъ и одно другому не мѣшало. Адмиралъ неусыпно хлопочетъ о высылкѣ веревокъ и досокъ, но въ тоже время не забываетъ и о мушкательвейнѣ и о добромъ пивѣ».

Въ началѣ апрѣля, на святой, спустили на воду: 2 корабля, 23 галеры и 4 брандера; 23 апрѣля суда двинулись съ войскомъ; 3 мая поплылъ и «морской каравалъ», какъ тогда называли флотъ; впереди, начальствуя восемью галерами, шелъ капитанъ, Петръ Алексѣевъ, на галерѣ Принципіумъ (главная), которую онъ самъ строилъ. Въ этотъ разъ труды царя плотника и капитана были вознаграждены полнымъ успѣхомъ: русскій флотъ загородилъ дорогу турецкому въ устьяхъ Дона и Азовъ остался безъ помощи. Сдѣлали было усиленный натискъ на русскій лагерь татары; но были отбиты и потомъ почти при ежедневныхъ стычкахъ съ ними успѣхъ былъ постоянно на сторонѣ русскихъ; наконецъ начались и осадныя работы. На увѣщанья сестры Натальи быть сколько можно осторожнѣе, Петръ отвѣчалъ: «по письму твоему я къ ядрамъ и пулькамъ не хожу, а они ко мнѣ ходятъ, прикажи имъ, чтобы не ходили». Обстрѣливаніе города началось 16 іюня и довольно успѣшно: въ разбитыхъ домахъ уже нельзя было оставаться и осаждные укрывались въ землянкахъ; но городскія укрѣпленія не поддавались, стояли крѣпко; это очень огорчало Петра и выводило изъ терпѣнія войско, по желанію котораго, слѣдуя прадѣдовскому обычаю, стали было насыпать огромный валъ въ уровень съ валомъ непріятельскимъ и засыпать ровъ; но въ это время наконецъ пріѣхали иностранные мастера и между ними хорошій артиллеристъ, Грагс. Передъ искусно направленными имъ выстрѣлами, городскія укрѣпленія не устояли, тронулись. Тотчасъ же подъ начальствомъ своихъ наказныхъ атамановъ пошли на штурмъ малороссійскіе и донскіе казаки и хоть были выбиты изъ внутреннихъ укрѣпленій; но удержались на валу; тогда и всѣмъ войскамъ велѣно было готовиться къ приступу, котораго турки однакожъ не допустили. Іюня 18 они изъявили готовность сдаться, прося только позволить имъ выйти изъ города въ полномъ вооруженіи, съ женами, дѣтьми и пожитками. Царь-капитанъ разрѣшилъ принять условія и при этомъ послалъ къ Виніусу: «нынѣ со святымъ Павломъ радуйтеся всегда о Господѣ и паки реку: радуйтесь! понеже вчерашняго дня азовцы, видя конечную свою бѣду, сдались». Съ какимъ восторгомъ было принято это извѣстіе въ Москвѣ, о томъ и говорить нечего: взятіе Азова было великимъ торжествомъ для русскихъ, первымъ торжествомъ надъ страшными турками, которые еще такъ недавно, въ виду русскаго войска, раззорили Чигиринъ. Но болѣе всѣхъ конечно радовалась компанія, люди близкіе къ Петру; потому что это блистательное дѣло было твердымъ доказательствомъ тому, что не даромъ строили кораблики, да не даромъ вызывали иностранцевъ. Послѣ этого новое правительство могло смѣло идти впередъ, потому что далеко стало выше стараго съ его крымскими походами.



ВОЗВРАЩЕНІЕ ИЗЪ ПОДЪ АЗОВА. (№ 10)

Картина 10.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ИЗЪ ПОДЪ АЗОВА.



Вступивъ въ Азовъ и осмотрѣвъ ближайшія приморскія мѣста, Петръ рѣшилъ на мысу, Таганрогъ, построить крѣпость и гавань. Въ половинѣ августа царь выѣхалъ изъ Азова и изъ Черкасска написалъ Виніусу: «Понеже писано есть: достоинъ есть дѣлатель мзды своея, того для мню, яко удобно къ воспріятію господина генералисимуса и прочихъ господъ, тріумфальными портами (воротами) почтити; мѣсто же мню къ сему удобное на мосту чрезъ Москву рѣку устроенномъ, или гдѣ лучше». Желаніе царя было исполнено въ возможной скорости. При въѣздѣ изъ Замоскворѣчья на каменный мостъ были устроены тріумфальныя ворота по чертежу и подъ надзоромъ дьяка Виніуса. Надъ фронтомъ воротъ, среди знаменъ и оружія былъ выставленъ орелъ подъ тремя коронами. На фронтѣ виднѣлись надписи: «*Богъ съ нами, никто же на ны.* — *Никогда же бываемое*». Парящая слава въ одной рукѣ держала лавровый вѣнокъ, въ другой масличную вѣтвь. Подъ нею была надпись: «*достоинъ дѣлатель мзды своея*». Въ срединѣ воротъ висѣлъ зеленый вѣнокъ. Фронтонъ поддерживали статуи Геркулеса (языческій Самсонъ) и Марса (бога войны); подъ первымъ на пьедесталѣ (подножьѣ) изображенъ былъ азовскій паша, подъ вторымъ татарскій мурза. Надъ пашею было написано: «*Ахъ! Азовъ мы потеряли и тѣмъ бѣдство себѣ достали*». Надъ Мурзою: «*Прежде на степяхъ мы ратовались, нынѣ же отъ Москвы бѣгствомъ едва спасались*». По обѣимъ сторонамъ были выставлены картины на полотнѣ; на одной представлено было морское сраженіе, на другой изображена была битва съ татарами и приступъ къ Азову.

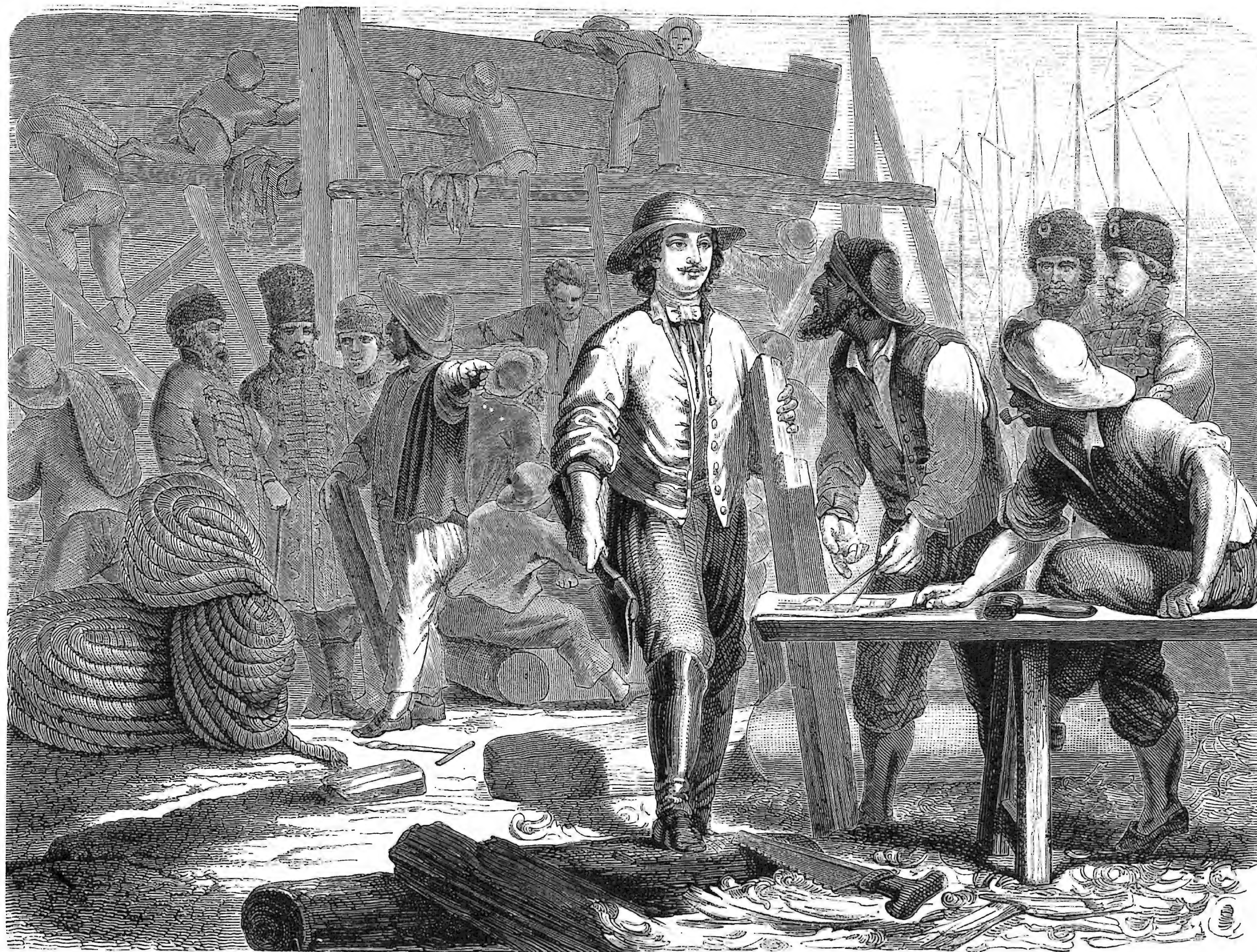
Торжественный входъ побѣдителей въ Москву происходилъ 30 сентября; впереди всѣхъ ѣхалъ думный дьякъ, Н. М. Зотовъ, въ каретѣ, запряженной шестернею вороныхъ лошадей; за тѣмъ слѣдовали дьяки и пѣвчіе; въ другой каретѣ ѣхали бояринъ Ф. Ал. Головинъ и кравчій Кир. Ал. Нарышкинъ; за ними въ государевыхъ золотыхъ саняхъ ѣхалъ Фр. Як. Лефортъ; за этими санями, въ скромномъ мундирѣ морскаго капитана, съ бѣлымъ перомъ на шляпѣ, шелъ царь-побѣдитель. Виніусъ, какъ устроитель торжества, съ верху тріумфальныхъ воротъ въ трубу говорилъ вирши побѣдителямъ.

Взятіе Азова указывало Европѣ, что сѣверный богатырь отъ потѣхи перешелъ къ дѣлу и что отъ него многаго можно ожидать; для поляковъ же такой успѣхъ русскаго оружія, а особенно неутомимая дѣятельность молодаго царя и его стремленіе дать своему народу совершенно новое направленіе, были очень не по душѣ. Въ польскомъ сенатѣ, слушая о дѣйствіяхъ молодаго царя, многіе, покачивая головой, говорили: «Какой отважный и безпокойный человѣкъ! Что изъ него впередъ будетъ?» Никитинъ, бывшій резидентомъ въ Польшѣ увѣдомлялъ: «11 сентября было въ Варшавѣ по всѣмъ костеламъ благодарственное молебствіе за взятіе Азова, стрѣляли изъ пушекъ трижды по двѣнадцати выстрѣловъ, только для оказанія будто совершенно тому радуются, и были съ поздравленіемъ у меня отъ всѣхъ гетмановъ и воеводъ трубачи, сиповщики

и литаврщики, играли великому государю виватъ, а на сердцѣ не то. Слышалъ я отъ многихъ людей, что они хотятъ непремѣнно съ Крымомъ соединиться — и берутъ себѣ татаръ на оборону; изъ Крыма къ нимъ есть присылка, чтобы они Москвѣ не вѣрили: когда Москва повоюетъ Крымъ, то и Польшу не оставитъ, а къ гетману, Ивану Степановичу Мазепѣ, безпрестанныя отъ поляковъ подсылки».

Подъ Азовымъ Петръ положительно убѣдился, что только съ помощію сильнаго флота можно имѣтъ перевѣсъ надъ турками; поэтому, 20 октября 1696 года, бояре и палатные люди были приглашены въ Преображенское; въ первомъ засѣданіи, по предложенію Петра, было рѣшено: 1) крѣпость Азовъ заселить русскими, безъ чего она держаться не можетъ, такъ какъ по взятіи ея, въ ней не осталось коренныхъ жителей; 2) такъ какъ одна крѣпость Азовъ не составляетъ большой утраты для турокъ и не можетъ даже остановить набѣговъ татарскихъ на русскую землю, то для завершенія славнаго дѣла, соорудить флотъ, какъ укажетъ великій государь. Ноября 4 было второе засѣданіе, при которомъ, вопреки прадѣдовскому обычаю, присутствовали и иностранцы. Постановлено было: возложить строеніе кораблей на помѣщиковъ и вотчинниковъ, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго чина, на гостей и людей торговыхъ, не исключая и бѣломѣстцовъ *); корабли сдѣлать со всею готовностью и съ пушками и мелкимъ ружьемъ, камъ имъ быть въ войнѣ, къ 1698 году или прежде. Вслѣдствіе такого постановленія землевладѣльцы духовные составили 17 отдѣльныхъ кумпанствъ (компаній), а свѣтскіе — 18. Всѣ дѣла по кораблестроенію отданы были въ вѣдѣніе Владимірскаго суднаго приказа, изъ котораго тотчасъ же были отправлены росписи предметовъ, нужныхъ для постройки и вооруженія судовъ, съ показаніемъ ихъ размѣровъ и съ приложеніемъ чертежей корабельныхъ частей. Кромѣ русскихъ плотниковъ каждое кумпанство обязано было содержать на свой счетъ мастеровъ и плотниковъ иностранныхъ, которые были вызваны въ значительномъ числѣ изъ Венеціи, Голландіи, Даніи и Швеціи. Мѣсто для корабельной гавани было назначено при Таганъ-Рогѣ, для устройства которой было наряжено 20.000 служилыхъ людей изъ украинскихъ городовъ. Чтобы облегчить доставку припасовъ и снарядовъ, Петръ приказалъ прорыть каналъ, съ устройствомъ шлюзовъ, между Иловлею и Камышенкою, для соединенія Волги съ Дономъ; на эту работу было пригнано посошныхъ людей низовыхъ городовъ 35,000 человѣкъ. «Такъ началось новое въ Россіи дѣло: строеніе великимъ иждивеніемъ кораблей, галеръ и прочихъ судовъ. И дабы то вѣчно утвердилось въ Россіи, умыслилъ государь искусство дѣла того ввесть въ народъ свой ради чего многое число благородныхъ послано въ Голландію и иныя государства учиться архитектуры и управленія корабельнаго».

*) Крестьяне свободные отъ всѣхъ податей и повинностей.



ПЕТРЪ I ВЪ САРДАМѢ. (№ 11).

Картина 11.

ПЕТРЪ ВЪ САРДАМѢ.



Пятьдесятъ комнатныхъ стольниковъ и спальниковъ отправлены были за границу, именно съ тою цѣлью, чтобы не оставаться во всегдашней зависимости отъ иностранцевъ, а имѣть своихъ хорошихъ мастеровъ, которые бы выучили своему искусству и другихъ русскихъ, чего нельзя требовать отъ иностранцевъ. Но кто же оцѣнитъ, что посланные заграницу возвратились на родину точно хорошо выученными и способными къ дѣлу? Для этого нужно было, чтобы кто нибудь изъ русскихъ выучился прежде ихъ и это могъ сдѣлать только одинъ человѣкъ изъ всѣхъ русскихъ того времени; человѣкъ, одаренный необыкновенными силами духа: шкиперъ, бомбардиръ и капитанъ Петръ Алексѣевъ. Учиться многому, въ чемъ иностранцы превосходили русскихъ, Петръ началъ еще въ Россіи: но это не могло удовлетворить его широкой души; ему нужно было видѣть самому, собственными глазами всѣ чудеса образованной Европы, о которыхъ ему разсказывали пришельцы въ Россію; ему нужно было самому поучиться у настоящихъ мастеровъ и все это ему нужно было для того именно, чтобы стать во главѣ новаго общества и начать новую исторію своего народа. Эта мысль такъ сильно въ немъ развилась, что и безъ совѣта Лефорта, онъ, безъ сомнѣнія, отправился бы за границу и именно такъ, какъ онъ сдѣлалъ: не царемъ, а ученикомъ. На это указываетъ и самая подпись на печати писемъ Петра изъ-за границы: «Азъ бо есмь въ чину учимыхъ и учащихъ мя требую».

Петръ отправился въ свитѣ великаго посольства, назначеннаго къ цесарю, королямъ англійскому и датскому, къ папѣ римскому, къ голландскимъ штатамъ и къ курфирсту; великими и полномочными послами были назначены: адмиралъ и намѣстникъ новгородскій Лефортъ; намѣстникъ сибирскій Головинъ и думный дьякъ Возницынъ; при нихъ болѣе 20 дворянъ и 35 волонтеровъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и преображенскаго полка урядникъ Петръ Михайловъ. При этомъ Петръ могъ свободно учиться, а вмѣстѣ съ тѣмъ направлять переговоры о союзѣ противъ Турціи и лично объясняться, гдѣ нужно было, съ государями и министрами. Для управленія государственными дѣлами на время отсутствія царя оставались прежнія лица, къ управленію которыхъ уже привыкли всѣ, потому что и безъ поѣздки за границу, царь былъ почти постоянно въ отсутствіи. Со всѣ дѣлами относились на имя царя, какъ будто онъ и не выѣзжалъ изъ Москвы.

Не безъ слезъ и ропота отпустили бояре дѣтей своихъ за границу учиться; но когда узнали, что и самъ царь ѣдетъ туда же и за тѣмъ же, то это еще болѣе усилило ропотъ въ закоснѣлыхъ приверженцахъ къ старинѣ, которымъ все не нравилось въ царѣ-недомосѣдѣ. Оскорблялись и тѣмъ, что онъ безпрестанно уѣзжаетъ изъ дворца, изъ кремля, изъ Москвы; пренебрегаетъ обязанностями семейными, проводитъ время въ потѣхахъ, привязался къ иностранцамъ, не радѣетъ о дѣлахъ правительственныхъ, довѣряетъ все ближнимъ боярамъ, которые дѣлаютъ что хотятъ; допускаютъ, по не любви къ женѣ, угнетать женниныхъ родственниковъ. Миллославскіе съ своими подручниками напоминали народу

о Софьѣ, какъ защитницѣ старины и православія. Распустили даже слухъ, что будто бы самъ царь Иванъ Алексѣевичъ такъ извѣщалъ всему народу: «братъ мой живетъ не по церкви, ѣздитъ въ нѣмецкую слободу и знается съ нѣмцами». Въ началѣ 1697 года, монахъ Авраамій рѣшился, какъ бы отъ лица всего народа, высказать царю правду и подать ему тетради, въ которыхъ указывалось, что именно въ поведеніи Петра соблазняетъ народъ. Ретиваго монаха послѣ пытки отправили въ монастырь на заточенье, а друзья его на которыхъ онъ указалъ, были биты кнутомъ и сосланы въ Азовъ, чтобы быть тамъ подъячими. Были между недовольными и такіе, которые хотя не стояли упорно за старину и признавали необходимость преобразованій; но желали, чтобы всѣ эти преобразованья совершились сами по себѣ — безъ труда, пожертвованій, насилій; просто, какъ говорится, по щучьему велѣнью, по Божію хотѣнью. Были наконецъ и такіе, которые по своимъ личнымъ убѣжденіямъ прямо хотѣли отдѣлаться отъ Петра, но только чужими руками. Къ числу такихъ принадлежали изъ родовыхъ вельможъ извѣстный староверъ Алексѣй Соковнинъ и сватъ его бояринъ Матвѣй Пушкинъ. Не выносимо было для нихъ видѣть всѣ новшества Петровскія, посылку дѣтей въ еретическія страны и наконецъ поѣздку самаго царя туда же. И вотъ они избираютъ своимъ орудіемъ Цыклера, обрусѣвшаго иноземца, стрѣлецкаго полковника. Это былъ человѣкъ съ самымъ неугомоннымъ честолюбіемъ; пробивался впередъ и при Софьѣ и при Петрѣ, но все оставался назади; въ это же время назначался онъ строителемъ крѣпости Таганрога, что указывало на немилость къ нему царя, потому что тогда назначеніе въ отдаленныя мѣста считалось почетною ссылкою. Этого-то сумазброда подбиваютъ Соковнинъ и Пушкинъ извести царя, указывая ему, что по смерти Петра онъ самъ можетъ вступить на престолъ. Цыклеръ рѣшается и начинаетъ подговаривать стрѣльцовъ; но они тотчасъ же отправились съ доносомъ о его злодѣйскомъ замыслѣ. Въ Преображенскомъ, 23 февраля 1697 года, почти наканунѣ выѣзда посольства изъ Москвы, пятидесятникъ стремяннаго полка, Ларіонъ Елизарьевъ, передалъ царю свой разговоръ съ Цыклеромъ, который между прочимъ сказалъ, что можно изрѣзать царя ножей въ пять. Цыклеръ сперва запирался, но потомъ на пыткѣ сознался во всемъ, указалъ на Соковнина, Пушкина и нѣкоторыхъ другихъ; признался, что говорилъ: «какъ буду на Дону у городоваго дѣла Таганрога, то, оставя службу, съ Донскими казаками пойду къ Москвѣ для ея разоренія и буду дѣлать тоже, что Стенька Разинъ.» Между прочимъ Цыклеръ напомнилъ также о своемъ собесѣдничествѣ съ Иваномъ Миллославскимъ и разсказалъ, какъ Софья подучала его на убійство. Это до такой степени раздражило царя, что онъ, чтобы наказать Софью, какъ дочь Миллославской и навести ужасъ на всѣхъ Миллославскихъ и подобныхъ имъ крамольщиковъ, приказалъ выкопать Ивана Миллославскаго изъ могилы и привести его на свиньяхъ въ Преображенское. Въ день казни измѣнниковъ, 4 марта, гробъ Ивана Миллославскаго былъ поставленъ у самыхъ плахъ, такъ что въ него точилась кровь обезглавленныхъ. Головы казненныхъ были воткнуты на рожны каменнаго столба, нарочно для этого построеннаго на Красной площади. Черезъ пять дней послѣ этой страшной расправы съ измѣнниками, великое посольство выѣхало изъ Москвы. Путешествіе началось не совсѣмъ пріятно; переправившись на рубежъ шведской Лифляндіи, встрѣтили большія затрудненія отъ недостатка подводъ и кормовъ, потому что тамъ въ этотъ годъ былъ сильный голодъ. Въ Ригѣ посольство было встрѣчено хоть и почетно; но осторожный и подозрительный губернаторъ не допустилъ осмотрѣть городъ и это сильно огорчило Петра, непревыкшаго встрѣчать препятствія своимъ желаніямъ. Тремя днями ранѣе посолоства царь переправился на лодкѣ черезъ Двину въ Курляндію, гдѣ былъ встрѣченъ очень радушно, потому что съ герцогами курляндскими русскіе цари были постоянно въ дружескихъ сношеніяхъ. Изъ Митавы Петръ поѣхалъ въ Либаву, гдѣ въ первый разъ увидѣлъ Балтійское море; отсюда, безъ великихъ пословъ, отправился онъ моремъ въ Пруссію и въ Кенигсбергѣ былъ отлично принятъ курфирстомъ бранденбургскимъ Фридрихомъ III. Здѣсь тотчасъ же, еще до пріѣзда пословъ, нетерпѣливый бомбардиръ сталъ учиться артиллеріи и получилъ отъ своего учителя свидѣтельство, въ которомъ было сказано: что «онъ, Петръ, въ непродолжительное время, къ общему изумленію, такіе оказалъ успѣхи и такія пріобрѣлъ свѣдѣнія, что вездѣ за исправнаго, осторожнаго, благоискуснаго, мужественнаго и безстрашнаго огнестрѣльнаго мастера и художника признаваемъ и

почитаемъ быть можетъ». Вслѣдствіе посольскихъ дѣлъ Петръ пробылъ въ Пруссіи болѣе, чѣмъ ему нужно было; но, получивъ увѣдомлніе, что королемъ польскимъ, согласно съ его желаніемъ, избранъ Августъ, онъ немедленно отправился далѣе на западъ. Въ герцогствѣ Цельскомъ, въ мѣстечкѣ Коппенбургѣ, ожидали его двѣ образованнѣйшія женщины Германіи: курфирстина ганноверская Софья и дочь ея курфирстина бранденбургская. Имъ хотѣлось видѣть необыкновеннаго человѣка, явившагося среди грубаго и невѣжественнаго народа; но онъ не скоро рѣшился на свиданіе съ ними, долго отговаривался и наконецъ согласился посѣтить ихъ съ тѣмъ только условіемъ, что при этомъ не будетъ никого. Причиною этому, можетъ быть было и то, что онъ самъ зналъ нѣкоторые свои недостатки. Когда Петру было лѣтъ одиннадцать, то онъ всѣхъ поражалъ своею красотою и живостью; но преждевременное развитіе, страшныя потрясенія, неумѣренность въ трудахъ и потѣхахъ, имѣли большое вліяніе на его крѣпкую натуру: голова тряслась, на лицѣ являлись конвульсивныя движенія, быстрый и пронзительный взглядъ производилъ непріятное впечатлѣніе на непревыкшихъ къ нему людей Къ курфирстинамъ Петръ вошелъ, какъ застѣнчивый ребенокъ, закрывъ лицо рукою и на всѣ ихъ любезности отвѣчалъ: «не могу говорить». Мало по малу однакожъ разговорился, а во время ужина со всѣмъ пропала застѣнчивость; онъ позволилъ войти въ залу придворнымъ курфирстинъ, поилъ мужчинъ виномъ изъ большихъ стакановъ, съ дамами танцовалъ и провеселился далеко за полночь. Вотъ какъ выразили свое мнѣніе о Петрѣ курфирстины, которыя особенно были поражены его блестящими способностями при самомъ небрежномъ воспитаніи. Мать курфирстина пишетъ: «Царь высокъ ростомъ, у него прекрасныя черты лица и благородная осанка; онъ обладаетъ большою живостью ума, отвѣты его быстры и вѣрны; но при всѣхъ достоинствахъ, которыми одарила его природа, желательно было бы, чтобы въ немъ было по меньше грубости. Это государь очень хорошій и вмѣстѣ очень дурной; въ нравственномъ отношеніи онъ полный представитель своей страны. Если бы онъ получилъ лучшее воспитаніе, то изъ него вышелъ бы человѣкъ совершенный, потому что у него много. достоинствъ и необыкновенный умъ». Дочь выразилась такъ: «Я представляла себѣ его (Петра) гримасы хуже, чѣмъ онѣ на самомъ дѣлѣ и удержаться отъ нихъ не въ его власти; видно только, что его не учили ѣсть опрятно; но мнѣ понравилась его естественность и непринужденность». Изъ Коппенбурга. Петръ направился къ Рейну; отсюда, только съ десятью волонтерами спустился по Рейну и каналами до Амстердама. Вдругъ въ мѣстечкѣ Сардамъ, на верфи корабельнаго мастера, Рогге, появился молодой, высокій, красивый плотникъ изъ Россіи, Петръ Михайловъ. Жилъ онъ въ каморкѣ у бѣднаго кузнеца, посѣщалъ семейства плотниковъ, которые находились въ Россіи; въ свободное отъ работы время ходилъ по фабрикамъ и заводамъ и ничего не пропускалъ безъ вниманія. Скоро впрочемъ узнали, что этотъ русскій плотникъ, въ красной фризовой курткѣ и бѣлыхъ холстинныхъ штанахъ, ни сколько не отличающійся отъ прочихъ работниковъ — русскій-царь. Тогда толпа любопытныхъ стала преслѣдовать Петра повсюду и это до такой степени раздражало его, что одинъ разъ, проталкиваясь сквозь неотвязную толпу, какому-то Марцену онъ далъ пощечину, привышки своеручно расправляться съ своими потѣшными конюхами. Это впрочемъ никого не оскорбило, толпа закричала: «Марценъ пожалованъ въ рыцари!» И прозванье «рыцарь» навсегда осталось за Марценомъ. Получивъ увѣдомленіе о приближеніи посольства въ Амстердамъ, Петръ поѣхалъ туда и участвовалъ въ празднествахъ, которые были даны въ честь великаго посольства генеральными штатами.

Въ Амстердамѣ Петру много помогъ бурмистръ Витенъ, который еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ былъ въ Россіи; и постоянно находился въ сношеніи съ русскими и исполнялъ порученія русскаго правительства по заказу судовъ въ Голландіи. По его то старанію Петръ былъ помѣщенъ на верфь Остъ-Индской компаніи, для изученія кораблестроенія, гдѣ нарочно для него былъ заложенъ фрегатъ. Волонтеры, пріѣхавшіе съ Петромъ, тоже были распредѣлены по работамъ. Здѣсь Петръ работалъ также на равнѣ со всѣми и откликался только тогда, когда ему кричали: «плотникъ Петръ Сардамскій!» или: «мастеръ Петръ». При словахъ же: «ваше величество» или «милостивый государь», онъ поворачивался спиной. Занимаясь преимущественно кораблестроеніемъ, какъ главнымъ средствомъ къ достиженію своей цѣли, устроить новое въ Россіи дѣло-флотъ, Петръ не упускалъ изъ виду и ничего другаго.

Ненасытимая жажда все видѣть и все узнать приводила въ отчаяніе его провожатыхъ; никакія отговорки не помогали; только и слышалось: «я долженъ это видѣть» и надо было вести, не смотря ни на какія затрудненія.

Въ Голландіи Петръ прожилъ четыре съ половиною мѣсяца; заложенный имъ фрегатъ «своими трудами и мастерствомъ построилъ и на воду спустилъ»; но какъ и главный мастеръ верфи амстердамской не могъ отвѣчать на всѣ его вопросы, то по совѣту одного Англичанина, для окончательнаго изученія корабельной архитектуры, онъ отправился въ январѣ 1698 года въ Англію; изъ Лондона пробрался въ городокъ Дептфордъ и тутъ на королевской верфи закончилъ свое ученье. Проведя три мѣсяца въ Англіи, Петръ черезъ Голландію, гдѣ не останавливался болѣе, отправился въ Вѣну, чтобы переговорить о войнѣ съ Турціей. Генеральные штаты отказались ссудить Петра мореходцами, снарядами и оружіемъ, ссылаясь на то, что страна ихъ сильно истощена войной съ Франціей. Кромѣ того Петръ узналъ, что штаты вмѣстѣ съ Англіею склоняютъ Австрію примириться съ Турціей, чтобы дать возможность императору свободно дѣйствовать противъ Франціи, могущество которой дѣлалось опаснымъ для всей Европы. Это совершенно противорѣчило видамъ Петра; одинъ онъ безъ Австріи и Венеціи, не могъ успѣшно вести войну противъ Турціи и принудить ее къ выгодному для него миру; поэтому главною его заботою было, чтобы уговорить императора продолжать войну съ турками, или по крайней мѣрѣ настоять на томъ, чтобы при заключеніи мира всѣ союзники были удовлетворены согласно ихъ желанію. Петръ требовалъ, чтобы сверхъ завоеваннаго имъ, была еще отдана ему крѣпость Керчь въ Крыму; потому что безъ этого татары по прежнему будутъ нападать на Россію. Настоящая же его мысль, которой онъ не высказывалъ, состояла въ томъ, чтобы не остаться запертымъ въ Азовскомъ морѣ и имѣть выходъ въ Черное. Императоръ отвѣчалъ, что требованія царя онъ признаетъ справедливыми и совѣтуетъ ему поспѣшить завладѣть этой крѣпостью; тогда онъ на конгрессѣ (съѣздѣ) будетъ поддерживать русскихъ уполномоченныхъ и ни къ чему не приступитъ безъ согласія съ нимъ. Этимъ кончились переговоры. Осмотрѣвъ все замѣчательное въ Вѣнѣ, Петръ собирался уже ѣхать въ Венецію, какъ вдругъ получилъ письмо отъ Ромодановскаго, который увѣдомлялъ его, что стрѣльцы взбунтовались и идутъ къ Москвѣ. Вмѣсто Венеціи, царь тотчасъ же отправился въ Россію.

Картина 12.

СТРѢЛЕЦЪ МАСЛОВЪ.



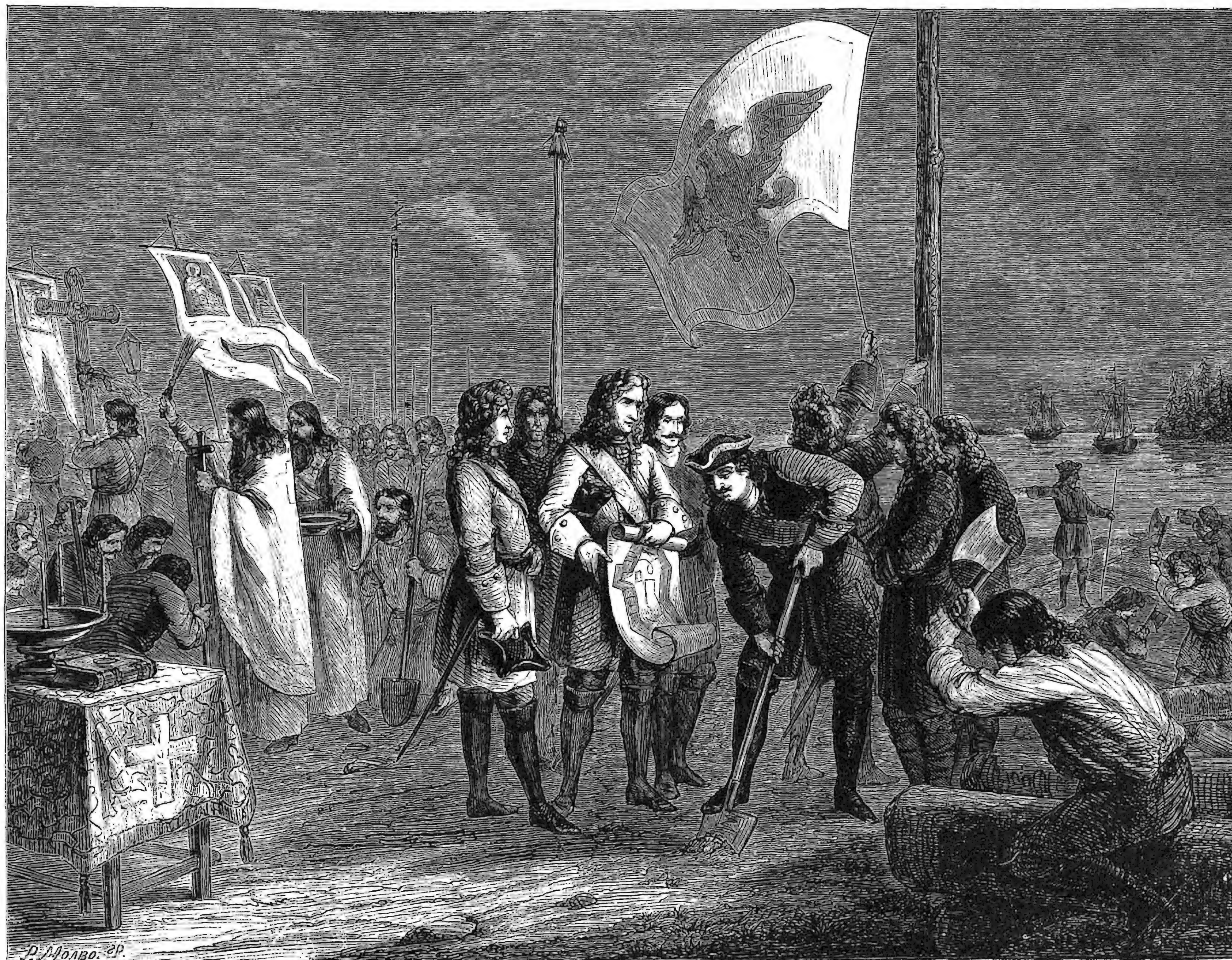
Въ то время, какъ царь-богатырь, Петръ Алексѣевичъ, самъ въ чужихъ земляхъ изучалъ всѣ средства къ тому, чтобы своей могучей рукой вдвинуть свой объазіятившійся народъ въ среду образованныхъ европейскихъ народовъ, закоснѣлые до изувѣрства сторонники старины и личные враги Петра, опять таки съ Софьею въ главѣ, рѣшились воспользоваться отсутствіемъ царя. Для осуществленія своихъ замысловъ, они опять обратились къ прежнему орудію всѣхъ смутъ, къ тѣмъ же стрѣльцамъ, которыхъ и теперь нетрудно было поднять на кровавое дѣло. Стрѣльцы были представителями стараго порядка, который они должны были поддерживать даже по чувству самохраненія. При торжествѣ новаго — они переставали быть стрѣльцами и должны были превратиться въ обыкновенныхъ солдатъ; а слѣдовательно лишались всѣхъ своихъ преимуществъ: жить отдѣльными слободами, имѣть свои дома, свое хозяйство, вести торговлю и проч. Въ потѣшныхъ они видѣли своихъ непримиримыхъ противниковъ, какъ любимцевъ царя. При воинскихъ потѣхахъ постоянно отдавалось предпочтеніе потѣшнымъ: войско русское составляли потѣшные и солдаты на сторонѣ которыхъ всегда былъ царь; войско враговъ представляли стрѣльцы и ими предводительствовалъ кто либо изъ бояръ, подъ именемъ короля польскаго. Стрѣльцамъ всегда приходилось быть побѣжденными, чѣмъ и выказывалась несостоятельность ихъ предъ новымъ войскомъ. За потѣхами слѣдовали азовскіе походы, два года сряду удалявшіе стрѣльцевъ отъ ихъ семействъ и выгодныхъ промысловъ въ Москвѣ; при всемъ этомъ они еще постоянно получали отъ царя выговоры, добраго слова отъ него не слыхали; по взятіи Азова ихъ задержали тамъ сперва для охраны города, потомъ заставили возводить укрѣпленія. Стрѣльцы надѣялись, что вотъ кончится служба и они возвратятся въ Москву, какъ вдругъ посылается указъ — передвинуть четыре стрѣлецкихъ полка къ литовской границѣ подъ начальство кн. Ромадоновскаго, посланнаго туда наблюдать за дѣлами въ Польшѣ. На мѣсто стрѣльцовъ назначенныхъ въ Великіе Луки, въ Азовъ послано было тоже шесть стрѣлецкихъ полковъ; остальныхъ размѣстили по юго-западной границѣ, такъ что въ Москвѣ остались одни только солдаты. Всѣмъ этимъ, конечно стрѣльцы не могли быть довольны и считали себя обреченными на истребленіе, да такъ на нихъ смотрѣли и другіе. «Что они спятъ, говорилъ Соковнинъ, имъ бы можно было убить государя, все равно имъ пропадать». Нѣтъ сомнѣнія, что Петръ дѣйствительно имѣлъ въ виду истребить это постоянное орудіе всѣхъ злоумышленниковъ; изъ памяти его не могли изгладиться кровавыя дѣла стрѣльцовъ 15 мая 1682 года; ихъ покушеніе на его жизнь и жизнь его матери въ Преображенскомъ. Ко всему прежнему присовокуплялось еще новое покушеніе — высвободить изъ Дѣвичьяго монастыря Софью, для чего злоумышленники прокопали полъ въ покояхъ царевны и уже повели было ее подземными ходами; но были остановлены сторожившими монастырь солдатами. Отъѣздъ царя за границу былъ новымъ доказательствомъ для приверженцевъ старины, что онъ окончательно сложился съ нѣмцами и нельзя

ожидать отъ него ничего добраго. Много было разныхъ толковъ въ Москвѣ, и въ это-то время нѣкоторые изъ стрѣльцовъ, именно изъ полковъ, которымъ предписано было идти въ Великіе Луки, не вытерпѣли и рѣшились во что бы то ни стало побывать въ Москвѣ. Бѣжало ихъ изъ полковъ человѣкъ полтораста и явились они въ Москву челобитчиками. На спросъ правительства, зачѣмъ ушли изъ полковъ? Они отвѣчали: «что ихъ братья стрѣльцы отъ безкормицы идутъ многіе». Вмѣсто того, чтобы ихъ тотчасъ же выпроводить изъ Москвы, имъ позволено было остаться до 3 апрѣля, и при этомъ велѣно было выдать изъ стрѣлецкаго приказа кормовыя деньги сполна. Хотя и короткій былъ данъ срокъ, но стрѣльцы успѣли о многомъ поразвѣдать и повидаться съ кѣмъ имъ нужно было. Слышали они отъ своихъ же стрѣльцовъ, сидѣвшихъ въ площадныхъ подьячихъ, что бояре замышляютъ удушить царевича, что бояринъ Тих. Ник. Стрѣшневъ думаетъ быть властителемъ на Москвѣ и что имъ уже не бывать въ Бѣлокаменой. Хотя царевны, сёстры Софьи отъ Миллославской, на это смутное время были заперты на Верху; но стрѣльцы нашли возможность войти съ ними въ сношенія; двое изъ нихъ Проскуряковъ и Тума составили челобитную, и черезъ вхожую на Верхъ стрѣльчиху, передали ее царевнѣ Марфѣ, дѣйствовавшей усерднѣе и смѣлѣе другихъ. Письменный отвѣтъ ея былъ переданъ Тумѣ той же стрѣльчихой. Съ Верху также передано было: что «бояре хотѣли удушить царевича; царицу по щекамъ били, а государь невѣдомо живъ, невѣдомо мертвъ, и по стрѣльцамъ указъ посланъ». На Арбатѣ, у церкви Николы Явленнаго, Тумъ прочелъ собравшимся стрѣльцамъ грамоту изъ Дѣвичьяго монастыря отъ царевны Софьи Алексѣевны; она призывала всѣ четыре полка въ Москву и указывала имъ, стать таборомъ подъ Дѣвичьимъ монастыремъ, подать ей челобитье, чтобы она шла по прежнему на державство. Послѣ этого стрѣльцы порѣшили, что если всѣмъ полкамъ нужно быть на Москвѣ, такъ зачѣмъ же уходить изъ нея и челобитчикамъ. И вотъ, 3 апрѣля, толпой подошли они къ дому начальника стрѣлецкаго приказа кн. Троекурова и напрямки объявили ему, что не поѣдутъ изъ Москвы; однакожъ на другой день вечеромъ, по рѣшенью бояръ, сотникъ Семеновцевъ, съ своими молодцами, выпроводилъ незванныхъ гостей за заставу. Увѣдомленіе обо всемъ этомъ отъ Ромодановскаго Петръ получилъ въ Амстердамѣ, собираясь въ Вѣну, и такъ выразился въ своемъ письмѣ: «что бунтъ стрѣльцевъ вашимъ правительствомъ и службою солдатъ усмиренъ — зѣло радуемся, только мнѣ печально и досадно на тебя, для чего ты сего дѣла въ розыскъ не вступилъ. Богъ тебя судитъ. Не такъ было говорено на загородномъ дворѣ въ сѣняхъ». Изъ этого видно, что Петръ, отъѣзжая за границу, наказывалъ строго блюсти за буйными стрѣльцами и опасенія его чуть было не осуществились. Стрѣльцовъ, выгнанныхъ изъ Москвы, нагнала стрѣльчиха и передала новую грамотку отъ царевны Софьи; она писала: «Теперь вамъ худо, а впредь будетъ еще хуже. Ступайте къ Москвѣ, чего вы стали? Про государя ничего не слышно». Съ такимъ призывомъ и разными недобрыми вѣстями стрѣльцы челобитчики возвратились въ Торопецъ, гдѣ стоялъ съ полками Ромодановскій, а тутъ еще пришелъ указъ, ясно указывающій, что стрѣльцамъ не быть болѣе на Москвѣ. Ромодановскій долженъ былъ возвратиться въ Москву, распустивъ по домамъ своихъ полчанъ и пѣшихъ и конныхъ; стрѣльцамъ же предписано было оставаться до новаго указа въ назначенныхъ для нихъ городахъ; бѣгавшихъ въ Москву стрѣльцовъ, всего 155 человѣкъ, велѣно было сослать въ малороссійскіе города на вѣчное житье съ женами и дѣтьми. Это страшно взволновало стрѣльцовъ и они, не смотря ни на какія увѣщанія и угрозы, не выдавали бѣгавшихъ въ Москву; они кричали: «у насъ въ полкахъ воровъ нѣтъ, а ходили въ Москву отъ нужды и безкормицы». Ромодановскій выдалъ имъ жалованье на два мѣсяца; но это нисколько не помогло, потому что не жалованья добивались они; имъ нужна была Москва, да и дѣло-то завели ужъ далеко: учинились ослушны царскому указу, не выдали бѣгуновъ. Съ ропотомъ двинулись они въ указанныя имъ мѣста, шли нехотя, медленно, верстъ по пяти въ день; наконецъ 6 іюня, на берегахъ Двины, когда сошлись всѣ четыре полка; стрѣлецъ Масловъ, взобравшись на телѣгу, прочелъ призывное письмо отъ царевны Софьи. Въ рядахъ раздались неистовые крики: «къ Москвѣ! къ Москвѣ! Нѣмцевъ перебить! Царя не пускать въ Москву! Онъ теперь сложился съ нѣмцами. Раздѣлились на кружки, отставили прежнихъ полковниковъ и капитановъ, выбрали на ихъ мѣсто новыхъ и пошли къ Москвѣ; но, не надѣясь, по своему малолюдству

(ихъ было 2,200 человѣкъ) пересилить солдатъ, они рѣшились обойти Москву и засѣсть въ Серпуховѣ или Тулѣ, пока не подойдутъ товарищи изъ Бѣлгорода, Азова, Сѣвска и другихъ городовъ. Приближеніе стрѣльцовъ къ Москвѣ навело ужасъ на всѣхъ ея жителей; зажиточные стали разъѣзжаться въ дальнія деревни, между боярами начались споры о мѣрахъ противъ бунтовщиковъ; наконецъ было принято мнѣніе Бор. Алекс. Голицина: послали противъ мятежниковъ боярина Шеина съ генераломъ Гордономъ и кн. Масальскимъ. Въ царскомъ войскѣ было около 11 т. и 25 пушекъ; оно встрѣтило стрѣльцовъ 17 іюня подъ Воскресенскимъ монастыремъ, при переправѣ чрезъ рѣку Истру. Стрѣльцы прислали къ Шеину письмо, въ которомъ указывали, что учинились ослушными только по крайней нуждѣ и жестокому обращенію съ ними ихъ начальниковъ, что въ Москву они идутъ не для бунта, а чтобы повидаться съ женами и дѣтьми, да отдохнуть, а тамъ и опять готовы на всякую службу. Шеинъ, надѣясь образумить стрѣльцовъ, сперва послалъ переговорить съ ними генерала Гордона; но они не хотѣли слушать нѣмца и кричали, что зажмутъ ему ротъ. Тогда Шеинъ послалъ къ нимъ кн. Масальскаго; къ нему вышелъ одинъ изъ заводчиковъ, десятникъ Зоринъ, съ черновою неоконченною челобитной и требовалъ, чтобы она была прочитана передъ всѣмъ войскомъ. — Челобитная эта была ничто иное, какъ самая злая выходка противъ царя, хотя указывалось собственно на любимца его, Лефорта, какъ на еретика, посягающаго на православіе. Такое наглое требованіе, конечно, было отвергнуто и тотчасъ же съ обѣихъ сторонъ стали готовиться къ битвѣ. Отслужили молебны; стрѣльцы исповѣдывались и клялись помереть другъ за друга безъ всякой измѣны. Шеинъ думалъ, что одинъ громъ пушекъ отрезвитъ безумцевъ; поэтому въ первый разъ велѣлъ выстрѣлить такъ, чтобы ядра перелетѣли черезъ головы стрѣльцовъ; но это придало имъ еще болѣе смѣлости; они стали распускать знамена, бросать вверхъ шапки и готовиться къ бою. Тогда былъ сдѣланъ другой залпъ и нестройная толпа замялась; въ часъ вревремени все было кончено. Царское войско овладѣло обозомъ стрѣльцовъ и бунтовщики положили оружіе. Немедленно начались великіе розыски и страшныя пытки кнутомъ и огнемъ, а за ними тотчасъ послѣдовали казни. Въ самомъ обозѣ многіе были обезглавлены и повѣшены; не мало тоже повѣшено было по дорогѣ; остальныхъ отправили въ тюрьмы и монастыри подъ стражу. Увѣдомляя Петра о прекращеніи бунта, Виніусъ между прочимъ писалъ: «ни единъ не ушелъ; по розыску пущіе изъ нихъ посланы въ путь иной жизни съ возвѣщеніемъ своей братьи, такимъ же, которые, мню, и въ адъ посажены въ особыхъ мѣстахъ, для того, что чаю, и сатана боится, чтобы въ адѣ не учинили бунту и его самаго не выгнали изъ его державы». На увѣдомленіе Ромодановскаго о движеніи стрѣльцовъ къ Москвѣ, Петръ отвѣчалъ: «пишетъ ваша милость, что семья Ивана Михайловича (Миллославскаго) растетъ, въ чемъ прошу васъ быть крѣпкимъ, а кромѣ сего ни чѣмъ сей огонь угасить не можно. Хотя зѣло намъ жаль нынѣшняго полезнаго дѣла (поѣздки въ Венецію), однако сей ради причины будемъ къ вамъ такъ, какъ вы не чаете». 26 августа разнеслась по Москвѣ вѣсть, что пріѣхалъ царь. Всѣ съ ужасомъ ожидали чѣмъ разразится гнѣвъ царя, съ чего и какъ онъ начнетъ. Онъ началъ съ уничтоженія бороды, котороя стала знаменемъ для всѣхъ, кто шелъ противъ преобразованій, противъ всей дѣятельности Петра и противъ его мысли.

Когда на другой день пріѣзда Петра, утромъ 26 августа, толпа всякаго рода людей наполнила деревянный преображенскій дворецъ, гдѣ царь жилъ запросто и вмѣстѣ съ знатью принималъ самыхъ простыхъ людей, то, разговаривая съ вельможами, онъ собственноручно обрѣзывалъ имъ бороды, начавъ съ Шеина и Ромодановскаго. Многіе изъ присутствовавшихъ догадались, что пришелъ конецъ старому времени, что надо разстаться съ матушкой бородой и обрились; недогадавшимся или не хотѣвшимъ сдѣлать этого, 1 сентября, въ тогдашній новый годъ, на большомъ обѣдѣ у Шеина, обрѣзалъ бороду, но ужъ не самъ царь, а шутъ царскій, Тургеневъ. Послѣ этого, кто не хотѣлъ бриться, долженъ былъ платить опредѣленную пошлину. Это было рѣшительнымъ, отважнымъ шагомъ Петра противъ всѣхъ провозглашавшихъ брадобритіе блудною, еретическою новостью, а на сторонѣ такихъ было и духовенство, слѣдовательно и весь почти народъ. Патріархъ Іоакимъ за брадобритіе отлучалъ отъ церкви; отлучалъ и тѣхъ, кто съ брадобрейцами общеніе имѣли. Преемникомъ его, Адріаномъ, тоже было издано сильное посланіе противъ брадобритія, еретическаго безобразія,

уподобляющаго человѣка котамъ и псамъ; онъ стращалъ русскихъ людей даже такимъ вопросомъ: «если обрѣете браду, то гдѣ станете на страшномъ судѣ: съ праведниками-ли, украшенными брадою, или съ бритыми еретиками?» При такомъ взглядѣ на брадобритіе, рѣшимость Петра могла бы произвести сильное народное волненіе; но не успѣли защитники бороды опомниться отъ одного удара, какъ грянулъ другой: начался кровавый розыскъ противъ стрѣльцовъ, осмѣлившихся пойти съ оружіемъ въ рукахъ противъ нѣмцевъ, а въ лицѣ ихъ, противъ воли царя. Болѣе 1,700 стрѣльцовъ, оставшихся послѣ Шеинскаго розыска, было приведено въ Москву и въ Преображенскомъ, съ 17 сентября, въ день имянинъ царевны Софьи, въ 14 застѣнкахъ начались пытки, какихъ не бывало и при Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Добыто было признаніе, что стрѣльцы хотѣли снова призвать Софью въ правительницы и возвратить изъ ссылки Голицына; одинъ стрѣлецъ съ третьяго огня признался, что Тума принесъ имъ изъ Москвы въ Великія Луки письмо отъ царевны Софьи; это подтвердили и нѣкоторые другіе стрѣльцы; тогда дошло дѣло и до стрѣльчихъ, оговоренныхъ въ передачѣ письма и до женщинъ, жившихъ при Софьѣ въ монастырѣ. Сестеръ своихъ Марфу и Софью, допрашивалъ самъ царь. Первая созналась, что говорила Софьѣ о приходѣ стрѣльцовъ, и о желаніи ихъ видѣть ее на царствѣ, но отъ письма, переданнаго ею стрѣльчихѣ, отказалась. Софья отвѣчала: «письма я никакого не посылала, но стрѣльцы могли желать меня на правительство, потому что прежде я была правительницею». Чтобы впередъ никто не могъ желать ея на правительство, она была пострижена, подъ именемъ Сусанны, и оставлена въ томъ же Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ, но подъ постоянной стражей изъ сотни солдатъ. Царевна Марфа тоже была пострижена. Пока шли розыски, дѣлались страшныя приготовленія къ казнямъ: по бѣлому и земляному городамъ, у воротъ подъ Ново-Дѣвичьемъ монастыремъ и у четырехъ съѣзжихъ избъ возмутившихся полковъ ставили висѣлицы. Первая казнь была 30 сентября; началось тѣмъ, что въ Преображенскомъ, по указанію достовѣрныхъ свидѣтелей, самъ царь Петръ собственноручно пятерымъ отрубилъ головы; остальныхъ, всего 201 человѣкъ, повезли изъ Преображенскаго въ телѣгахъ къ Покровскимъ воротамъ; въ каждой телѣгѣ сидѣло по двое, одинъ противъ другаго и держали въ рукѣ по зажженной свѣчѣ; за телѣгами, рыдая и вопя, бѣжали жены, матери, дѣти; у Покровскихъ воротъ, въ присутствіи царя, иноземныхъ пословъ и огромнаго стеченія людей всякаго званія, была прочитана виновнымъ сказка; послѣ этого осужденныхъ развели вершить на указанныя мѣста. Этимъ дѣло не кончилось: 11 октября вершено 144 человѣка, на другой день — 205; на третій — 141; семнадцатаго октября — 109; въ этотъ день, въ Преображенскомъ, въ присутствіи царя, самые близкіе къ нему сановники должны были своеручно обезглавить по нѣскольку преступниковъ. Ромодановскій отсѣкъ головы четыремъ стрѣльцамъ, принадлежавшимъ къ четыремъ взбунтовавшимся полкамъ, бывшимъ подъ его начальствомъ; любимецъ царя, Меншиковъ, тогда звавшійся еще просто Алексашкой, хвалился, что обезглавилъ 20 человѣкъ. Отъ участія въ этомъ страшномъ дѣлѣ отказались только полковникъ преображенскаго полка Блюмбергъ и Лефортъ, говоря, что въ ихъ земляхъ это не водится. Петръ, сидя на лошади, наблюдалъ за боярами и сердился на тѣхъ, которые видимо со страхомъ или отвращеніемъ принимались за дѣло. Сто девяносто пять стрѣлцовъ были повѣшены подъ Ново-Дѣвичьемъ монастыремъ передъ кельею царевны Софьи; трое изъ нихъ, повѣшенные подлѣ самыхъ оконъ, держали въ рукахъ челобитныя. Цѣлые пять мѣсяцевъ трупы не убирались съ мѣстъ казни, цѣлыя пять мѣсяцевъ повѣшенные стрѣльцы держали свои челобитныя передъ окнами Софьи; только въ февралѣ начали вывозить ихъ за городъ. Много было казнено стрѣльцовъ и въ Азовѣ; оставшіеся въ живыхъ, какъ московскіе, такъ и азовскіе стрѣльцы были распущены. Запрещено было жить въ Москвѣ не только самимъ стрѣльцамъ но и женамъ ихъ.



ЗАЛОЖЕНІЕ ПЕТЕРБУРГА. (№ 13).

Картина 13.

ЗАЛОЖЕНІЕ ПЕТЕРБУРГА.



Расправа съ стрѣльцами удержала Петра въ Москвѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ. Уничтоживъ это страшное орудіе Софьи и всѣхъ отъявленныхъ враговъ всякаго государственнаго преобразованія, царь спѣшилъ взглянуть на свой новый флотъ, чтобы хоть этимъ успокоить свою душу. Послѣ роскошнаго пира у Лефорта, 23-го октября, царь отправился въ Воронежъ съ вице-адмираломъ Крюйсомъ и нѣсколькими близкими ему людьми. Поѣздка при осенней распутицѣ была очень затруднительна, такъ что едва въ недѣлю добрались до мѣста, за то здѣсь царь былъ вознагражденъ за всѣ свои труды и тяжкія огорченія. Рѣка была покрыта множествомъ военныхъ судовъ, большихъ и малыхъ, сооруженныхъ во время его путешествія; на луговой сторонѣ, противъ города, выстроено было адмиралтейство съ царскими, хорошими и обширными магазинами, наполнеными корабельными припасами, военными снарядами и орудіями. Осмотрѣвъ все, царь писалъ въ Москву, къ Виніусу: «Мы слава Богу зѣло въ изрядномъ состояніи нашли флотъ и магазеи, только еще облакъ сумнѣнія закрываетъ мысль нашу, да не укоснѣетъ сей плодъ намъ, яко финиковъ, котораго насаждающи не получаютъ видѣть. Обаче надѣемся на Бога со блаженнымъ Павломъ: подобаетъ дѣлателю и плодъ вкусити». Изъ этого письма видно, что хотя Петръ и доволенъ былъ всѣмъ сдѣланнымъ безъ него; но, не смотря на великую жертву, принесенную ему его вѣрными подданными, онъ все таки не надѣялся довершить всего имъ задуманнаго. Сомнѣнія въ успѣхѣ еще сильнѣе тревожили его, когда онъ своими глазами увидѣлъ на сколько народъ его, въ дѣлѣ образованія, отсталъ отъ западныхъ народовъ. Только надежда на помощь Божію могла подкрѣплять Петра въ его великомъ трудѣ и онъ именно съ полнымъ упованіемъ на эту помощь неутомимо продолжалъ начатое дѣло. Съ непоколебимой рѣшимостью, замѣняя старое новымъ, вводя одно преобразованіе за другимъ, стараясь всѣми силами увеличить государственные доходы, Петръ все таки сооруженіе и усовершенствованіе флота считалъ главнымъ дѣломъ. Еще будучи за границей, онъ узналъ, что союзники его, изъ своихъ собственныхъ видовъ, намѣрены прекратить войну съ турками; при этомъ онъ долженъ былъ или на одного себя принять всю тяжесть войны, или заключить миръ, который бы далъ ему возможность дѣйствовать на другомъ мѣстѣ. Если нельзя пройти къ Черному морю, думалъ онъ, такъ нужно пробраться къ Балтійскому, къ которому пробивался уже Иванъ Васильевичъ Грозный; куда стремились и его преемники: но не по силамъ имъ была борьба съ шведами. Теперь представлялось болѣе возможности достигнуть этой цѣли; потому что Швеція вооружила противъ себя всѣхъ своихъ сосѣдей: Польшу и Данію она обобрала также какъ и Россію, а Германію раздражила своимъ союзомъ съ Франціею. Поэтому, когда Петръ, во время своего путешествія, былъ въ Пруссіи, то курфирстъ Бранденбургскій усиленно приглашалъ его къ союзу противъ Швеціи; когда же царь, по вѣсти о стрѣлецкомъ бунтѣ, возвращался изъ за границы, то въ Галиціи, близъ мѣстечка Равы, онъ видѣлся съ новымъ королемъ

польскимъ Августомъ II, привѣтливостью и свѣтскостью котораго былъ вполнѣ очарованъ и они тутъ же обѣщались крѣпко помогать другъ другу. Такимъ образомъ Петръ, теряя прежнихъ союзниковъ на югѣ, пріобрѣталъ новыхъ на сѣверѣ; но чтобы приступить къ войнѣ съ шведами надо было закончить съ турками. И вотъ для чего Петру нуженъ былъ флотъ, съ которымъ онъ, въ случаѣ необходимости, могъ бы явиться подъ стѣнами Константинополя. Между тѣмъ вице-адмиралъ Крюйсъ, осмотрѣвъ компанейскія суда, какъ опытный морякъ, призналъ необходимымъ усилить ихъ вооруженіе и оснастку; нѣкоторыя значительно исправить въ самомъ корпусѣ, а иныя и совершенно передѣлать. Вслѣдствіе этого всѣмъ компанствамъ было предписано, чтобъ они немедленно доставили въ Воронежъ на построенныя ими суда, все что окажется нужнымъ «по разсужденью вице-адмирала». Русскимъ уполномоченнымъ на конгресъ (совѣщанье), цѣлью котораго было окончаніе войны съ турками, былъ отправленъ Прокофій Возницынъ; онъ долженъ былъ требовать отъ турокъ Керчь, а если они на это не согласятся, то, по крайней мѣрѣ, всего взятаго уже русскими. Конгресъ былъ открытъ въ Карловицѣ, въ октябрѣ 1698 года. Полномочные императора австрійскаго спѣшили только окончить свои дѣла, нисколько не заботясь о своихъ союзникахъ; поэтому Возницынъ съ большимъ трудомъ могъ заключить только перемиріе на два года; въ это короткое время нужно было или заключить прочный миръ или вступить въ борьбу съ турками одинъ на одинъ. Чтобы показать Туркамъ, что имъ не легко будетъ вести войну и съ одними русскими, Петръ предположилъ отправить своего посланника въ Константинополь, думнаго дьяка Украинцева, моремъ, на русскомъ военномъ кораблѣ, а чтобы показать, какъ туркамъ, такъ и крымцамъ свои кораблики, онъ рѣшился самъ со всѣмъ своимъ флотомъ, проводить Украинцева до Керчи и когда русская эскадра явилась у Керчи, то тамошній паша видимо испугался и спрашивалъ; «зачѣмъ пришелъ такой большой караванъ?» Присланный изъ Константинополя приставъ настаивалъ, чтобы посланники ѣхали въ Константинополь сухимъ путемъ; паша говорилъ, что онъ лишится головы, если пропуститъ чужестранный корабль черезъ Черное море въ Константинополь». Если не хотите пропустить одного корабля, отвѣчалъ ему генералъ-адмиралъ Головинъ, то мы проводимъ нашего посланника со всей эскадрой.» Дѣлать было нечего, турки уступили и 28-го августа посланники наши вышли въ море, а 7-го сентября, къ изумленію султана, его министровъ и всего народа, торжественно, съ пушечною пальбою, царскій корабль подошелъ къ Царьграду и бросилъ якорь въ виду сераля. Крѣпко встревожило это султана и онъ не могъ понять, какъ могло такое огромное судно вытти изъ мелководнаго устья Дона; министры султана, чтобы успокоить его, увѣряли, что судно это плоскодонное и къ плаванію въ дурную погоду негодится; но между тѣмъ и сами были очень встревожены и спрашивали у Украинцева: «много-ли у царя кораблей, всѣ-ли они оснащены и какъ велики?» Онъ отвѣчалъ, — что кораблей и галеръ у царя надѣлано много, дны у нихъ неплоскія, изъ Дона въ море выходятъ свободно и подъ Керчью былъ цѣлый флотъ. Все это хотя имѣло вліяніе на султана и его министровъ; но переговоры начались только въ ноябрѣ, длились почти 8 мѣсяцевъ и только 3 іюня было заключено перемиріе на 30 лѣтъ. Одновременно съ переговорами въ Константинополѣ велись дѣятельные переговоры и въ Москвѣ; тамъ о прекращеніи войны, а здѣсь о начатіи новой, которая должна была охватить весь сѣверовостокъ Европы. Чтобы поддержать первенствующее значеніе Швеціи на сѣверо-востокѣ Европы, какое она пріобрѣла случайно при своемъ королѣ Августѣ-Адольфѣ, нужно было увеличить государственные доходы; лучшимъ средствомъ къ этому король шведскій, Карлъ XI, призналъ, съ согласія сейма, отобрать у дворянства всѣ земли, которыя когда-то были коронными; также поступлено было и съ ливонскими рыцарями, ревностнымъ защитникомъ которыхъ явился капитанъ Паткуль, человѣкъ рѣшительный, съ блестящими способностями и очень образованный. Онъ сильно возставалъ противъ правительства; поэтому былъ вызванъ въ Стокгольмъ и обвиненъ въ государственной измѣнѣ. Зная, что ему не миновать смертной казни, онъ нашелъ возможность уйти въ Бранденбургъ; отсюда, переѣзжая подъ вымышленной фамиліей изъ одной страны Европы въ другую, онъ добрался наконецъ до польскаго короля, Августа, и предложилъ ему придуманный имъ планъ, состоявшій въ томъ, чтобы Польша, Россія и Данія вооружились одновременно противъ Швеціи: Польша для возвраще-

нія себѣ Лифляндіи и Эстляндіи; Россія — Ингерманландіи и Кареліи; Данія — для овладѣнія Голстейнъ-Готорпомъ. Августъ одобрилъ планъ Паткуля и немедленно послалъ въ Москву генерала Карловича, вмѣстѣ съ которымъ отправился и Паткуль; они пріѣхали въ Москву въ сентябрѣ 1699 года и нашли здѣсь шведскихъ пословъ, прибывшихъ отъ только что вступившаго на престолъ молодаго короля, Карла XII, за подтвержденіемъ Кардинскаго договора. И безъ убѣжденій Карловича Петръ былъ готовъ двинуться къ Балтійскому морю, чтобъ навсегда утвердиться на берегахъ его; но прежде нужно было развязаться съ турками: поэтому шведскіе послы, принятые царемъ по обычаю, были отпущены съ увѣреніемъ, что государъ будетъ соблюдать мирные договоры; не подтверждаетъ же ихъ крестнымъ цѣлованіемъ потому, что это уже было сдѣлано имъ при покойномъ королѣ, Карлѣ XI. При всемъ этомъ однакожъ требовалось удовлетвореніе за оскорбленія, нанесенныя въ Ригѣ великому посольству, при которомъ находился самъ царь. Между тѣмъ 11 ноября 1699 года въ Преображенскомъ былъ заключенъ тайный договоръ о наступательномъ союзѣ противъ Швеціи и въ апрѣлѣ 1700 года, союзники Петра, короли польскій и датскій, начали войну. Саксонскія войска Августа неожиданно вступили въ Ливонію; но не много сдѣлали: Рига не сдавалась. Датскій король на первыхъ порахъ дѣйствовалъ успѣшнѣе; онъ принудилъ герцога Шлезвигъ-Голштинскаго уѣхать въ Швецію; Петръ же, не получая изъ Константинополя благопріятныхъ вѣстей, вмѣсто того, чтобы, по условію двинуть войска въ Ингрію, назначилъ великое посольство въ Стокгольмъ и всѣми средствами старался успокоивать шведскаго резидента въ Москвѣ. Между тѣмъ Августъ II, самъ прибывшій въ Ливонію и видя слабость силъ своихъ, послалъ въ Москву барона Лангена требовать у Петра обѣщанной помощи, условленнаго нападенія на Ингрію. На всѣ убѣжденія Лангена Петръ отвѣчалъ: «если сегодня получу извѣстіе о мирѣ, то завтра войска мои пойдутъ на шведовъ». И царь вѣрно сдержалъ свое слово: 8 августа получено было донесеніе отъ Украинцева о заключеніи мира, а 9-го русскіе войска выступили къ шведскимъ границамъ. И вотъ началась страшная борьба мéжду двумя необыкновенными бойцами, которою навсегда должна была рѣшиться участь той или другой стороны. Осмнадцати-лѣтній Карлъ XII, не смотря на свою молодость, былъ опаснымъ соперникомъ, какъ по своимъ воинскимъ способностямъ, отчаянной отвагѣ, такъ и потому, что у него было отлично подготовленное войско. Прежде чѣмъ двинулся Петръ, Карлъ успѣлъ уже одержать верхъ надъ его союзниками. Въ то время, какъ датскій король старался овладѣть Голштиніею, Карлъ совершенно неожиданно переплылъ Зундъ и явился съ 16 тысячнымъ войскомъ передъ Копенгагеномъ; это принудило датскаго короля отказаться отъ Голштиніи и отъ союза съ Россіей и Польшей. Окончивъ съ Даніей, Карлъ быстро двинулся въ Лифляндію; узнавши о движеніи шведскаго героя, Августъ тотчасъ-же снялъ осаду Риги и отступилъ; король не преслѣдовалъ его и направился прямо къ Нарвѣ, которую Петръ началъ уже бомбардировать, но безуспѣшно; потому что пушки оказались негодными, да и запасовъ было мало. Узнавъ, что Карлъ высадился въ Пернау и, какъ говорили, съ большимъ войскомъ, русскіе принялись укрѣплять свой лагерь; 17 ноября бояринъ Шереметевъ, посланный наблюдать за шведами, отступивъ къ Нарвѣ, увѣдомилъ о приближеніи непріятеля. Получивъ это извѣстіе, Петръ въ туже ночь съ Головинымъ, переименованнымъ уже изъ адмираловъ въ фельдмаршалы, отправился въ Новгородъ, поручивъ начальство надъ войскомъ герцогу фонъ Круи, который былъ ему отрекомендованъ, какъ отличный генералъ. Петръ оставилъ свое войско въ виду непріятеля и онъ могъ это сдѣлать, не страшась упрека въ трусости, потому что уже не разъ доказалъ свое мужество; теперь же истинное мужество состояло именно въ томъ, чтобы уклониться отъ явной, безполезной опасности и сохранить себя для продолженія борьбы, даже послѣ самаго несчастнаго исхода пéрвой битвы. Ноября 19 Карлъ XII явился передъ русскимъ лагеремъ, имѣя всего войска около 8,500 человѣкъ, а русскихъ было около 40 тысячъ; но большою частію рекрутъ и при томъ они были до того растянуты на огромномъ протяженіи своего лагеря, что нетрудно было прорваться сквозь ихъ несомкнутые ряды. Ко всему этому поднялась еще сильная вьюга, прямо въ лицо русскимъ, такъ что въ 20 шагахъ ничего нельзя было различить. Гибельнѣе же и голода, и холода и вьюги дѣйствовало собственное убѣжденіе въ своей неопытности и недовѣріе къ начальникамъ, нѣмцамъ.

Какъ только шведы ворвались въ лагерь, въ рядахъ русскихъ солдатъ раздались крики: «нѣмцы измѣнили!» Разомъ всѣхъ охватилъ страхъ: конница Шереметева, которая могла бы нанести большой вредъ шведамъ съ тыла, въ безпорядкѣ бросилась вплавь черезъ Нарову, при чемъ утонуло болѣе тысячи человѣкъ; пѣхота бросилась на мостъ, мостъ обрушился и тутъ тоже погибло много. Въ озлобленіи русскіе начали бить иностранцевъ; видя это, фонъ-Круи закричалъ: «пусть самъ чертъ дерется съ такими солдатами». Послѣ этого онъ вмѣстѣ съ другими иностранцами бросился бѣжать и отдался въ плѣнъ шведамъ. Только два полка Семеновскій и Преображенскій выказали себя молодцами: огородясь рогатками и артиллерійскими повозками, они до самой ночи отбивались отъ шведовъ, которые были очень смущены ихъ стойкостью. Твердо также стоялъ отрядъ, бывшій подъ начальствомъ генерала Вейде, о чемъ, къ несчастію, не знали прочіе русскіе генералы, а потому, не надѣясь на свои силы, они вступили въ переговоры съ королемъ шведскимъ. Русскіе потерпѣли сильное пораженіе, но и побѣду шведовъ нельзя было считать рѣшительною; такъ думалъ и самъ Карлъ XII, какъ это видно изъ его словъ. Согласившись безъ затрудненія на отступленіе русскихъ, онъ сказалъ: «Я позволяю русскимъ солдатамъ сохранить оружіе за храбрость, съ какою они защищались». Какъ важно было для шведовъ поскорѣе выпроводить русскихъ за рѣку, видно изъ того, что они сами всю ночь хлопотали надъ мостомъ, который и былъ готовъ къ разсвѣту. Войско переправилось благополучно; но въ рукахъ непріятеля осталась вся русская артиллерія и всѣ генералы были удержаны въ плѣну. Ноября 21, Король съ торжествомъ вступилъ въ освобожденную Нарву. Въ честь побѣдителя было выбито нѣсколько медалей; на одной сторонѣ такой медали царь Петръ изображенъ былъ грѣющимся при огнѣ своихъ пушекъ, изъ которыхъ летятъ бомбы на Нарву; тутъ же надпись: «Бѣ же Петръ стоя и грѣяся»; на другой сторонѣ изображены были русскіе, бѣгущіе отъ Нарвы; во главѣ ихъ Петръ, царская шапка валится съ его головы, шпага брошена, онъ утираетъ слезы платкомъ: «Изшедъ вонъ, плакася горько». Но Петръ не былъ во главѣ бѣгущихъ и не плакалъ, хотя, конечно, неудача подъ Нарвой была такимъ же тяжелымъ для него испытаніемъ, какъ и первая неудача подъ Азовомъ. Онъ не бросилъ оружія; но тотчасъ принялся приготовлять его съ изумительною дѣятельностію, хотя при этомъ долженъ былъ еще бороться и съ внутренними врагами, которые волновали народъ, указывая на неуспѣшность нововведеній. Репнину приказано было привести въ исправность полки, шедшіе отъ Нарвы «въ конфузіи». Тотчасъ же закипѣли работы надъ укрѣпленіями въ Новгородѣ, Псковѣ и Печерскомъ монастырѣ (близь Пскова) и горе было тѣмъ, кто не хотѣлъ въ это время работать; или думалъ поживиться отъ общаго дѣла. Голицыну поручено было набрать десять новыхъ драгунскихъ полковъ, по тысячѣ человѣкъ въ каждомъ. Солдатъ набирали изъ вольницы. Люди собрались; но нужно было создать новую артиллерію, а между тѣмъ не было и мѣди. Рѣшительный царь велѣлъ «со всего государства, съ знатныхъ городовъ, отъ церквей и монастырей, собрать часть колоколовъ на пушки и мортиры». Изготовленіе орудій поручено было Виніусу и, благодаря неутомимой дѣятельности этого бодраго и знающаго старика, оно было исполнено отлично. Такимъ образомъ въ самое короткое время царь былъ уже готовъ доказать и друзьямъ и недругамъ, что и послѣ Нарвскаго пораженія онъ въ состояніи продолжать борьбу. Къ такому подготовленію много помогъ Петру и самъ Карлъ. Сначала онъ, согласно съ мнѣніемъ своихъ генераловъ, думалъ заключать перемиріе съ Августомъ и преслѣдовать русскихъ, стать у нихъ на зимнія квартиры, кормить армію на ихъ счетъ и поддерживать неудовольствія между приверженцами Софьи и чернью, недовольною введеніемъ европейскихъ обычаевъ; но по ненависти къ Августу, онъ вдругъ измѣнилъ свой планъ и, считая русскихъ ничтожными врагами, оставилъ генерала Шлиппенбаха для защиты отъ русскихъ Ливоніи, а самъ отправился во владѣнія Августа, гдѣ безуспѣшно пробылъ нѣсколько лѣтъ. Петръ, какъ нельзя лучше воспользовался неразумностью своего врага. «Пока, по выраженію Петра, шведъ увязъ въ Польшѣ,» онъ успѣлъ подучить своихъ новобранцевъ и увѣрить ихъ на дѣлѣ, что они могутъ бить шведовъ. Въ январѣ 1701 года Шлиппенбахъ вступилъ было въ предѣлы Россіи; наши встрѣтили его въ 15 верстахъ отъ Печерскаго монастыря и принудили отступить; послѣ этого долгое время, ни съ той, ни съ другой стороны не было серьез-

наго движенія; но Петръ между тѣмъ при личномъ свиданіи съ Августомъ, въ мѣстечкѣ Боржанѣ, Динабурскаго уѣзда, успѣлъ скрѣпить съ нимъ союзъ. Успѣхи русскихъ начались на дальнемъ сѣверѣ, гдѣ въ іюнѣ 1701 года, семь шведскихъ судовъ, тайкомъ, подъ англійскими и голландскими флагами, хотѣли пробраться въ Архангельскъ; они были отражены и оставили въ добычу русскихъ два судна, сѣвшія на мель. Это очень обрадовало Петра. Въ концѣ 1701 г. Шереметевъ предпринялъ наступательное движеніе на Шлиппенбаха въ Ливоніи и 29 декабря сильно побилъ шведовъ; около 3-хъ тысячъ враговъ легло на мѣстѣ, и 350 было взято въ плѣнъ. «Этой первой побѣдой Нарва была уже отомщена и въ Москвѣ было великое торжество». Шереметевъ немедленно двинулся далѣе раззорять уже шведскую землю, но усталость лошадей остановила его и онъ очень былъ радъ, что непріятель не воспользовался глубокими снѣгами и не напалъ на него на лыжахъ изъ лѣсовъ. Шереметеву хотѣлось отдохнуть и онъ просился пріѣхать въ Москву; Петръ разрѣшалъ, но съ тѣмъ, чтобъ пріѣхать на страстной или на шестой недѣлѣ поста, а «на святой паки назадъ». Не опуская рукъ самъ, онъ и никому не давалъ отдыха. Въ концѣ мая Шереметевъ, по приказанію царя, съ тридцати тысячною арміею снова двинулся противъ Шлиппенбаха, у котораго было не болѣе 8 тысячъ человѣкъ; войска сошлись 18 іюля при Гуммельсгофѣ и шведы потерпѣли страшное пораженіе; они потеряли до 5 тысячъ убитыми, 300 человѣкъ плѣнными и всю артиллерію. Послѣ этой побѣды Петръ приказалъ раззорять Ливонію, «чтобъ непріятелю пристанища найти и сикурсу (помощи) подать своимъ городамъ было не возможно. Самъ же царь провелъ все лѣто 1702 года въ Архангельскѣ, потому что весною было получено извѣстіе, будто шведы снова намѣрены пробраться къ этому городу; но какъ они не явились, то въ сентябрѣ царь отправился въ Ладогу, чтобы лично распоряжаться завоеваніемъ Ингріи и морскаго берега. Для этого онъ потребовалъ къ себѣ Шереметева и, какъ только тотъ прибылъ, то тотчасъ же повелъ войско въ Нотебургу, прежнему Орѣшку, стоявшему при истокѣ Невы. Въ этой не большой крѣпости при 450 человѣкъ гарнизона было до полутороста орудій; русскихъ было тысячъ десять, однако взять было не легко, шведы отчаянно защищались; но все таки не выдержали и 11 октября городъ былъ сданъ. Нотебургъ былъ переименованъ въ Шлюссельбургъ (ключъ-городъ); потому что онъ точно служилъ ключемъ къ морю. Петръ былъ въ восторгѣ и писалъ къ Виніусу, надзирателю артиллеріи, бывшему тогда въ Сибири. «Правда, что зѣло жестокъ сей Орѣхъ былъ, однакожъ слава Богу счастливо розгрызенъ. Артиллерія наша зѣло чудесно дѣло свое исправила». Въ апрѣлѣ 1703 года, русскія войска подъ начальствомъ Шереметева, спускаясь отъ Шлюссельбурга внизъ, по правому берегу Невы завидѣли, при впаденіи Охты въ Неву, небольшой городокъ Ніеншанцъ, бывшій сторожевой крѣпостью при устьѣ Невы. Петръ прибылъ къ войску и тотчасъ самъ на 60 лодкахъ осмотрѣлъ устье Невы; вечеромъ 30 апрѣля началось бомбардированіе, а утромъ 1 мая крѣпость сдалась и была переименована въ Шлатбургъ. Но на другой день вечеромъ караульные увѣдомили, что на взморьѣ показались непріятельскіе корабли и 5 мая дѣйствительно два шведскихъ корабля подошли къ устью Невы. Бомбардирскій капитанъ Петръ Алексѣевъ и поручикъ Меншиковъ на 30 лодкахъ съ гвардейцами подкрались къ нимъ, окружили ихъ и взяли, не смотря на то, что у шведовъ были пушки, а у русскихъ не было. Восторгъ Петра выражается въ слѣдующихъ словахъ изъ письма его къ Апраксину: *«и сею никогда бывяемою викторіей (побѣдою) вашу милость поздравляю»*.

И вотъ наконецъ царь-богатырь стоялъ на берегу моря, къ которому болѣе ста лѣтъ пробивались русскіе; 1 мая была срыта старая крѣпость Ніеншанцъ, а 16, ближе къ устью Невы, на островѣ Лустъ-Эйландѣ была торжественно заложена новая, вокругъ которой быстро выросла теперешняя столица Россіи — С.-Петербургъ (Святой-Петровъ-городъ).

Картина 14.

Пиръ послѣ Полтавской побѣды.



Основаніемъ Петербурга шкиперъ-бомбардиръ прорубилъ для русскихъ окно въ просвѣщенную Европу, какъ выразился въ своихъ письмахъ о Россіи одинъ иноземецъ, графъ Альгоротти. Такъ, повидимому, смотрѣлъ на это дѣло и самъ Петръ, а потому, вопреки мнѣнію почти всѣхъ и не смотря ни на болота, ни на наводненія, ни на суровость климата, онъ называлъ свой новый городокъ, теску своего, парадизомъ (раемъ). «Истинно, что въ раю здѣсь живемъ, писалъ онъ къ Меншикову, и о здѣшнемъ поведеніи не изволь сомнѣваться: ибо въ раю Божіемъ зла быть не можетъ». Но не легко было удержать за собой этотъ парадизъ. Нужно было навсегда оттолкнуть отъ него еще могучихъ въ то время, враговъ-шведовъ, а между тѣмъ нельзя было употребить на это всѣ свои силы; приходилось по временамъ усмирять и внутреннихъ враговъ: злое сѣмя стрѣлецкое все еще жило, да и на Дону голутвенные постоянно готовы были поддержать новаго Разина; бунтовали и башкиры, да и на Украйнѣ было не совсѣмъ надежно. Частые, усиленные наборы рекрутъ и обременительные налоги, по причинѣ войны и разныхъ новыхъ учрежденій, истощали все государство. Однимъ словомъ, это было крѣпко тяжелое время и для всего русскаго народа и для его царя. И какъ тяжко было царю — это видно изъ одного его письма, писаннаго имъ весною 1706 года передъ Лазаревымъ воскресеньемъ: «Боже! (писалъ онъ) прибавь тяжести въ нашу чашку вѣсовъ, потому что безъ этого она перевѣситься не можетъ. Мы вмѣстѣ съ приближающимся Лазаремъ въ адской сей горести находимся. Дай, Боже, воскреснуть съ нимъ!» Да, именно, только царь-богатырь, богатырь и тѣломъ и духомъ, могъ выйти изъ такой тяжелой борьбы. За то и дѣятельность его была нетолько изумительная, но, по истиннѣ сверхчеловѣческая. Вездѣ онъ поспѣвалъ своевременно, все дѣлалось его свѣтлымъ умомъ, все двигалось его желѣзной волей: одновременно кипѣла работа и на землѣ и на водѣ. Быстро возрастала крѣпость на устьяхъ Невы; съ такою же поспѣшностью строили военные корабли на новой верфи въ Лодейномъ Полѣ, чтобы было что выставить противъ шведскаго флота, который все лѣто 1703 года держался при устьяхъ Невы. Нужна была Перту сила на водѣ, а на сушѣ шведъ для него былъ тутъ уже не страшенъ, потому что, благодаря неразумной распорядительности короля своего, онъ могъ наступать только малыми отрядами. Такой отрядъ подошелъ-было къ рѣкѣ Сестрѣ; но самъ царь съ четырьмя конными полками прогналъ его и «зѣло много его порубили, понеже солдаты брать живьемъ его не хотѣли». Осенью шведскіе корабли отошли отъ невскаго устья, тогда царь могъ свободно осмотрѣть весь Финскій заливъ. Въ 30-ти верстахъ отъ Петербурга онъ увидѣлъ островъ Котлинъ, на которомъ тотчасъ же заложилъ крѣпость, давъ ей названіе *Кронштадтъ* т. е. *вѣнецъ-городъ*, а на ближайшей къ нему отмели другую небольшую крѣпость — *Кроншлотъ*. По Невѣ уже шелъ ледъ, а царь своими руками промѣрялъ фарватеръ моря и Невы до Петербурга. Въ ноябрѣ 1703 года вошелъ въ устье Невы первый голландскій корабль съ солью и виномъ; радостно онъ былъ встрѣченъ;



ПИРЪ ПОСЛѢ ПОЛТАВСКОЙ ПОБѢДЫ. (№ 14).

щедро наградили шкипера и матросовъ его, и повезли счастливцы въ свою отчизну извѣстіе *о новомъ русскомъ городѣ и портѣ* на берегахъ Балтійскаго моря. Въ то время, какъ самъ Петръ устроивалъ свой парадизъ, войска его отбирали отъ шведовъ города и земли, принадлежавшіе русскимъ. Взята была крѣпость Копорье, сдался и Ямбургъ, который велѣно было тотчасъ же укрѣпить. Шереметевъ думалъ было тутъ зазимовать, отдохнуть, но у Петра некогда было отдыхать. Въ концѣ августа Шереметевъ двинулся погостить въ Эстонію, а гостями съ нимъ были тѣ же казаки, татары, калмыки и башкиры, что и въ прошлый годъ были въ Лифляндахъ; посѣтили они многіе города и вездѣ оставили, на память по себѣ, кучи пепла и груды развалинъ. Возвратились они изъ похода въ сентябрѣ и пригнали много скота и лошадей. Не даромъ говорится: «война идетъ, что помеломъ мететъ».

Торжественно встрѣтили царя въ Москвѣ, какъ покорителя Ингріи; но не зажился онъ въ Бѣлокаменной; по зимнему пути отправился въ Воронежъ, гдѣ изготовлялся флотъ для Азовскаго моря, который долженъ былъ сдерживать турокъ, пока идетъ борьба со шведомъ; нужно было смотрѣть и на-право и на-лѣво, и на востокъ и на западъ. Весною 1704 года Петръ прибылъ въ Петербургъ съ тѣмъ именно намѣреніемъ, чтобы пока Карлъ XII увязъ въ польшѣ, преслѣдуя польскаго короля, взять отъ шведовъ двѣ сильныя крѣпости, Дерптъ и Нарву, и тѣмъ совершенно укрѣпиться въ Прибалтійскомъ краѣ. Въ концѣ апрѣля приказано было Шереметеву идти для осады Дерпта, 5-го мая царь получилъ извѣстіе, что на рѣкѣ, Эмбахъ, нашими захвачено 13 шведскихъ судовъ, плывшихъ въ Чудское озеро. Съ превеликою радостью Петръ принялъ увѣдомлѣніе «о пресчастливой побѣдѣ въ нечаямомъ случаѣ» и снова предписалъ Шереметеву не медлить осадою Дерпта, «чтобы сего даннаго Богомъ случая не пропустить». Въ началѣ іюня Шереметевъ приступилъ къ Дерпту; началъ осадныя работы; но дѣло шло вяло, поэтому 20 іюня самъ царя прибылъ къ осаждающимъ и нашелъ, что многія работы никуда не годились, а между тѣмъ уже «двѣ тысячи бомбъ было выметано безпутно». Одно только утѣшало Петра, что люди, слава Богу, какъ писалъ онъ къ Меншикову *«зѣло бодры и учреждены* и число ихъ вящше 20 тысячъ». Все испорченное быстро было исправлено и 13 іюня, послѣ упорной битвы, когда русскіе уже готовы были ворваться въ городъ, комендантъ подалъ сигналъ, знакъ, къ сдачѣ. «Итакъ, писалъ Петръ, съ Божіею помощью, симъ нечаямымъ случаемъ сей славный отечественный градъ паки полученъ». Чтобы показать, что покореніе Эстляндіи не временное завоеваніе, жители Дерпта были приведены къ присягѣ. Отсюда царь-побѣдитель поскакалъ прямо къ Нарвѣ, уже обложенной русскимъ войскомъ подъ начальствомъ новаго фельдмаршала, Огильви, приговореннаго въ русскую службу Паткулемъ въ Вѣнѣ, на три года. Царь назначилъ штурмъ 9 августа; упорно, отчаянно сопротивлялся шведскій гарнизонъ; но русскіе пересилили и ворвались въ городъ; разсвирѣпѣвшіе солдаты начали грабить не щадя при этомъ ни женщинъ, ни дѣтей. Узнавъ объ этомъ, царь поспѣшилъ въ городъ и приказалъ прекратить грабежъ; при этомъ, говорятъ, видя, что неистовство продолжается, онъ самъ нѣсколькихъ своевольныхъ заколол шпагою и потомъ, показывая ее трепещущимъ гражданамъ, собравшимся въ ратушѣ, сказалъ: «не бойтесь, это не шведская, а русская кровь!» Тотчасъ же послѣ счастливаго приступа Петръ по своему обыкновенію, написалъ къ своимъ: «Гдѣ предъ четырьмя лѣты Господь оскорбилъ, тутъ нынѣ веселыми побѣдителями учинилъ, ибо сію преславную крѣпость чрезъ лѣстницы шпагами въ три часа получили».

Черезъ семь тріумфальныхъ воротъ побѣдители торжественно вступили въ Москву съ знатнѣйшими изъ плѣнныхъ и пушками, отбитыми у непріятеля. Въ четыре года, пока упрямый Карлъ XII гонялся въ Польшѣ за Августомъ, Петромъ было сдѣлано много: онъ овладѣлъ Ингріею, основавъ на устьяхъ Невы пристанище для кораблей; взялъ Дерптъ и Нарву, въ конецъ опустошилъ Ливонію и Эстонію, чтобы затруднить дѣйствія шведа, если онъ вздумаетъ отвоевывать взятое у него. Главная цѣль войны была достигнута и Петръ былъ не прочь помириться и при этомъ даже многое изъ завоеваннаго возвратить, въ случаѣ крайности, удержавъ за собой только свой парадизъ. Но Карлъ XII думалъ иначе, судя о русскихъ по первой побѣдѣ подъ Нарвой, онъ считалъ ихъ ничтожнымъ врагомъ и мечталъ, уничтоживъ окончательно Августа, заключить миръ съ русскими въ Москвѣ. Хотя, по собственному выраженію

Петра, люди его были уже *бодры и учреждены;* но всетаки еще во многомъ нужно было подготовиться, чтобы встрѣтить съ почетомъ такого непрошеннаго гостя и не допустить его до Москвы. По этому первымъ дѣломъ было удержать его, какъ можно долѣе въ Польшѣ, а для того нужно было помогать Августу II и совѣтомъ и войскомъ и даже деньгами, которыя онъ, къ величайшему огорченію Петра, тратилъ большею частію не на дѣло, а на собственныя прихоти. Желая имѣть вѣрнаго и преданнаго союзника при вступленіи въ Россію, Карлъ XII приказалъ полякамъ избрать новаго короля на мѣсто Августа. Но кого было избрать? Двое Собѣскихъ, захваченные Августомъ, находились въ заключеніи, третій не хотѣлъ принять короны, считая ее для себя въ это время слишкомъ тяжелою. Это нѣсколько озадачило Карла; но, впрочемъ, не надолго. Онъ призналъ пригоднымъ для себя и польской короны познанскаго воеводу, молодаго Станислава Лещинскаго, человѣка очень дѣятельнаго, отлично образованнаго и честнаго; но вовсе неимѣвшаго достаточной силы характера, чтобы быть въ такое время королемъ; притомъ же изъ круга другихъ вельможъ онъ ничѣмъ особенно не выдавался впередъ: ни блестящими дарованіями, ни знатностью происхожденія, ни богатствомъ. Такой выборъ возбудилъ сильный ропотъ между польскими вельможами; многіе и знать не хотѣли Лещинскаго, почитая себя во всемъ выше его. Но упрямый Карлъ не обращалъ на это вниманія и приказалъ своимъ генераламъ жечь имѣнія тѣхъ вельможъ, которые стояли за Августа. Несмотря на громкіе протесты большей и важнѣйшей части поляковъ, шведская партія выкричала королемъ Лещинскаго, потому что при этомъ выкрикиваніи было 300 шведскихъ драгунъ и 500 человѣкъ пѣхоты, да и самъ Карлъ находился въ 3-хъ верстахъ отъ Варшавы. Это, однакожь, не помогло Карлу; у Августа осталось много приверженцевъ и такимъ образомъ въ Польшѣ вразъ было два короля. Петръ поспѣшилъ помочь своему союзнику; весною 1705 года русскія войска двинулись къ Западной Двинѣ, перешедши эту рѣку, заняли Курляндію и овладѣли Вильной. Главныя наши силы, около 35 тыс., сосредоточились въ Гродно, гдѣ былъ устроенъ большой укрѣпленный лагерь. Съ помощію русскихъ, въ концѣ лѣта, Августу удалось отнять у шведовъ Варшаву и Станиславъ принужденъ былъ бѣжать. Желая занять также Познань, Августъ отправилъ къ этому городу Паткуля, съ отрядомъ изъ польскихъ и русскихъ войскъ; но Паткуль простоялъ цѣлый мѣсяцъ безплодно и успѣлъ только возбудить къ себѣ общую ненависть всего войска и особенно нашихъ казаковъ. По приказанію короля, онъ долженъ былъ снять осаду и отвести войска въ безопасное мѣсто, въ саксонскія владѣнія. Составивъ планъ военныхъ дѣйствій, Петръ уговаривалъ короля Августа не вступать съ шведами въ открытую битву, а томить ихъ набѣгами, обѣщая при этомъ помогать ему и деньгами и войскомъ. Самъ царь, между тѣмъ, перелеталъ изъ одного мѣста въ другое. Въ Воронежѣ онъ спустилъ 80-ти пушечный корабль. Въ Москвѣ, въ апрѣлѣ, былъ задержанъ лихорадкой; но въ концѣ мая былъ уже въ Полоцкѣ, гдѣ собрано было большое русское войско, тысячъ 60, подъ начальствомъ двухъ фельдмаршаловъ: Шереметева и Огильви. Послѣдній былъ очень недоволенъ товариществомъ. Онъ хотѣлъ одинъ начальствовать; но какъ основною мыслью Петра было не давать иностранцу главнаго начальства, чтобы упражнять и пріучать къ дѣлу своихъ, то желаніе Огильви не исполнилось. Изъ Полоцка 1 іюня Петръ выступилъ въ Вильно, отправивъ за нѣсколько дней передъ этимъ Шереметева выгнать шведовъ изъ Курляндіи, находившихся тамъ подъ начальствомъ генерала Левенгаупта; но 22 іюня получилъ царь горестное извѣстіе, что фельдмаршалъ его, уже прославившій себя побѣдами надъ шведами и котораго онъ поставилъ наравнѣ съ генераломъ, приглашеннымъ изъ заграницы, былъ разбитъ и почти по своей оплошности, придержавшись, по заключенію Петра, стараго обычая. Шереметевъ началъ дѣло съ одной кавалеріей, не дождавшись пѣхоты съ пушками. Петръ однакожъ не выказалъ своего душевнаго огорченія и чтобы ободрить своихъ, писалъ Шереметеву: «Не изволте о бывшемъ печальны быть (понеже всегдашняя удача много людей ввела въ пагубу), но забывать и паче людей ободрять». Желая перенять Левенгаупта, Петръ выступилъ съ этою цѣлію изъ Вильны, пославъ наказъ Шереметеву — идти какъ можно скорѣе и отрѣзать непріятеля отъ Риги: но Шереметевъ не могъ этого исполнить, по независѣвшимъ отъ него причинамъ и Левенгауптъ, къ крайнему неудовольствію Петра, успѣлъ перебраться за Двину, къ Ригѣ. Оставивъ Шереметева сторо-

жить шведовъ на лѣвомъ берегу Двины, противъ Риги, самъ Петръ двинулся къ Митавѣ и послѣ семнадцатидневной осады столица курляндіи сдалась 2 сентебря. Послѣ этой побѣды Петръ писалъ Ромодановскому: «Сіе мѣсто великой есть важности, понеже непріятель отъ Лифляндъ уже весьма отрѣзанъ и намъ далѣе въ Польшу походъ безопасенъ есть». Но въ это самое время, когда борьба съ Шведомъ на западѣ становилась уже очень важною и требовала большихъ усилій со стороны Петра, онъ вдругъ получилъ въ самой Митавѣ извѣстіе о бунтѣ въ Астрахани. Это былъ тяжелый ударъ для царя: нужно было, во-первыхъ, отправить немедленно значительную часть войска противъ мятежниковъ и тѣмъ ослабить себя противъ Шведа; во вторыхъ, это возмущеніе показывало ему, что, несмотря на всѣ его труды и блестящія побѣды, старое еще не отказалось отъ борьбы съ новымъ и злое сѣмя стрѣлецкое все еще живетъ. И дѣйствительно астраханскій бунтъ выражалъ не мѣстное неудовольствіе; но неудовольствіе всѣхъ приверженцевъ старины, въ гражданскомъ, жизненномъ и религіозномъ отношеніяхъ. Въ Москвѣ и около Москвы, ничего не могли сдѣлать потому, что несмотря на безпрерывные разъѣзды Петра, въ Преображенскомъ засѣдалъ строгій Пресбургскій король, Ромодановскій, который зорко и неусыпно наблюдалъ за всѣми ихъ продѣлками. Вотъ почему они избрали себѣ сборнымъ мѣстомъ Астрахань, какъ самый отдаленный, застепный уголокъ, да при томъ еще окруженный казаками, межъ которыми тоже было много недовольныхъ. Главнымъ раздувателемъ бунта Астраханскаго былъ бѣжавшій изъ Москвы стрѣлецкій сынъ Степанъ; три года онъ безпрерывно распространялъ въ народѣ самыя нелѣпыя вѣсти: что царь не настоящій, подмѣненный, что хотятъ измѣнить вѣру и приказываютъ кланяться болванамъ, что всѣхъ русскихъ дѣвицъ велѣно выдавать за нѣмцовъ и тому подобное. Сперва его не слушали, останавливали; но мало по малу нашлись соумышленники и 30 іюня бунтъ вспыхнулъ. Мятежники ворвались въ крѣпость, убили воеводу и нѣсколько офицеровъ; выбрали въ старшины раскольника Якова Носова, ярославскаго гостя, а астраханскимъ бурмистромъ, Гаврилу Гончикова. «Они-де люди умные, говорили бунтовщики, всѣмъ войскомъ управятъ». Умные люди порѣшили идти въ Москву, а напередъ поднять окрестныхъ казаковъ и все Поволжье. Казаки однакожъ остались вѣрными царю; они выслали даже войско противъ бунтовщиковъ, а посланцевъ астраханскихъ заковали и отправили въ Москву вмѣстѣ съ ихъ прелестною грамотою. Для усмиренія крамольниковъ былъ посланъ фельдмаршалъ Шереметевъ; благодаря его быстрому движенію и вѣрности казаковъ, возмущеніе далѣе Краснаго Яра не пошло; 8 марта 1706 года Астрахань была взята приступомъ; участники бунта схвачены и отправлены въ Москву, гдѣ они были казнены. Обрадованный прекращеніемъ бунта, царь наградилъ Шереметева графскимъ титуломъ; это было новое достоинство, введенное Петромъ вмѣсто старинныхъ русскихъ чиновъ и титуловъ. Успѣшное прекращеніе астраханскаго бунта было тѣмъ важнѣе, что борьба съ шведомъ становилась все болѣе и болѣе серьезною. Пока Петръ занималъ Курляндію и сосредоточивалъ свое войско въ Гродно, Карлъ стоялъ около Варшавы, гдѣ короновался избранный имъ на польскій престолъ Станиславъ Лещинскій; въ Гродно пріѣхалъ къ Петру король Августъ; поручивъ ему войско, надъ которымъ начальствовали Огильви и Меншиковъ, замѣнившій Шереметева, Петръ уѣхалъ въ Москву. Всю осень Карлъ простоялъ спокойно и вдругъ въ декабрѣ, несмотря на жестокіе морозы, быстро двинулся къ Гродно. Это движеніе Карла сильно встревожило Петра и онъ спѣшилъ возвратиться въ Гродно. Не отступая отъ своего плана — бить шведовъ по частямъ, для школы русскихъ, и не давать ни подъ какимъ видомъ генеральнаго (рѣшительнаго) сраженія, онъ передъ выѣздомъ изъ Москвы писалъ къ Меншикову, что лучше всего оставить Гродно и идти къ своимъ границамъ, чтобы не быть окружену шведскими войсками. Прежде Петра, 13 января, Карлъ явился у Гродно; но не рѣшился на приступъ и черезъ нѣсколько времени отступилъ верстъ на 70 отъ Гродно, довольствуясь только разсылкою сильныхъ партій, чтобы не пропускали продовольствія къ русскому войску. Такимъ образомъ войско наше, отрѣзанное отъ своихъ границъ, могло именно погибнуть отъ голода. Узнавъ отъ Меншикова, что нельзя проѣхать въ Гродно, Петръ возвратился въ Смоленскъ, въ крайне грустномъ расположеніи духа; потому что не имѣлъ никакихъ извѣстій о гродненскомъ войскѣ. Не надѣясь на помощь саксонцевъ, обѣщанную королемъ Августомъ, царь приказалъ гетману, Мазепѣ, двинуться къ Минску и употреблялъ всевозможны усилія, чтобы доставить

гродненскому войску продовольствіе. Среди этихъ-то распоряженій была получена страшная вѣсть, что шведскій генералъ Реншельдъ съ 12-ю тысячами, при Фридштатѣ, въ-прахъ разбилъ двадцатитысячное саксонское войско и что находившійся при немъ русскій вспомогательный отрядъ большею частію варварски истребленъ шведами, не щадившими и сдававшихся. Тяжело было это время для Петра; но въ такихъ-то случаяхъ и выказывается великость души. Не имѣя болѣе никакой надежды на помощь союзниковъ, онъ тотчасъ же послалъ въ Гродно приказъ-выступать и итти къ Кіеву. Вмѣстѣ съ приказомъ послалъ и составленный имъ планъ отступленія. Русскіе, по указанію Петра, воспользовались вскрытіемъ Нѣмана и перешли его по заранѣе приготовленному мосту, а пока шведы навели для себя мостъ, русскіе были уже у Бреста; преслѣдовать ихъ весною, въ болотистой странѣ, было невозможно и Карлъ остановился въ Волыни. Опасаясь, чтобы онъ не двинулся къ Кіеву, Петръ предписалъ всему войску, состоявшему подъ начальствомъ Огильви и Меншикова, идти къ этому дорогому для русскихъ городу, куда оно и прибыло благополучно. Такимъ образомъ русское войско выскользнуло изъ рукъ Карла и онъ раздосадованный этимъ, рѣшился покончить съ Августомъ. Давъ отдохнуть войскамъ своимъ въ Волыни, онъ пошелъ въ Саксонію, гдѣ не встрѣтилъ ни малѣйшаго сопротивленія и ни одна изъ державъ не приняла стороны Августа: всѣ считали шведскаго бойца непобѣдимымъ. Расчетъ Карла былъ вѣренъ: Августъ, чтобы спасти свою Саксонію или, лучше сказать, не лишиться всего, рѣшился тайно заключить съ нимъ договоръ, по которому отказывался отъ польской короны въ пользу Станислава Лещинскаго и отъ союза съ Петромъ; принималъ на счетъ саксонцевъ продовольствіе шведской арміи въ продолженіе всей зимы; наконецъ, не постыдился даже передать шведамъ бывшихъ въ Саксоніи русскихъ солдатъ, и выдать состоявшаго уже въ русской службѣ Паткуля. Карлъ, несмотря на то, что Паткуль былъ въ это время посломъ русскимъ, приказалъ его колесовать, какъ измѣнника. Договоръ былъ уже заключенъ а Августъ все еще оставался при русскомъ войскѣ, и былъ даже свидѣтелемъ блистательной побѣды, одержанной Меншиковымъ при Калишѣ надъ шведскимъ генераломъ Мардефельдомъ; присутствовалъ при варшавскихъ торжествахъ по

случаю этой побѣды, а когда пошли слухи о договорѣ его съ Карломъ, то онъ увѣрялъ, что все это неправда. Несмотря на свою ничтожность во всѣхъ отношеніяхъ, Августъ былъ тѣмъ полезный союзникъ, что удерживалъ Карла въ Польшѣ; теперь же шведъ свободно могъ двинуться во внутрь Россіи и все бремя войны приходилось Петру принять на одни свои плечи; но какъ торжествующій Карлъ остался зимовать въ Саксоніи, то это дало Петру возможность приготовиться къ боробѣ съ нимъ. Богатырь нашъ однакоже видимо не надѣялся еще на свои молодыя силы и употреблялъ всѣ средства, чтобы замириться; готовъ былъ даже возвратить все, взятое у шведовъ, оставивъ за собой только одну гавань на Балтійскомъ морѣ. Для этого онъ искалъ посредства у всѣхъ важнѣйшихъ державъ, обращался даже къ папѣ; но отвсюду слышался отказъ, а надменный Карлъ не хотѣлъ даже размѣнять плѣнныхъ, говоря, что размѣняетъ ихъ въ Москвѣ. У Карла въ это время, въ 1707 году, было до 70 тысячъ войска, готоваго вступить въ Россію, и притомъ войска бодраго, сытаго, отлично обмундированнаго и вооруженнаго; поэтому и немудрено, что онъ мечталъ заключить миръ съ Россіею *по-саксонски*, т. е. свергнуть Петра съ престола и на мѣсто его посадить принца Якова Собѣсскаго. Онъ много также разсчитывалъ на неудовольствіе противъ Петра въ самой Россіи. И вотъ, наконецъ, наступилъ самый тяжелый годъ и для царя русскаго и для всего его народа, 1708 годъ, съ такими случайностями, какихъ никакъ нельзя было предвидѣть. Въ августѣ 1707 года Карлъ двинулся изъ Саксоніи, перешелъ Вислу, занялъ Гродно и бросился преслѣдовать русскія войска, бывшія тогда въ Литвѣ; но имъ тоже данъ былъ указъ не вступать съ непріятелемъ въ генеральную баталію, рѣшительную битву, а стараться заманивать его къ своимъ границамъ, вредя ему при всякомъ удобномъ случаѣ, особенно при переправахъ черезъ рѣки. Въ Польшѣ также было порядочно улажено дѣло, такъ что отъ поляковъ шведы не могли ожидать большой помощи, да и Августъ, какъ только шведы выступили изъ Саксоніи, готовъ былъ снова вступить въ союзъ съ Петромъ. Но всетаки положеніе государства нашего было очень затруднительное. Съ запада шелъ страшный боецъ, по крайней мѣрѣ такимъ считали его въ то время всѣ; противъ него нужно было употребить всѣ

силы, а между тѣмъ на востокѣ Россіи поднялись инородцы-магометане, которые постоянно были недовольны русскимъ подданствомъ; признавая за своего естественнаго главу турецкаго султана, они надѣялись, что онъ, при удобномъ случаѣ, поможетъ имъ высвободиться изъ подъ христіанскаго ига. Теперь же, обремененные, болѣе чѣмъ когда-либо, налогами, вслѣдствіе войны, а притомъ и раздраженные неправыми дѣйствіями русскихъ чиновниковъ, особенно же уфимскаго коммисара Сергѣева, возмутились и начали дѣло башкирцы. Главнымъ двигателемъ возстанія былъ уфимскій же башкирецъ, выдававшій себя за святаго и султана башкирцевъ; къ нимъ присоединились горцы, кочевые татары, казаки-раскольники и многіе другіе. Возстанье охватило огромное пространство; но, благодаря благоразумію и быстрой дѣятельности Апраксина и Хованскаго, мятежники принуждены были положить оружіе и снова присягнули на вѣрность царю. Впрочемъ, всетаки они успѣли нанести большой вредъ: болѣе 300 русскихъ деревень и селъ были истреблены, да убито и въ плѣнъ отведено до 12 тысячъ человѣкъ. Еще не покончили совершенно съ башкирцами, какъ вдугъ вспыхнулъ бунтъ на Дону вслѣдствіе того, что приказано было возвратить бѣжавшихъ туда креттьянъ, такъ какъ у казаковъ было уже отняго право принимать къ себѣ-кого бы то ни было. Бѣжали же туда отъ усиленныхъ рекрутскихъ наборовъ и другихъ повинностей, которые требовались, конечно, по самой крайней государственной необходимости. Чрезъ эти побѣги, для остававшихся на мѣстѣ, повинности становились еще тягостнѣе, потому и нельзя было не обратить на это вниманіе. Для отысканія бѣглыхъ былъ отправленъ полковникъ князь Юрій Долгорукій; онъ отыскалъ бѣглыхъ тысячи три и приготовлялся уже ихъ отправить, какъ вдругъ стала ходить между казаками грамата, чтобы не выдавать бѣглыхъ; собралась для этого огромная шайка голутвенныхъ и начальство надъ ними принялъ на себя бахмутскій старшина, Кондратій Булавинъ. Напавъ ночью неожиданно на отрядъ Долгорукаго, онъ совершенно его истребилъ, причемъ былъ убитъ и самъ князь. Послѣ этого, силы Булавина быстро стали возрастать; со всѣхъ сторонъ стекались къ нему голутвенные; съ этой неистовой толпой онъ разбилъ царское войско, овладѣлъ Черкаскомъ и, провозгласивъ себя атаманомъ, повѣсилъ настоящаго атамана и всѣхъ старшинъ. Товарищи его, Некрасовъ и Хохличъ, дѣйствовали по Волгѣ и волненіе доходило уже до Тамбова. Дѣло начинало принимать видъ Разинскаго бунта; но торжество мятежниковъ было непродолжительно: быстро шелъ, для усмиренія ихъ, князь Василій Долгорукій, братъ убитаго. Черкаскъ сдался, а Булавинъ, чтобы избѣгнуть казни, застрѣлился; товарищи его разбѣжались: Некрасовъ ушелъ на Кубань съ двумя тысячами казаковъ и поддался крымскому хану. Въ ноябрѣ 1708 года все было кончено. Долгорукій истребилъ до основанія возмутившіяся станицы. Наипущихъ воровъ, человѣкъ десять взялъ съ собою; атамана, Ваську Тельнаго, четвертовалъ, а другихъ съ десятка по одному вѣшали и «оныхъ всѣхъ, на плотахъ висящихъ, плыть по рѣкамъ пускали, чѣмъ преужасный страхъ всему Дону наведенъ и тѣмъ наипаче усмирены».

При этихъ внутреннихъ смутахъ и множествѣ другихъ дѣлъ, Петръ долженъ былъ выдерживать тяжелую борьбу съ сильнымъ и искуснымъ врагомъ. Разбивъ отрядъ русскаго войска при Головчинѣ, Карлъ занялъ Могилевъ, гдѣ долженъ былъ соединиться съ нимъ шедшій съ большими запасами изъ Финляндіи генералъ Левенгауптъ; но, по недостатку въ продовольствіи, Карлъ, не дождавшись Левенгаупта, двинулся на Мстиславль черезъ лѣса, болота и по совершенно опустошенному краю. При этомъ переходѣ онъ потерялъ часть войска, нагнанную и разбитую Голицынымъ. Вопреки общему совѣту своихъ генераловъ возвратиться въ Могилевъ, Карлъ упрямо шелъ къ Украйнѣ, конечно, имѣя въ виду помощь казаковъ, какъ это впослѣдствіи и выяснилось. Но Петръ очень счастливо воспользовался опрометчивостью своего противника; онъ, какъ орелъ, налетѣлъ на Левенгаупта и 28 сентября на рѣкѣ Сожѣ, при деревнѣ Лѣсной, разбилъ его въ-пухъ. Шведы потеряли 10-ть тысячъ человѣкъ, всю-артиллерію и всѣ запасы, которые такъ нужны были Карлу. «Сія побѣда, писалъ Петръ, можетъ у насъ назваться первая, понеже надъ регулярнымъ войскомъ такой не было, къ тому жъ меньшимъ числомъ будучи предъ непріятелемъ». И дѣйствительно, русскихъ было 14-ть тысячъ, а шведовъ болѣе 16. Послѣ этого Карлъ еще быстрѣе пошелъ въ Малороссію, страну нераззоренную и потому представлявшую большое удобство къ продовольствію войска. Въ Малороссіи въ это время

былъ гетманомъ Мазепа, выходецъ изъ Польши. Это былъ старикъ умный но безпредѣльно самолюбивый и лукавый, умѣвшій очень хитро красной рѣчью прикрывать свои темныя мысли. Болѣе 20-ти лѣтъ онъ постоянно выказывалъ себя самымъ ревностнымъ подданнымъ Петра, участвовалъ въ походахъ, отличался храбростью, ни въ чемъ не противорѣчилъ царю и покорно соглашался на всѣ нововведенія между казаками, за что и былъ осыпанъ почестями и несметными богатствами. Но никакія царскія милости не могли удовлетворить его властолюбивой души. Онъ помышлялъ сдѣлаться независимымъ правителемъ, королемъ Малороссіи, и считалъ для этого самымъ благопріятнымъ случаемъ вступленіе Карла въ Украйну, будучи вполнѣ увѣренъ, что Петру не справиться съ бравыми шведами. Несмотря однакожъ на хитрость и замкнутость Мазепы, коварные его замыслы не остались тайною для нѣкоторыхъ изъ казаковъ. Сперва генеральный судья, Кочубей, послалъ въ Москву монаха съ доносомъ, что Мазепа хочетъ передаться ляхамъ; но какъ доносъ не представлялъ ясныхъ уликъ, поэтому Петръ не обратилъ на него вниманія, зная притомъ, что Кочубей имѣетъ личную вражду противъ Мазепы. Доносъ, однако же, былъ снова повторенъ и въ этотъ разъ уже не однимъ Кочубеемъ, а вмѣстѣ съ нимъ и бывшимъ полтавскимъ полковникомъ, Искрой; но все-таки не было представлено вѣрныхъ доказательствъ въ измѣнѣ Мазепы, а потому хитрому гетману, къ которому царь имѣлъ большое довѣріе, нетрудно было оправдаться, особенно не жалѣя подарковъ совѣтникамъ царскимъ, на что онъ имѣлъ огромныя средства. У Петра явилась даже мысль, что не Мазепа, а Кочубей съ товарищами затѣваютъ смуту въ Малороссіи и для того хотятъ свергнуть вѣрнаго ему гетмана. Кончилось тѣмъ, что, послѣ страшной сушытки, вѣрные люди были казнены, а измѣнникъ торжествовалъ. Выхитрился изъ бѣды и въ этотъ разъ старый крамольникъ; но положеніе его, однакожъ, становилось часъ отъ часу затруднительнѣе. Обѣщая помощь Карлу, онъ не смѣлъ открыть своихъ замысловъ казакамъ, зная, что хотя они и недовольны Петромъ за то, что онъ ихъ стѣснилъ во многомъ, но все-таки не промѣняютъ православнаго царя на еретика, который снова можетъ передать ихъ ненавистнымъ полякамъ. Поэтому нужно было еще хитрить и онъ, чтобы не идти самому съ войскомъ противъ Карла, притворялся опасно больнымъ; но какъ только Карлъ вступилъ въ Малороссію, то, не опасаясь болѣе Петра, тотчасъ выздоровѣлъ и двинулся съ небольшимъ отрядомъ вѣрныхъ ему людей, которымъ, однакожъ, только переправившись черезъ Двину, объявилъ, что идетъ на помощь къ Карлу и 29 октября соединился съ нимъ. Извѣстіе объ измѣнѣ Мазепы сильно огорчило царя; онъ тотчасъ же двинулъ Меншикова къ Батурину и издалъ манифестъ, извѣщавшій народъ, что Мазепа измѣнилъ, заключилъ договоръ съ Карломъ и Станисловомъ Лещинскимъ, чтобы передать Малороссію въ рабство полякамъ, а церкви Божіи и святые монастыри — въ унію. Дѣятелный Данилычъ не замедлилъ взять приступомъ гетманскую столицу и сильно ее разорилъ. Въ Глуховѣ 6 ноября казацкой радою былъ избранъ въ гетманы Скоропадскій. Мазепа же одновременно малороссійскимъ и великороссійскимъ духовенствомъ былъ преданъ проклятію и чучело его было повѣшено палачомъ. Новый гетманъ въ своемъ универсалѣ, приказѣ, между прочимъ, говорилъ: «чего можно ожидать намъ, православнымъ христіанамъ, отъ шведскаго короля, чужеземца-иновѣрца? Можетъ ли онъ защитить насъ, хоть бы и хотѣлъ, изъ своей далекой страны, изъ-за Балтійскаго моря? Можетъ ли онъ быть заступникомъ нашихъ церквей, будучи самъ ихъ противникомъ?» Такое здравое обращеніе къ народу и быстрыя распоряженія царя благотворно подѣйствовали на народъ малороссійскій, и шведы, вмѣсто ожидаемой помощи, встрѣтили въ Малороссіи народную войну: крестьяне скрывали отъ враговъ съѣстные припасы, угоняли у нихъ лошадей, а при случаѣ разбивали небольшіе отряды. Казаки, отведенные къ Карлу обманомъ, оставили Мазепу и возвратились на службу къ царю. Смекнулъ и Мазепа, что — не смѣрявши броду, сунулся въ воду. Хотѣлъ было и онъ возвратиться къ царю, готовъ былъ и царь забыть все; но не рѣшился измѣнникъ и остался при шведѣ, надѣясь можетъ быть, еще на помощь запорожцевъ, которые были за него. Примѣръ запорожцевъ могъ быть заразителенъ, потому что простонародіе, и особенно жившіе поюжнѣе, всегда выказывали большое расположеніе къ запорожцамъ, да сюда же двигались и шведы; поэтому предписано было Меншикову быстро двинуться къ Запорожью и истребить это измѣнническое гнѣздо. Данилычъ не замедлилъ исполнить порученіе царя;

сѣчь была взята приступомъ и окончательно истреблена. На Украйнѣ стало тихо; о полякахъ, приверженцахъ Лещинскаго, ничего не было слышно; татары и турки не двигались; всѣ казалось, затая дыханіе съ нетерпѣніемъ и страхомъ ожидали — чѣмъ кончится кровавая борьба двухъ великихъ бойцовъ. Въ началѣ мая шведы уже обложили Полтаву и нѣсколько разъ отчаянно приступали къ городу; но постоянно были отражены и отступали съ большимъ урономъ. Меншиковъ уже распоряжался подъ Полтавой, а Петръ былъ еще въ Азовѣ; но въ началѣ іюня и онъ прибылъ къ своему войску и уже съ твердымъ намѣреніемъ не отступать, а доказать своимъ нарвскимъ побѣдителямъ, что русскіе, благодаря имъ, выучились драться. Впрочемъ, Петръ могъ быть увѣренъ въ побѣдѣ, потому что у Карла не было уже и половины того блистательнаго войска, съ какимъ онъ перешелъ Вислу въ 1707 году, да и остальная часть войска, страшно утомленная, думала только о томъ, какъ бы заключить миръ и возвратиться на родину. Карлу совѣтовали возвратиться въ Польшу, чтобы соединиться съ войскомъ Лещинскаго и оставшимся тамъ отрядомъ шведовъ; но онъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ, твердо рѣшившись взять Полтаву и, укрѣпившись тутъ, ожидать помощи изъ Польши. Съ обѣихъ сторонъ неусыпно готовились къ отчаянному бою; распоряжались всѣмъ сами цари, оба одинаково отважные. Іюня 25 Карлъ XII, осматривая русскій лагерь, наткнулся на казацкую партію, собственноручно застрѣлилъ одного казака, но за то и самъ былъ раненъ въ ногу. Іюня 26 Петръ осматривалъ свое войско: всѣ были веселы, бодры, всѣ просились въ бой и умоляли не оставлять ихъ въ укрѣпленіяхъ, ограждавшихъ русскіе лагери. Наконецъ, 27 іюня, загремѣлъ грозный полтавскій бой. Дѣло начали шведы: передъ разсвѣтомъ они неожиданно бросились на русскую конницу съ страшной «фуріею» (бѣшенствомъ) и овладѣли двумя редутами; но за то шесть батальоновъ непріятельской пѣхоты и нѣсколько эскадроновъ конницы были отрѣзаны отъ главной арміи и принуждены были укрыться въ лѣсъ, гдѣ ихъ атаковалъ Меншиковъ и крѣпко побилъ. Шведскіе генералы сдались въ плѣнъ. Но это были еще только приступы къ настоящему бою; *генеральная баталія* началась въ 8-мъ часу утра и тутъ ужъ никто не думалъ о жизни. Петръ распоряжался въ самомъ огнѣ; шляпа и сѣдло его были нѣсколько разъ прострѣлены; Карла съ больной ногой возили межъ рядами солдатъ въ коляскѣ, которую вдругъ разорвало пушечнымъ ядромъ; онъ упалъ на землю и бывшіе вблизи солдаты вскрикнули: «король убитъ!» Эти роковыя слова быстро распространили ужасъ по всѣмъ шведскимъ полкамъ и безъ того уже колебавшимся. Онъ приказалъ себя поднять и посадить на перекрещенныя пики; но увидя общее смятеніе, напрасно кричалъ онъ въ отчаяніи: «шведы! шведы!» Шведы бѣжали, не слыша призыва своего короля. По словамъ Петра: «хотя и зѣло жестоко въ огнѣ оба войска бились, однакожъ то все долѣе двухъ часовъ не продолжалось, ибо непобѣдимые господа шведы скоро хребетъ показали». Побѣда была торжественная. Король съ Мазепою едва успѣли ускакать, оставивъ все свое войско на произволъ судьбы. Усталые побѣдители отслушали благодарственный молебенъ, а послѣ этого царь, генералы и офицеры отправились обѣдать, для чего былъ приготовленъ общій столъ среди лагеря; къ обѣду были приглашены и плѣнные шведскіе генералы, которымъ были возвращены шпаги, а фельдмаршалу шведскому, *Реншельду*, Петръ подарилъ собственную шпагу въ знакъ особеннаго къ нему уваженія. Побѣжденные усѣлись рядомъ съ побѣдителями отвѣдать ихъ хлѣба-соли. Въ концѣ обѣда, при громѣ пушекъ, царь, поднявъ кубокъ, провозгласилъ: «пью за здоровье моихъ учителей въ военномъ искусствѣ!» Кого же вы называете учителями? спросилъ Реншельдъ. «Васъ, господа шведы, отвѣчалъ царь, вы насъ выучили драться» — «И побѣждать!» замѣтилъ грустно фельдмаршалъ.

Картина 15.

ПРИНЯТІЕ ИМПЕРАТОРСКАГО ТИТУЛА.



Торжествомъ Полтавской побѣды такъ всѣ были упоены, начиная съ царя до солдата, что никто и не подумалъ преслѣдовать разбитаго непріятеля, а о подстрѣленномъ шведскомъ героѣ совсѣмъ забыли. Только вечеромъ были посланы въ погоню князь Голицынъ и Боуръ, вслѣдъ за которыми отправился на другой день и Меншиковъ. Въ первую же ночь, послѣ счастливаго боя, Петръ писалъ своимъ: «Доносимъ вамъ о зѣло превеликой и нечаемой викторіи (побѣдѣ): вся непріятельская армія фаэтоновъ конецъ воспріяла, а о королѣ еще не можемъ вѣдать: съ нами ль или съ отцы нашими обрѣтается. Нынѣ уже совершенно камень во основаніе С.-Петербурга положенъ съ помощію Божію». Ошеломленные шведы бѣжали безъ оглядки, въ совершенномъ разстройствѣ, пользуясь тѣмъ, что ихъ не преслѣдуютъ; почти передъ разсвѣтомъ, они добѣжали до Новосенжарова; здѣсь истомленнаго Карла внесли въ домъ, перевязали ему рану и онъ крѣпко заснулъ, но только очень не на долго. Съ разсвѣтомъ дня показались русскіе и нужно было бѣжать, спасаться. Бросивъ всѣ тяжести, сжегши даже повозки, лошадей изъ подъ которыхъ отдали пѣхотинцамъ, шведы торопливо двинулись впередъ и въ полдень, 30 іюля, пришли къ Днѣпру, въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ прежде былъ небольшой городокъ Переволочна; но на мѣстѣ его шведы нашли только кучи развалинъ и въ опустошенныхъ окрестностяхъ не было ни одного человѣка. Оказалось, что переправиться не на чемъ, а защищаться не чѣмъ — безъ артилеріи и пороха. Шведскіе генералы уговаривали Карла, чтобы онъ, оставивъ войско, самъ только какъ нибудь переправился за Днѣпръ. На этотъ разъ онъ не упрямился, согласился. Нашли какія-то двѣ лодченки, установили на нихъ повозку и такимъ образомъ гордый шведъ переправился за Днѣпръ, взявъ съ собою только деньги, собранныя имъ въ Саксоніи. Нашлась также лодченка и для Мазепы, успѣвшаго захватить съ собою два боченка съ золотомъ. Успѣли переправиться еще немногіе, назначенные сопровождать короля; но все остальное шведское войско, покинутое королемъ, осталось на лѣвомъ берегу Днѣпра подъ начальствомъ Левенгаупта. Не имѣя никакихъ средствъ къ сопротивленію, онъ долженъ былъ безпрекословно принять предложенье Меншикова, а именно: сдаться военнопленными, съ выдачею оружія и военныхъ запасовъ; но съ сохраненіемъ платья и частнаго имущества. Сдались: штабъ-офицеровъ 59, оберъ-офицеровъ 1,102, нижнихъ чиновъ и рядовыхъ 16,947. Послѣ этого тотчасъ же были объявлены царскія милости: Меншиковъ, бывшій при началѣ войны поручикомъ, объявленъ вторымъ фельдмаршаломъ; всѣ прочіе были щедро вознаграждены чинами, кавалеріями (орденами), деревнями. Не остались непризнательными и сподвижники своего великаго во всемъ указателя, руководителя; всѣ министры, генералитетъ, офицеры и солдаты единодушно просили царя, чтобы онъ соизволилъ принять чинъ, въ сухопутныхъ войскахъ — генерала, а на морѣ — вице-адмирала, на что онъ и согласился при громкомъ и общемъ ура! Съ невыразимымъ восторгомъ Москва приняла вѣсть о дивной побѣдѣ и попировала на славу. Угощали и царевичъ



ПРИНЯТІЕ ИМПЕРАТОРСКАГО ТИТУЛА. (№ 15).

Алексѣй Петровичъ и царевна Наталья Алексѣевна и знаменитѣйшіе вельможи; на улицахъ передъ домами накрывали столы, выкатывали бочки съ виномъ, медомъ и пивомъ; вмѣстѣ съ русскими пировали и плѣнные шведы. Пушечная стрѣльба и колокольный звонъ продолжались восемь дней сряду и во всѣ эти дни позволено было звонить и женщинамъ и дѣвицамъ, что обыкновенно дозволялось только на свѣтлой недѣлѣ. Не смотря однакожъ на все это торжество и громадность побѣды, нельзя было еще и думать, что война съ Карломъ кончена. Онъ успѣлъ уйти въ турецкія владѣнія, шесть дней мчался въ татарской арбѣ по заднѣпровскимъ степямъ, спасаясь отъ преслѣдованія и наконецъ укрылся въ Очаковѣ, а оттуда потомъ переѣхалъ въ Бендеры вмѣстѣ съ спутникомъ своимъ, Мазепою. Старикъ однакожъ не долго жилъ, онъ не въ силахъ былъ перенести своей тяжелой доли, умеръ; но передъ смертью сжегъ всѣ свои бумаги, чтобы не выдать имена участвовавшихъ въ его зломъ замыслѣ. Петръ спѣшилъ воспользоваться и отсутствіемъ Карла и вліяніемъ побѣды на европейскіе дворы: откуда прежде слышались только холодные отказы, теперь приходили самыя льстивыя поздравленія; одни искали дружбы, другіе даже союза. Чтобы окончить дѣло Карла въ Польшѣ и утвердиться въ Эстоніи и Ливоніи, Шереметеву указано было идти со всей пѣхотой и частью конницы къ Ригѣ, а Меншикову съ большею частью конницы — въ Польшу, противъ Лещинскаго и оставшагося тамъ шведскаго генерала Крассова. То и другое войско, каждое своимъ путемъ, выступило 15 іюля, а государь отправился къ Кіеву, гдѣ довольно долго былъ задержанъ лихорадкою; но въ половинѣ августа прибылъ въ Польшу, откуда шведскій генералъ уже вышелъ въ Померанію, а за нимъ отправился и Лещинскій со всѣмъ своимъ семействомъ. Оставаться въ Польшѣ Лещинскій не могъ, потому что польскіе вельможи, узнавъ, что съ одной стороны идетъ Меншиковъ съ войскомъ, а съ другой — король Августъ съ 14 тысячнымъ отрядомъ; тотчасъ же помирились съ своимъ прежнимъ королемъ. Въ Торнѣ Петръ видѣлся съ Августомъ, гдѣ они имѣли между собою поздравленіе и любительные разговоры. «Все прошлое было предано совершенному забвенію и снова былъ заключенъ союзъ не съ тою цѣлью, чтобы окончательно разорить Швецію, а только привести ее въ такое положеніе, чтобы она не могла угнетать сосѣдей. Заключенъ былъ также союзъ съ Даніей и Пруссіей. Послѣ свиданія съ прусскимъ королемъ, Петръ отправился къ Ригѣ, гдѣ сдѣлалъ такое распоряженіе: Шереметеву приказано было отвести войска на зимнія квартиры въ Курляндію, а для блокады Риги оставленъ былъ семитысячный корпусъ князя Репнина. Отсюда Петръ отправился въ Петербургъ, гдѣ въ память великой Полтавской баталіи (битвы) заложилъ церковь св. Сампсонія и по нынѣ существующую. Министрамъ, генераламъ и всему знатному дворянству приказалъ строить каменные дома, желая какъ можно скорѣе, хотя бы и насильственными мѣрами, превратить свой парадизъ въ настоящій столичный городъ. Декабря 12 Петръ пріѣхалъ въ село Коломенское, куда на другой день пришли гвардейскіе полки, бывшіе подъ Полтавой, сюда же изъ всѣхъ ближнихъ городовъ свозили шведскихъ плѣнныхъ, которые были распредѣлены по полкамъ, также какъ и взятые у непріятеля знамена и пушки. Наконецъ, когда все было устроено, 21 декабря, при радостныхъ крикахъ народа, колокольномъ звонѣ и пушечной пальбѣ, войска торжественно вступили въ семь тріумфальныхъ воротъ, изукрашенныхъ золотомъ, подписями и эмблемматическими картинами. Вотъ описаніе современника одной изъ такихъ картинъ, выставленной на воротахъ, построенныхъ купцами: «Въ сей картинѣ вмѣсто Фебуса, его же баснотворцы огненными конями возимаго именуютъ быти солнцемъ, поставися пресвѣтлѣйшаго монарха нашего персона подъ зодіатическими знаки рака и льва (яже мѣсяцы іюнь и іюль знаменуются), яко егда ракъ мѣсяца іюня въ зодіачное знаменіе прiиде, тогда несмысленною дерзостью пришедъ въ чужое отечество левъ шведскій, съ великимъ безчестіемъ всю потерявши силу свою, ракомъ бывъ, вспять едва выползѣ». Кончилось торжество и Петръ тотчасъ-же принялся за устройство внутреннихъ гражданскихъ дѣлъ, отъ чего отвлекала его война. Въ Москвѣ онъ пробылъ почти до конца февраля; весною снова главная его дѣятельность сосредоточилась на сѣверѣ. Еще зимою, по льду, русскіе войска пришли къ Финскому заливу и обложили Выборгъ, а чуть только взломало ледъ, самъ Петръ повелъ туда свой флотъ: все было уже готово къ приступу, но 11 іюня городъ сдался. Іюля 4 сдалась Рига, которую бомбардировали всю зиму; въ теченіи этого времени погибло

жителей и гарнизона отъ голода и болѣзней около 20 тысячъ. Августа 14 сдался Пернау, сентября 29 Ревель, сентября 8 Кексгольмъ; однимъ словомъ 1710 годъ былъ очень благопріятенъ для Петра: побѣда шла за побѣдой, да и въ семейномъ отношеніи все шло хорошо. Царевна Анна Ивановна вышла замужъ за герцога курляндскаго, царевичъ Алексѣй Петровичъ вступилъ въ бракъ съ иноземною принцессою, а самъ царь объявилъ своею второю супругою Екатерину Алексѣевну, съ которой онъ былъ перевѣнчанъ тайно гораздо прежде, еще въ 1707 году. Эта новая царица была не русская боярская дочь и не изъ важной какой нибудь иноземной фамиліи, а бѣдная сирота, воспитанница лифляндскаго пастора Глюка, взятая вмѣстѣ съ нимъ въ плѣнъ Шереметевымъ въ Маріенбургѣ въ 1703 году; отъ Шереметева она перешла въ домъ Меншикова; здѣсь ее увидѣлъ Петръ и веселый ея характеръ такъ понравился ему, что онъ рѣшился на ней жениться, для чего она приняла православную вѣру. Воспреемникомъ ея былъ царевичъ Алексѣй, потому она и называлась Алексѣевной. Все шло хорошо, но въ то время, какъ Петръ закрѣплялъ свои владѣнія на Балтійскомъ морѣ, вдругъ стали приходить съ юга тревожныя вѣсти. Еще до Полтавской битвы татары думали помочь шведамъ и писали объ этомъ султану; Порта однакожъ тогда не рѣшалась на разрывъ съ Россіею. Послѣ побѣды русскихъ очаковскій паша принялъ съ почетомъ и шведскаго короля и Мазепу. Хотя Порта и выказывала, что она очень опечалена поступкомъ паши; но на требованія нашего посла, Толстаго, — выдать и короля и Мазепу, — отвѣтомъ медлила; причиною этому были происки Карла, который употреблялъ всѣ средства чтобы вовлечь Турцію въ войну съ Россіею и наконецъ съ помощью французскаго посла успѣлъ въ этомъ. Посолъ нашъ былъ заключенъ въ семибашенный замокъ и сильное турецкое войско придвинулось къ русскимъ границамъ. Это было очень печальною вѣстью для Петра, имѣвшаго одно только въ виду, чтобы какъ можно скорѣе окончить разорительную сѣверную войну выгоднымъ миромъ. Для этого онъ не давалъ отдыху ни себѣ, ни войску, ни народу своему. Конецъ труднаго дѣла былъ уже передъ глазами, какъ вдругъ нужно было прервать тутъ дѣйствія на неопредѣленное время и начинать совершенно безплодную войну, но тоже не менѣе трудную, потому что опять приходилось дѣйствовать собственно одному. Въ Польшѣ дѣла шли по прежнему: «какъ молодая брага;» на Малоросію также нельзя было вполнѣ положиться, а Данія слишкомъ была не надежна, чтобы сдерживать на сѣверѣ шведовъ, примириться съ которыми склоняли ее англичане и голландцы. Медлить однакожъ было нельзя и въ головѣ Петра составился блистательный планъ; онъ рѣшился проникнуть въ самое сердце турецкихъ владѣній, при чемъ обѣщали ему свое содѣйствіе единовѣрцы, страдавшіе подъ игомъ мусульманъ: молдаване, валахи, сербы, черногорцы. Въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи царя, объявлено было народу о войнѣ противъ враговъ Христа; на красныхъ знаменахъ гвардейскихъ полковъ, готовыхъ выступить въ походъ, виднѣлся крестъ съ надписью: *«симъ знаменіемъ побѣдиши»*. Марта 6, Петръ вмѣстѣ съ своею супругою выѣхалъ изъ Москвы къ польскимъ границамъ; но въ Луцкѣ были задержанъ сильными припадками болѣзни, что еще болѣе разстроивало его душу; наконецъ въ Яворовѣ онъ нѣсколько повеселѣлъ, получивъ извѣстіе, что татары, вторгшіеся было въ Украйну, прогнаны съ большимъ для нихъ урономъ и что заднѣпровская Украйна усмирена. Въ Ярославлѣ Петръ свидѣлся съ королемъ Августомъ, который обѣщалъ выставить 30 тысячъ вспомогательнаго войска; но Петръ не столько надѣялся на поляковъ, сколько на помощь единовѣрцовъ въ самыхъ турецкихъ владѣніяхъ и преимущественно на сильнѣйшихъ: валахскаго господаря Бранкована и молдавскаго Дмитрія Кантемира, обѣщавшаго приготовить запасы для русскаго войска. Царь безпрерывно получалъ изъ разныхъ мѣстъ письма отъ турецкихъ христіанъ, которые просили о немедленномъ вступленіи къ нимъ русскихъ войскъ, чтобы предупредить турокъ. Обольщенный этими письмами, Петръ предписалъ Шереметеву, чтобы войска сходились у Днѣстра и были тамъ непремѣнно къ 15 мая. Отсюда фельдмаршалъ долженъ былъ немедленно вступить въ Молдавію, гдѣ, какъ полагалъ царь, уже все устроено Кантемиромъ. Въ турецкихъ владѣніяхъ нашему войску предстояло испытать то, что Карлъ встрѣтилъ въ нашей Малороссіи и Кантемиръ игралъ именно туже роль какъ и Мазепа. Онъ тоже хитрилъ: переговаривая съ Петромъ, продолжалъ выказывать себя вѣрнымъ султану и тогда только открыто передался русскимъ, когда Шереметевъ перешелъ Днѣстръ. Петръ, 4 іюня,

писалъ фельдмаршалу: «Поздравляю васъ съ счастливымъ переходомъ и начатіемъ соединенія съ христіаны утѣсненными, которыхъ вскорѣ желаю видѣть». Потомъ 6 іюня писалъ: «Будемъ къ вамъ, какъ можно поспѣшать, а вы извольте чинить все по крайней возможности, чтобы къ Дунаю прежде турокъ поспѣть». Іюня 8 Петръ былъ въ Браславлѣ, откуда еще весело писалъ онъ Апраксину, надѣясь, что планъ его исполнится; но вдругъ получилъ увѣдомленіе отъ Шереметева, что онъ не могъ предупредить турокъ, которые уже перешли Дунай, а при этомъ онъ извѣщалъ также, что въ продовольствіи большая нужда, потому что магазиновъ, которые приказывалъ царь построить, совсѣмъ нѣтъ. Іюня 12 Петръ стоялъ уже съ войсками на Днѣстрѣ и писалъ Шереметеву: «О замедленіи вашемъ зѣло дивлюся и еслибъ по указу чинили, то конечно прежде турокъ къ Дунаю были; сей моментъ пришли мы съ полками къ Днѣстру и извольте намъ дать знать подлинно: когда до васъ дойдемъ, будетъ-ли что солдатамъ ѣсть, а у насъ кромѣ пороху до васъ ничего провіанта, ни скота нѣтъ». Шереметевъ оправдывался тѣмъ, что указаннымъ путемъ не могъ итти по недостатку хлѣба; но надѣется добыть разнаго продовольствія для 30-тысячной арміи на мѣсяцъ. Трудность положенія дѣлалась ясною и Петръ на берегахъ Днѣстра собралъ военный совѣтъ; нѣкоторые были того мнѣнія, чтобы остаться на Днѣстрѣ, считая переходъ къ Яссамъ слишкомъ рискованнымъ въ знойное время по безплодней и безводной степи, не имѣя при этомъ даже нужнаго количества съѣстныхъ припасовъ; но большинство считало необходимымъ продолжать походъ, утверждая, что только этимъ движеніемъ можно достигнуть цѣли похода и поддержать честь русскаго войска. Петръ, надѣясь, что при появленіи его тотчасъ поднимется все христіанское народонаселеніе и окружитъ султанское войско, одобрилъ мнѣніе большинства; однакожъ не рѣшился итти впередъ, не обезпечивъ войска продовольствіемъ. Петръ двинулся именно тогда только, когда получилъ благопріятныя извѣстія отъ Шереметева, которому предписалъ остановиться, избравъ удобное мѣсто у Прута, куда ночью на 24 іюня и самъ пришелъ съ главнымъ войскомъ. На другой день онъ вмѣстѣ съ своей супругой отправился въ Яссы; здѣсь ихъ очень почтительно встрѣтилъ Кантемиръ съ своимъ семействомъ; онъ показался Петру «человѣкомъ зѣло разумнымъ и въ совѣтахъ способнымъ». Тутъ же представился Петру прибывшій изъ Валахіи Контакузинъ; великій спафарій Валахіи объявилъ, что онъ и весь народъ въ ихъ землѣ вѣренъ царю и съ нетерпѣніемъ всѣ ожидаютъ вступленія къ нимъ русскаго войска; но что самъ господарь Валахіи, Бранкованъ, держится еще стороны турокъ, боясь лишиться всего своего богатаго имущества. Вмѣстѣ съ царемъ Кантемиръ и Контакузинъ отправились къ войску на Прутъ и 29 іюня была торжественно отпразднована годовщина Полтавская; но и при этомъ торжествѣ и царь и всѣ прочіе были очень озабочены положеніемъ войска. На другой день былъ военный совѣтъ, при чемъ главнымъ вопросомъ было — какъ помочь недостатку въ провіантѣ? Молдавія въ этотъ годъ была совершенно опустошена саранчей; поэтому рѣшено было переправиться за Прутъ и пройти лѣсами къ рѣкѣ Серету, за которой, по общему увѣренію, находилось много съѣстныхъ припасовъ, заготовленныхъ турками. Чтобы захватить эти запасы и принудить Бранкована открыто стать на сторону русскихъ, конница была послана подъ начальствомъ Рѣнне; ему указано было итти къ Браилову, захватить запасы и возвратиться къ Галацу, куда направлялось все остальное войско. Но 7 іюля, генералъ Янусъ, шедшій съ небольшимъ отрядомъ впереди войска, далъ знать, что турки уже у Прута и переправляются черезъ рѣку. Янусу тотчасъ было приказано отступать назадъ и въ тоже время посланъ былъ указъ Рѣнне, чтобы онъ немедленно возвратился, захвативъ припасовъ сколько можно будетъ. Почти по пятамъ нашего авангарда явился непріятель и хотя былъ встрѣченъ сильнымъ огнемъ, но продолжалъ нападать до самаго вечера, а ночью сталъ на горѣ. Положеніе русскаго войска было отчаянное: въ провіантѣ сильный недостатокъ, конницы нѣтъ, отъ рѣки отрѣзаны и окружены непріятелемъ въ значительно превосходномъ числѣ. Турецкаго войско было около 120 тысячъ, да татаръ до 70 тысячъ, а русскихъ съ небольшимъ 38 тысячъ. Въ общемъ военномъ совѣтѣ, собранномъ ночью, рѣшено было отступать и рано утромъ наши двинулись назадъ вверхъ по Пруту; непріятельская конница неотступно преслѣдовала, но успѣха не имѣла. Послѣ полудня, 9 іюля, наши дошли до мѣстечка *Новое Станелище*, расположили обозъ къ рѣкѣ и войско стало около него въ линію. Къ

вечеру явилась непріятельская пѣхота, артиллерія и конница; тотчасъ же начали дѣло; наступали на нашихъ *прежестоко;* но прорвать линіи не могли и прекратили бой съ большимъ для себя урономъ. — Такая неудача сильно обезкуражила мусульманъ. Янычары, такое же войско, какъ бывшіе наши стрѣльцы, потерявъ изъ своихъ болѣе 7 тысячъ человѣкъ, такъ были напуганы русскими, что 10 числа рѣшительно отказались итти въ дѣло и требовали, чтобы визирь поскорѣе заключилъ миръ, какъ приказано ему султаномъ. Боясь возмущенія янычаръ и узнавъ при этомъ, что нашъ генералъ Рённе занялъ Браиловъ и идетъ разрушать мостъ на Дунаѣ, визирь не прочь былъ вступить въ мирные переговоры, о чемъ наши узнали отъ взятыхъ въ плѣнъ турокъ. Это подавало нѣкоторую надежду русскимъ, что можно еще мирнымъ путемъ выйти изъ ихъ ужаснаго положенія? а на сколько это положеніе было ужасно, можно видѣть изъ письма Петра къ сенату, которое хотя и не дошло до насъ въ подлинникѣ, какъ и многія другія его письма; но безъ всякаго сомнѣнія было имъ самимъ написано. Въ письмѣ этомъ между прочимъ сказано Петромъ: «Если случится, что я впаду въ турецкій плѣнъ, то вы не должны почитать меня своимъ царемъ и государемъ и ничего не исполнять, что мною, хотя бы то по собственному повелѣнію отъ васъ, было требуемо, покамѣсть я самъ не явлюся между вами въ лицѣ моемъ; но если я погибну и вы вѣрныя извѣстія получите о моей смерти, то выберите между собою достойнѣйшаго мнѣ въ наслѣдники». Это письмо ясно указываетъ, что для Петра было важнѣе всего его дѣло, дѣло преобразованія Россіи; при родномъ сынѣ, онъ приказываетъ сенаторамъ избрать изъ себя наслѣдникомъ ему *достойнѣйшаго;* онъ заботится не о томъ, чтобы родъ его (династія) удержался на русскомъ престолѣ; но чтобы удержалось дѣло его, дѣло народнаго преобразованія, чтобы его не затоптала старая, враждебная ему партія, къ которой, понесчастію, принадлежалъ и царевичъ. Сношенія съ визиремъ началъ письмомъ Шереметевъ; потомъ для договора о мирѣ былъ отправленъ въ турецкій станъ Шафировъ; договоръ былъ скрѣпленъ и подписанъ 12 іюля и Шафировъ далъ знать Петру, что русское войско можетъ свободно выступать изъ лагеря. Такой совершенно неожиданный поворотъ дѣла привелъ все войско въ невыразимый восторгъ; радовался, конечно, и самъ царь за своихъ молодцевъ, съ которыми онъ уже столько одержалъ побѣдъ; но все таки невыразимо тяжело было для него, что послѣ славной Полтавской побѣды, приходилось заключить миръ, можно сказать, на унизительныхъ условіяхъ. Именно: 1) отдать туркамъ Азовъ; новопостроенные города Таганрогъ, Новобогородицкій и Каменный Затонъ раззорить и пушки изъ послѣдняго отдать туркамъ; 2) въ польскія дѣла царю не мѣшаться, казаковъ не обезпокоивать и не вступаться въ нихъ; 3) шведскому королю дать свободный проходъ въ его владѣнія и т. д. Не менѣе тяжело для Петра было и то, что онъ нетолько не исполнилъ надеждъ единовѣрцевъ; но своей неудачной попыткой еще усилилъ ихъ угнетеніе. При такомъ горькомъ состояніи души, одна только мысль могла сколько нибудь успокоивать Петра, именно та мысль, что и такой миръ всетаки даетъ ему возможность свободно дѣйствовать на сѣверѣ и закончить такъ счастливо начатое имъ завоеваніе Прибалтійскаго края. Эта мысль выражается въ письмѣ его: «Хотя это дѣло и не безъ печали, писалъ онъ, что лишиться тѣхъ мѣстъ, гдѣ столько труда и убытковъ положено, однакожъ чаю симъ лишеніемъ другой сторонѣ великое укрѣпленіе, которая несравнительною прибылью намъ есть». Оставивъ Шафирова въ Турціи, для окончательнаго утвержденія мира, Петръ, 14 іюля, вывелъ свое войско изъ несчастнаго Прутскаго лагеря, бывшаго страшной западней, и быстро пошелъ къ Днѣстру. Теперь главная его забота состояла исключительно въ томъ, чтобъ «симъ лишеніемъ было другой сторонѣ великое укрѣпленіе»; а поэтому, боясь, чтобы Карлъ снова не поднялъ Турцію на Россію и опять не отвлекъ его *отъ великаго укрѣпленія,* онъ писалъ Апраксину, чтобы онъ не отдавалъ Азова туркамъ, пока не получитъ увѣдомленія отъ Шафирова, что султанъ подтвердилъ Прутскій договоръ и шведскій король высланъ изъ турецкихъ владѣній. Опасенія Петра были совершенно вѣрны; Карлъ XII не отправлялся изъ Турціи и употреблялъ всѣ средства къ тому, чтобы Турки возобновили войну; въ этомъ ему старательно содѣйствовалъ и французскій посланикъ. Шафирова поддерживали нѣсколько послы англійскій и голландскій; но болѣе всего помогло ему корыстолюбіе главныхъ чиновъ Порты, къ которымъ въ это время много перешло и русскихъ денегъ и дорогихъ мѣховъ, чего не было у Карла. Несмотря однакожъ на щедрые подарки и посламъ

англійскому и голландскому и сановникамъ турецкимъ, дипломатическая борьба продолжалась болѣе двухъ лѣтъ; нѣсколько разъ султанъ даже грозилъ снова начать войну; пришлось и Шафирову посидѣть въ Семибашенномъ замкѣ; но наконецъ Карлъ такъ надоѣлъ туркамъ, вообще считавшимъ войну съ Россіей незаконною, что султанъ, боясь возмущенія, при чемъ могъ лишиться и престола и жизни, принужденъ былъ послать Карлу въ Бендеры указъ, чтобы онъ удалился изъ Турціи, а если не исполнитъ указа, то можетъ лишиться головы. На это Карлъ, по своей солдатской удалой натурѣ, обнаживъ шпагу, сказалъ посланнымъ, что султанскаго указа онъ не слушаетъ и готовъ съ ними биться, если станутъ дѣлать ему насиліе. Такъ началась, по выраженію Шафирова, «разумная» съ обѣихъ сторонъ война, кончившаяся тѣмъ, что храбрый и первый солдатъ въ свѣтѣ, какъ называлъ его Шафировъ, по повелѣнію султана, послѣ отчаяннаго сопротивленія, былъ взятъ и посаженъ въ тюрьму. Такая расправа султана надъ шведскимъ королемъ оскорбила европейскіе дворы и Карлъ былъ освобожденъ; но пока онъ тратилъ время въ Турціи, Петръ неусыпно и дѣятельно вознаграждалъ себя на сѣверѣ за все утраченное на югѣ. Въ 1712 году, вмѣстѣ съ своими союзниками, саксонцами и датчанами онъ неотступно вытѣснялъ шведовъ изъ Помераніи; въ 1713 году сдались Гельсингфорсъ и Або, главный городъ Финляндіи, при чемъ Петръ самъ командавалъ частью флота въ званіи вице-адмирала. Апраксинъ и князь Голицынъ, неутомимо преслѣдуя шведовъ, удалявшихся все болѣе и болѣе во внутрь своей страны, заняли почти всю Финляндію; въ 1714 году Петръ разбилъ шведскій флотъ и овладѣлъ островомъ Аландомъ, а отъ него до Стокгольма не болѣе 15 миль. Послѣ этого шведамъ оставалось одно, сдвинуть всѣ свои войска, какія только можно было, для защиты своей столицы. Наконецъ въ ноябрѣ 1714 года совершенно неожиданно Карлъ XII прибылъ въ Штральзундъ, осажденный союзниками, число которыхъ увеличилось еще пруссаками и гановерцами. Въ сопровожденіи только одного подполковника, Диринга, онъ пріѣхалъ сюда прямо изъ Турціи верхомъ, совершивъ такой дальній путь подъ чужимъ именемъ. Печально было возвращеніе нѣкогда грознаго воителя, котораго боялись всѣ съ его *желѣзными* солдатами. Возвращеніе Карла встревожило союзниковъ Петра, даже англійскій король готовъ былъ къ нимъ присоединиться для усмиренія Карла; но нашъ царь уже нисколько не опасался своего врага и готовъ былъ согласиться на миръ съ тѣмъ, чтобы только оба берега финскаго залива принадлежали намъ, потому что Петербургъ уже былъ столицею Россіи, хотя объ этомъ еще не было объявлено. Несмотря на превосходныя силы союзниковъ, Карлъ надѣялся отстоять Штральзундъ и упорно выдерживалъ тяжелую осаду; отчаянно дрался на равнѣ съ солдатами, самъ выходилъ съ ними на вылазки и тогда только, когда отъ всего гарнизона осталось не болѣе трети, онъ рѣшился оставить городъ и пробраться на шлюпкѣ сквозь непріятельскій флотъ. Шлюпка была замѣчена, по ней стали стрѣлять, два гребца были убиты; но Карлъ всетаки счастливо достигъ шведскаго берега. Штральзундъ сдался и послѣ этого у шведовъ въ Германіи оставался одинъ только городъ, Висмаръ; но и тотъ былъ взятъ въ 1716 году. Впрочемъ, этотъ именно городъ былъ поводомъ къ разладу между союзниками. Въ началѣ 1716 года Петръ выдалъ племянницу свою, Екатерину Ивановну, за Герцога Мекленбургскаго, Карла Леопольда, которому поэтому онъ старался всѣми силами помочь и противъ внѣшнихъ и противъ внутреннихъ его враговъ, именно противъ мекленбургскаго дворянства, бывшаго противъ герцога. Петръ думалъ передать ему также Висмаръ и Варнемюнде, за что герцогъ съ своей стороны позволялъ русскимъ купцамъ свободно жить и торговать во всѣхъ его владѣніяхъ и даже строить православныя церкви; обязывался также во всякое время пропускать русскія войска черезъ свои владѣнія и заготовлять для нихъ магазины на счетъ царя. Такія распоряженія Петра показались союзникамъ его подозрительными; и русскихъ не пустили въ Висмаръ. Это очень огорчило Петра; но онъ еще надѣялся ихъ образумить. Послѣ свиданія съ королями прусскимъ и датскимъ, положено было покончить съ Швеціею и это было тѣмъ удобнѣе, что Карлъ XII, какъ бы совершенно не думая объ опасности угрожавшей Швеціи и его столицѣ, отправился съ 20 тысячами войска воевать Норвегію. Петръ явился къ Копенгагну съ своими 13 линейными кораблями; пришли туда также корабли англійскіе, голландскіе и датская эсадра, бывшая у береговъ Норвегіи. Царь объѣхалъ и осмотрѣлъ шведскій берегъ и общими голосами былъ избранъ въ начальники

всѣхъ четырехъ соединенныхъ флотовъ, составлявшихъ громадную силу. Несмотря однакожъ на оказанную честь Петру, онъ ясно видѣлъ, что единодушія между союзниками нѣтъ и что никто изъ нихъ не дѣйствуетъ прямо. Запасовъ не было и сборомъ ихъ медлили, а «солдатскій желудокъ, говорилъ царь, обѣщаніями сытъ не будетъ — нѣтъ хлѣба и гибель войска въ непріятельской землѣ неизбѣжна». Между тѣмъ наступила осень, шведы укрѣпили берегъ сильными батареями и къ нимъ возвратился изъ Норвегіи Карлъ XII. Такимъ образомъ все дѣло соединенныхъ флотовъ кончилось тѣмъ, что они поплавали у Борнгольма и возвратились въ Копенгагенъ, откуда царь выѣхалъ въ сильномъ неудовольствіи на союзниковъ. Въ это время голштинскій министръ, баронъ Гёрцъ, задумалъ помирить Карла XII съ Петромъ и оба они были не прочь отъ этого, потому что искреннее примиреніе могло бы обоимъ принести большую и несомнѣнную пользу. Начались тайные переговоры, а царь между тѣмъ отправился путешествовать, побывалъ въ Гамбургѣ, посѣтилъ Голландію, гдѣ восторженно былъ встрѣченъ своими старыми учителями; завернулъ въ Сардамъ, гдѣ его по прежнему называли *Питеромъ басомъ.* Отсюда отправился онъ во Францію, которою въ это время, по причинѣ малолѣтства Людвика XV, управлялъ герцогъ Орлеанскій. Царь имѣлъ въ виду заключить союзъ съ герцогомъ и помолвить дочь свою Елисавету за малолѣтняго короля. И въ Парижѣ, этой столицѣ роскоши и блеска, Петръ держалъ себя также скромно, какъ и вездѣ; не обольщаясь модой, онъ носилъ дешевое суконное платье, круглый короткій парикъ безъ пудры, рубашку безъ манжетъ и на широкомъ поясѣ висѣла сабля. Поселился онъ въ самомъ обыкновенномъ домѣ, отказавшись отъ великолѣпнаго помѣщенія въ Луврскомъ дворцѣ. Гуляя по улицамъ, заходилъ онъ въ мастерскія къ ремесленникамъ, съ жадностію изучалъ все полезное и особенное вниманіе останавливалъ на томъ, что относилось къ мореплаванію, торговлѣ и дѣйствительно потѣзнымъ искуствамъ; при этомъ всѣхъ поражалъ онъ, какъ вѣрностью взгляда, такъ и быстротою соображенія. Но, не смотря на общее вниманіе къ Петру и всего двора и самаго герцога, онъ не достигъ цѣли своей поѣздки во Францію; возвратясь въ Голландію, онъ видѣлся съ Гёрцемъ, который обѣщалъ заключить миръ между Россіею и Швеціею на счетъ Даніи и Англіи; для приведенія этого дѣла къ концу, въ 1718 году, уполномоченные со сторны Петра: Брюсъ и Остерманъ, а со стороны Карла: Гёрцъ и Гилленборгъ съѣхались на одномъ изъ Аландскихъ острововъ, Лофоэ. Уполномоченными было положено, что Россія удержитъ Лифляндію, Эстляндію, Ингерманландію и часть Кареліи, за это поможетъ Швеціи не только возвратить всѣ ея прежнія владѣнія въ Германіи, но и пріобрѣсть Норвегію; но враги Гёрца успѣли отклонить отъ этого Карла XII; онъ требовалъ возвращенія всей Финляндіи. Петръ освободилъ изъ плѣна фельдмаршала Реншельда и отправилъ его въ Стокгольмъ, надѣясь, что можетъ быть онъ побѣдитъ упрямство короля; но и онъ ничего не могъ сдѣлать. Карлъ XII, обольщенный обѣщаніями Англіи и Франціи, отправился воевать Норвегію, какъ бы совершенно не думая о мирѣ. Да ему и не суждено было заключить миръ. Въ ноябрѣ онъ осадилъ норвежскую крѣпость, Фридрихсгамъ, и когда 30 ноября осматривалъ батареи, то былъ убитъ. На тридцать седьмомъ году отъ его рожденья. Эта неожиданная смерть сдѣлала огромный переворотъ во всемъ дѣлѣ. Управленіе шведскимъ государствомъ захватили въ свои руки аристократы; вмѣсто герцога голштинскаго, сына старшей сестры Карла, возвели на престолъ принца гессенскаго, мужа младшей сестры; Гёрца казнили, какъ измѣнника, и заключили миръ съ Пруссіей, Даніей и Гановеромъ, чтобы возобновить войну съ Россіею. Это ни сколько не смутило Петра, онъ зналъ уже свои силы и не замедлилъ выказать ихъ своимъ противникамъ. Русскій флотъ тотчасъ же отправился прямо къ Швеціи и высадилъ войско, произведшее страшное опустошеніе; нѣсколько городовъ и болѣе ста деревень были обращены въ груды пепла; на 40 миль были выжжены вѣковые лѣса; вредъ, причиненный этою высадкою русскихъ въ 1719 году, простирался до 12 милліоновъ. Явились шведскіе послы съ предложеніемъ мира; царь принялъ ихъ очень ласково, показалъ имъ даже батареи и укрѣпленія Кронштадта; но остался непреклоннымъ въ своихъ требованіяхъ и послы возвратились безъ успѣха. Въ 1720 году, русскіе снова высадились въ Швеціи, возобновили опустошенія и по Финляндіи прошли до рѣки Торнео, а въ тоже время князь Голицынъ, отважно, съ одними мелкими судами, напалъ на шведскую эскадру, полонилъ четыре

фрегата, а остальныя суда принудилъ удалиться. Тогда прибылъ изъ Швеціи посолъ короля уже съ рѣшительнымъ предложеніемъ заключить миръ. Съ шведскимъ посломъ прибылъ также французскій съ предложеніемъ посредничества. Мѣстомъ для переговоровъ былъ избранъ Ништадтъ, царь принялъ предложеніе и немедленно отправилъ своихъ пословъ: Брюса и Остермана. Переговоры начались, но, не смотря на это, русскій флотъ опять вышелъ съ войскомъ въ море, а такъ какъ шведскіе уполномоченные на конгрессѣ слишкомъ упрямо спорили, то русскіе въ третій разъ, 17 мая, явились на шведскихъ берегахъ и опять начали опустошеніе. Только получивъ обѣщаніе безусловнаго согласія на миръ, царь приказалъ возвратиться своему флоту и войску, а чтобы положить конецъ безполезнымъ спорамъ, самъ рѣшился ѣхать въ Финляндію и лично явиться на конгрессѣ. Но не далеко отъ Петербурга въ Дубнахъ, 3 сентября, встрѣтилъ его курьеръ съ извѣстіемъ о заключеніи мира. По договору Ништадскому Швеція уступала Россіи не только древнія русскія владѣнія по Балтійскому морю; но и все Балтійское прибрежье: Ингерманландію, Лифляндію, Эстляндію, часть Кареліи и Финляндію. Такимъ образомъ была достигнута основная цѣль войны, постоянная цѣль московскихъ государей, начиная съ Ивана Грознаго. Неожиданное и торжественное возвращеніе царя взолновало все населеніе Петербурга. Царь плыветъ по Невѣ на своей бригантинѣ и каждую минуту стрѣляетъ изъ трехъ пушекъ; онъ направляется прямо къ Троицкому собору; трубачъ трубитъ и съ бригантины кричитъ: «миръ!» Это благодатное слово пролетаетъ молніей по всему Петербургу и всѣ спѣшатъ къ пристани. Встрѣченный восторженными криками, Петръ вошелъ въ соборъ и пока совершалось благодарственное молебствіе, вся площадь была уже покрыта народомъ; приготовлены были кадки съ виномъ и пивомъ и устроено возвышенное мѣсто. На него то взошелъ Петръ послѣ молебна и сказалъ громко: «Здравствуйте, православные! благодарите Бога, что Онъ такую долговременную войну прекратилъ и даровалъ намъ вѣчный миръ!» Сказавши это, Петръ зачерпнулъ ковшомъ вина и выпилъ за здоровье всего русскаго народа. Да здравствуетъ государь! вскрикнули вразъ тысячи и загремѣли пушки съ крѣпости, а поставленные на площади полки стрѣляли изъ ружей. Это первое торжесто было 4 сентября; съ 10-го начался большой маскарадъ на 1000 масокъ, который продолжался цѣлую недѣлю; царь веселился на равнѣ со всѣми, веселился, можно сказать, какъ ребенокъ; плясалъ по столамъ и пѣлъ пѣсни. — Наконецъ 22 октября въ Троицкомъ соборѣ, послѣ обѣдни, былъ прочитанъ мирный договоръ съ Швеціею. Феофанъ Прокоповичъ послѣ этого говорилъ проповѣдь, въ которой выразилъ, что царь за всѣ свои знаменитыя дѣла достоинъ называться отцемъ отечества, императоромъ и великимъ. Тотчасъ же подошли къ Петру сенаторы и канцлеръ, графъ Головкинъ, обратился къ нему съ рѣчью, которую заключилъ такъ: «Да не явимся тщи въ зазоръ всему свѣту, дерзаемъ мы, именемъ всего всероссійскаго государства подданныхъ вашего величества, всѣхъ чиновъ народа, всеподданнѣйше молити, да благоволите титулъ Отца Отечества, Петра Великаго, Императора Всероссійскаго приняти». «Виватъ, виватъ, виватъ — Петръ Великій, Отецъ Отечества, Императоръ Всероссійскій!» «Виватъ! прокричали три раза сенаторы! виватъ! повторили звучно всѣ бывшіе внутри и внѣ церкви». Царь долго отказывался, говоря, что Россія всѣмъ обязана не ему, а Богу, въ рукѣ котораго онъ былъ только недостойнымъ орудіемъ; но наконецъ уступилъ горячимъ просьбамъ своихъ подданныхъ и, можетъ быть, потому только, что, принимая титулъ Всероссійскаго императора, онъ этимъ покрывалъ славою все свое отечество и возводилъ Россію на степень первыхъ державъ Европы. Дѣйствительно, по окончаніи сѣверной войны, русскіе изъ покорныхъ учениковъ европейцевъ, дѣлаются самостоятельными и сильными участниками въ ихъ общей дѣятельности. Могучая рука знаменитаго плотника-шкипера-бомбардира, изъ объазіяченной Россіи, образовала новую, вторую часть Европы-Восточную.

Картина 16.

АСАМБЛЕЯ ПРИ ПЕТРѢ I.



Двадцатилѣтняя борьба Россіи съ Швеціею тяжела была для всего русскаго народа; но не выразимо труднѣе она была для самаго Петра, которому, при борьбѣ съ такимъ мощнымъ бойцемъ, какъ Карлъ XII, нужно было еще бороться съ закоснѣлостью въ предразсудкахъ и грубымъ азіятизмомъ своего народа. Хотя и до Петра, при царяхъ — Алексѣѣ Михайловичѣ и Федорѣ Алексеевичѣ, также при правительницѣ, Софьѣ Алексѣевнѣ, уже сознавалась необходимость въ нѣкоторомъ образованіи и преобразованіи, но очень не многими. Масса народа, не только чернь, стрѣльцы, староверы, но и самое крупное боярство и высшее духовенство, всякую новизну, и всякое сближеніе съ западомъ и его наукою, признавали *грѣховнымъ* дѣломъ, *ересью*. Отъ такого взгляда на науку и образованье отвратило Петра его первое знакомство съ чужеземцами въ Нѣмецкой слободѣ; отъ нихъ онъ узналъ, на какое огромное разстояніе отстала Россія во всѣхъ отношеніяхъ отъ прочихъ европейскихъ государствъ. Это-то самое вдохновило его мыслію совершенно преобразовать свое отечество и онъ ожидалъ только благопріятной минуты, чтобъ начать это великое дѣло. Минута эта наступила съ паденьемъ Софьи и онъ тотчасъ же является царемъ не по обычаю. Предшественники Петра рѣдко выѣзжали изъ Москвы на продолжительное время и все дѣлалось съ доклада государю; онъ же, напротивъ, только изрѣдка, гостемъ, завертывалъ въ Москву, а всѣми дѣлами по его указанію завѣдывали избранные сановники, бояре. Въ 1700 году былъ даже изданъ указъ о неподачѣ просьбъ мимо присутственныхъ мѣстъ государю, кромѣ великихъ государственныхъ дѣлъ. Какъ преобразователь, какъ творецъ, можно сказать, совершенно новаго государства, Петръ не могъ, сидя спокойно на тронѣ, дѣйствовать только одними указами; его собственный глазъ нуженъ былъ повсюду, потому что онъ былъ главнымъ мастеромъ дѣла, онъ былъ во всемъ первымъ человѣкомъ, хотя и любилъ иногда разыгрывать роль подчиненнаго, предоставляя главное начальствованіе кому-нибудь другому. Первою заботою Петра было — обезопасить государство отъ натиска внѣшнихъ враговъ, для чего нужно было создать флотъ и образовать въ Россіи небывалое войско; но какъ для этого, такъ и по новымъ отношеніямъ къ другимъ государствамъ, на содержаніе въ нихъ пословъ, требовались огромныя средства. Чтобы имѣть эти средства нужно было снизу до верху измѣнить весь государственный строй, оживить сколько возможно болѣе торговлю, коснуться даже житейскаго быта, измѣнить вѣковые обычаи, истребить по возможности такія злоупотребленія, которыя по своей закоснѣлости не казались даже государственнымъ людямъ злоупотребленіями, какъ, напримѣръ, лихоимство. На исполненіе такой громадной задачи могъ рѣшиться именно только царь — богатырь, которому ничто не казалось непреодолимымъ препятствіемъ.

Въ 1703 году Петръ раздѣлилъ государство на губерніи, а самыя губерніи на провинціи; правители пограничныхъ губерній назывались генералъ-губернаторами, а въ остальныхъ — губернаторами; при губернаторахъ находилась *земская канцелярія*, приводившая въ исполненіе



АССАМБЛЕИ ПРИ ПЕТРѢ I. (№ 16).

всѣ распоряженія губернатора. Въ 1713 году въ областное управленіе введено было *коллегіальное начало*; члены управленія въ каждомъ городѣ или провинціи избирались всѣми дворянами и назывались *ландратами*; они вмѣстѣ съ губернаторомъ рѣшали и подписывали всѣ дѣла; но губернаторъ былъ у нихъ «не яко властитель, а яко президентъ». Для суда были учреждены *земскіе* суды и чтобъ дать судьямъ большую независимость, то какъ они, такъ и имѣнья ихъ, были изъяты изъ подъ вѣдомства губернаторскаго. Въ 1720 году въ значительныхъ городахъ учреждены были надворные суды для дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ. Надворный судъ занималъ высшую ступень въ областномъ судоустройствѣ; среднею былъ Провинціальный судъ, а нижнею — Нижній городовой судъ. Прежніе Приказы были замѣнены Коллегіями и въ 1717 году ихъ считалось девять. Правительствующій сенатъ, учрежденный въ 1710 году, былъ высшимъ судилищемъ для верховнаго управленія государствомъ и во время отсутствія государя замѣнялъ его лицо. Чтобы указы не залеживались, а приводились, какъ можно скорѣе, въ исполненіе — для этого при сенатѣ, въ 1715 году, былъ опредѣленъ особый генеральный ревизоръ или надзиратель указовъ (прокуроръ), а для надзора вообще за служащими было устроено цѣлое вѣдомство фискаловъ, назначеніе которыхъ состояло въ томъ, чтобы быть «*очами* и *ушами государевыми*». При этихъ новыхъ учрежденіяхъ, по примѣру другихъ европейскихъ державъ, вводились постепенно и европейскія чины, замѣнившіе прежніе титулы — бояръ, окольничихъ, думныхъ дьяковъ, думныхъ дворянъ и т. д. При такомъ преобразованіи всего государственнаго управленія, уложенье царя Алексѣя Михайловича оказалось, конечно неудовлетворительнымъ; поэтому Петръ поручилъ посламъ своимъ за границею достать наиболѣе уважаемые тамъ уставы и положенія по разнымъ частямъ управленія; когда вся эта груда матеріаловъ доставлена была въ Петербургъ, то царь самъ ежедневно посвящалъ по нѣсколько часовъ на разсмотрѣніе ихъ, сличеніе между собою и обсужденіе преимуществъ одного передъ другимъ. Съ 1716 года стали выходить одинъ за другимъ новые уставы, обнимавшіе собою все управленіе государствомъ и которыми Россія руководствовалась полное столѣтіе.

Съ 1699 года начались рекрутскіе наборы для образованія правильнаго и постояннаго войска; въ 1716 г. былъ изданъ воинскій уставъ, при составленіи котораго было обращено вниманіе не только на образованіе офицеровъ; но также на доброе содержаніе солдатъ и на сохраненіе рекрутъ при доставкѣ ихъ въ назначенныя имъ мѣста. Хотя, по обстоятельствамъ того времени, военная служба требовалась преимущественно отъ дворянства; но и людямъ низшихъ сословій заслуга открывала дорогу въ офицеры, а чинъ офицерскій, по указу 16 января 1721 года, возводилъ ихъ въ высшее, дворянское сословіе: «всѣ оберъ-офицеры, которые произошли не изъ дворянства, оные и ихъ дѣти и ихъ потомки суть дворяне и надлежитъ имъ дать патенты, граматы, на дворянство». Чтобъ побудить дворянъ къ образованію — былъ изданъ слѣдующій указъ 20 января 1714 года: «послать во всѣ губерніи по нѣскольку человѣкъ изъ школъ математическихъ, чтобъ учить дворянскихъ дѣтей цифири и геометріи и положить штрафъ такой, что невольно будетъ жениться, пока сему не выучатся».

Имѣя постоянно въ виду, какъ можно скорѣе увеличить государственные доходы, и зная, что этого можно достигнуть только чрезъ усиленіе промышленности и торговли, Петръ призналъ первою и необходимою къ этому мѣрою — высвободить людей промышленныхъ и торговыхъ изъ подъ гнета воеводъ-*кормленщиковъ*. Поэтому въ 1699 году изданъ былъ указъ объ учрежденіи Бурмистрской палаты, въ члены которой, бурмистры, указано было, чтобъ сами торговцы избирали межъ себя людей добрыхъ и правдивыхъ, которымъ поручалось вѣдать во всѣхъ ихъ расправныхъ и челобитныхъ и купеческихъ дѣлахъ и въ сборахъ государственныхъ доходовъ. Въ другихъ городахъ, кромѣ Москвы, всѣ такія дѣла предоставлено было рѣшать мірскимъ выборнымъ людямъ въ земскихъ избахъ; всѣ эти выборные подчинялись московской Бурмистрской палатѣ, которая входила съ докладами прямо къ государю. Въ 1712 году Петръ писалъ сенату: «немедленно потщиться въ купеческомъ дѣлѣ лучшій порядокъ сдѣлать, а для того учинить коллегіумъ для торговаго дѣла исправленія». Вслѣдствіе этого предписанія образовались Коммерцъ-Коллегія; она должна была заботиться о торговлѣ внутренней и внѣшней; подъ ея надзоромъ должны были строиться корабли и производиться работы по водянымъ сообщеніямъ и по устройству сухопутныхъ дорогъ.

Въ январѣ 1721 года былъ изданъ уставъ, регламентъ главнаго магистрата, который обязанъ былъ устроить магистраты во всѣхъ городахъ и руководить ихъ; почему члены этихъ магистратовъ, избранные горожанами, утверждались въ должности главнымъ. Всѣ подвѣдомственные магистратамъ городскіе жители дѣлились на двѣ гильдіи. Членами петербургскаго магистрата были на половину иностранцы, при чемъ имѣлось въ виду то, чтобъ русскіе научились у нихъ искуству торговать. Всѣ указанныя учрежденія клонились къ тому, чтобы пріучить гражданъ дѣйствовать сообща, соединенными силами, а не особнякомъ; была даже сдѣлана попытка устроить торговыя компаніи, чтобы дѣйствовать равно сильною съ иностранными купцами. Съ вопросомъ о торговлѣ тѣсно связывается вопросъ о деньгахъ, монетѣ; а монетное дѣло въ то время въ Россіи было въ самомъ жалкомъ состояніи; считали рублями, алтынами, деньгами, но монеты, соотвѣтствующей этому счету, не было; ходили только безобразныя серебрянныя копѣйки и денежки; послѣднихъ такъ мало было въ обращеніи, что въ иныхъ городахъ, для размѣна въ мелкомъ торгу, пересѣкали копѣйку на двое, даже на трое, а иногда вмѣсто серебрянныхъ денежекъ торговали кожаными и другими *жеребьями* (разные условленные денежные значки). Поэтому въ 1700 году велѣно было дѣлать мѣдныя денежки, полушки и полуполушки; чеканить золотые червонцы одинокіе и двойные; съ одной стороны съ портретомъ государя, а съ другой — съ государственнымъ гербомъ; потомъ серебрянные полтинники, полуполтинники, гривенники и наконецъ рубли.

Имѣя въ виду, что Россія можетъ быть посредницею въ торговомъ отношеніи между Европою и Азіею, Петръ задумалъ соединить, посредствомъ рѣкъ и каналовъ, Каспійское море съ Балтійскимъ и главное движеніе внѣшней торговли направить къ Петербургу. Послѣдняя мысль сильно-встревожила и русскихъ купцовъ, но особенно голландскихъ, съ давняго времени устроившихся въ Архангельскѣ. Переноситься въ Петербургъ, еще только что основанный, имъ крѣпко не хотѣлось, да и притомъ развитіе русской торговли на Балтійскомъ морѣ они считали для себя очень невыгоднымъ. Петръ, конечно, не уступилъ и мало по малу сталъ приводить въ исполненіе свой планъ. Въ 1718 году въ Архангельскѣ былъ опубликованъ указъ, позволявшій торговать пенькою; но запрещавшій вывозъ хлѣба, ввозъ шелковыхъ матерій и парчей, также повелѣвавшій привозить въ Петербургъ двѣ трети всѣхъ товаровъ. Правительственнымъ лицамъ велѣно было переѣхать въ Петербургъ и строить тамъ дома; туда же по указу переселять семьи дворянскія, купеческія и ремесленныя. Какъ въ 15 вѣкѣ, по волѣ царя Ивана III, тянулись переселенцы изъ Новгорода въ Москву, чтобы усилить народонаселеніе и богатство новой столицы Всея Руси; такъ теперь, по той же дорогѣ, только въ обратномъ направленіи, тянулись переселенцы къ новому городу, предназначенному быть столицею Россійской Имперіи. Въ то же время шли переговоры съ Испаніею и Францiею для усиленія русской торговли, куда можно было сбывать значительное количество сырыхъ товаровъ; но, радуясь этому, Петръ заботился также и о томъ, чтобъ Россія начинала и сама обдѣлывать сырые матеріалы и уже обдѣланные отпускать за границу. Чтобы пріучить къ обработкѣ сырыхъ матеріаловъ, было предписано указомъ: сѣмени льняного и конопляного къ морскимъ пристанямъ для продажи отнюдь не возить, а доставлять масломъ. Необходимость выписывать изъ за-границы сукно для вновь обмундированнаго войска крайне тяготила Петра; поэтому въ 1716 году былъ отправленъ за границу капитанъ Норовъ нанимать овчаровъ и суконниковъ и, въ 1719 году, на казенныхъ овчарныхъ заводахъ Азовской губерніи считалось уже болѣе 10 тысячъ овецъ и при нихъ было три овчара изъ Силезіи. Въ Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ были устроены суконныя фабрики, которыя однакожъ Петръ предполагалъ передать частнымъ людямъ для того именно, чтобъ освободить казну отъ издержекъ и побудить русскихъ людей къ мануфактурной дѣятельности.

Для флота требовались парусныя фабрики, которыя и были заведены въ 1702 году въ Москвѣ, и въ первые годы онѣ были такъ хороши, «якобы близь голландскихъ». Въ 1611 году полотняный заводъ, вѣдомый прежде въ посольскомъ Приказѣ, отданъ былъ купеческимъ людямъ и велѣно было дѣлать полотна широкія, по образцу европейскихъ государствъ, какія за великія цѣны въ Россійское государство ввозятся. Въ Петербургѣ заведены были фабрики шпалерная и писчей бумаги, поэтому въ 1714 году былъ изданъ указъ о присылкѣ въ Петербургскую

канцелярію пометнаго холста и лоскутья съ платою собравшимъ 8 денегъ за пудъ. Однимъ словомъ разныхъ фабрикъ и заводовъ при Петрѣ было уже около двухъ сотъ пятидесяти, тогда какъ до него, почти ничего не было. Для введенія и распространенія разныхъ ремеслъ были призваны ремесленники изъ-за границы, а также посылались русскіе учиться за границей. Велѣно было ввести занятіе ремеслами при женскихъ монастыряхъ; занимались разными ремеслами также въ рабочемъ домѣ, устроенномъ въ Москвѣ для празднощатающихся. Было обращено вниманіе на рудокопное дѣло, «и дабы Божіе благословеніе подъ землею втунѣ не оставалось», то обнародовано было, что каждый не только въ своей, но и въ чужой землѣ имѣетъ право искать и обрабатывать всякіе металлы и минералы; при этомъ право устроить заводъ прежде всѣхъ предоставлялось помѣщику, въ имѣньи котораго оказалась руда; но если онъ не могъ или не хотѣлъ заняться этимъ, тогда каждый желающій могъ воспользоваться его правомъ, уплачивая землевладѣльцу только 32 долю прибыли. Кто утаивалъ руду или не допускалъ другихъ устроить у него заводъ, тотъ подвергался тѣлесному наказанью и даже смертной казни. Приняты были мѣры для сохраненія старыхъ лѣсовъ и для разведенія новыхъ въ мѣстахъ безлѣсныхъ; самъ царь садилъ дубовые желуди въ Петербургѣ и заботился даже о разведеніи цвѣтовъ. При Петрѣ же начато въ Россіи разведеніе шелка и разныхъ цѣлебныхъ растеній; но особенное вниманіе было обращено на производство льна и пеньки, какъ по усилившемуся внутреннему потребленію, такъ и вслѣдствіе большаго отпуска за границу. Хотя въ бытѣ крестьянъ не было сдѣлано никакихъ особенныхъ перемѣнъ; но все таки преобразователь старался по возможности облегчить и ихъ горько-тяжкое положеніе. Съ этой цѣлью въ 1714 году было установлено майоратство и причины такого нововведенія царь пояснялъ такъ: «Если все недвижимое будетъ идти одному сыну, а прочимъ только движимое, то государственные доходы будутъ исправнѣе, ибо съ большаго всегда одинъ господинъ довольнымъ будетъ, хотя по малу возметъ и одинъ домъ будетъ, а не пять, и можетъ всегда льготить подданныхъ, а не раззорять ихъ». Въ имянномъ указѣ 1721 года было сказано, что его царское величество указалъ продажу людямъ пресѣчь, а ежели невозможно того будетъ вовсе пресѣчь, то бы хотя по нуждѣ и продавали, но цѣлыми семьями, а не порознь, какъ скотовъ. Чтобы указать русскимъ поселянамъ лучшій способъ хлѣбопашества, Петръ приглашалъ переселиться въ Россію иноземныхъ земледѣльцевъ; изданъ былъ указъ о снимкѣ хлѣба косами, а не серпами. Камеръ-коллегія обязана была собирать свѣдѣнія о состояніи и плодородіи каждой провинціи, чтобы всякую пустошу предупреждать осторожнымъ домодержательствомъ.

Слѣдующія узаконенія и распоряженія Петра, указываютъ, что онъ всѣми силами старался стереть съ своего народа всѣ признаки варварства. Уничтоженъ былъ *правежъ* за долги и велѣно было должниковъ, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ, отсылать на работы, причемъ изъ заработанной платы удерживался рубль въ мѣсяцъ въ счетъ долга. Пытки не были унитожены; но употреблять ихъ предписано было только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Запрещенъ былъ страшный, древній обычай, сохранившійся въ Россіи еще отъ дохристіанскихъ временъ, по которому повивальныя бабки умерщвляли младенцевъ, родившихся съ какими либо тѣлесными недостатками, уродцевъ; велѣно было о такихъ, не утаивая, немедленно предъявлять приходскимъ священникамъ, а они должны были объявлять объ этомъ въ монастырскомъ приказѣ. Для сохраненія жизни незаконнорожденнымъ младенцамъ, «которыхъ матери, стыда ради, отметываютъ въ непристойныя мѣста, а иныхъ разно умерщвляютъ», устроены были, на городской счетъ, *госпиталіи* при церквахъ и объявлено было, «чтобы младенцевъ не отметывали, а приносили бы къ тѣмъ госпиталямъ и клали ихъ въ окно тайно». Запрещено было хоронить прежде трехъ дней; продавать травы, которыя въ рукахъ разныхъ знахарей приносили большой вредъ; всѣ лавочки, промышлявшія разными опасными снадобьями, были уничтожены и въ Москвѣ было учреждено 8 аптекъ. Обращено было вниманіе на обычай, имѣвшій крайне вредное вліяніе на семейную жизнь, состоявшій именно въ томъ, что дѣвушекъ держали въ заперти и не показывали ихъ женихамъ до самой свадьбы, а брачный союзъ заключался по волѣ родителей, безъ согласія вступающихъ въ бракъ; отъ чего, какъ указывалъ еще въ 1633 году патріархъ Адріанъ: «житіе ихъ бываетъ бѣдно, другъ другу навистно и дѣтей неприжитно». Въ 1702 году былъ изданъ указъ,

чтобы рядовыя сговорныя граматы оставить и впредь ихъ въ приказѣ крѣпостныхъ дѣлъ не писать, чтобы за шесть недѣль до свадьбы было обрученіе, послѣ котораго, если женихъ и невѣста не понравятся другъ другу, то можно дѣло разорвать, не подвергаясь за то ни какому взысканію; велѣно было даже брать присягу отъ родителей и опекуновъ, что они не принуждаютъ дѣтей своихъ къ браку; такая же присяга требовалась и отъ господъ относительно ихъ крѣпостныхъ людей. Чтобъ окончательно уничтожить азіятское затворничество женщинъ, царь приказалъ приглашать ихъ вмѣстѣ съ мужчинами на обѣды и вечера. Такія вечера назывались *асамблеями*, собраніями, гдѣ всѣ могли свободно веселиться и чинность прежнихъ временъ была совершенно уничтожена. Отъ хозяина требовалось только, чтобъ онъ освѣтилъ для асамблеи нѣсколько комнатъ и приготовилъ необходимое для угощенья, а встрѣчать церемоніально пріѣзжающихъ гостей, усаживать по чинамъ, подчивать и провожать по прежнему съ низкими поклонами — было запрещено. Всякій проводилъ время, какъ ему было угодно; молодыя барыни и дѣвушки свободно танцовали съ мужчинами, причемъ не обращалось никакого вниманія на разницу званья или рода; старушки, маменьки, любовались на своихъ дочекъ, пожилые мужчины играли въ шашки, курили, болтали, оживляли свою бесѣду кружкой пива. На такихъ вечерахъ принимали участіе и царь съ царицей, нисколько не стѣсняя своимъ присутствіемъ ни хозяевъ, ни гостей. Царь, всегда одѣтый очень скромно, въ кафтанѣ изъ русскаго сукна, обыкновенно садился съ кѣмъ нибудь поиграть въ шашки, не рѣдко съ кѣмъ нибудь изъ шкиперовъ, а царица, одѣтая соотвѣтственно ея сану, танцовала на ряду съ прочими, когда это ей было возможно. Эти вечера служили уже значительнымъ средствомъ къ тому, чтобы ознакомить по крайней мѣрѣ высшіе слои русскаго народа съ европейскимъ общежитіемъ, при чемъ мало по малу начинала сглаживаться прежняя азіятская грубость нравовъ. Съ тою же цѣлью, для уничтоженія семейной замкнутости, была построена въ Москвѣ на Красной площади *комедіальная храмина* — для всѣхъ. Былъ театръ и при царѣ Алексѣѣ, у его любимца Матвѣева; но пользовались этимъ театромъ только придворные, да и то только тѣ, которые уже не придерживались сильно старины; самъ царь, отправляясь на *лицедѣйство*, предварительно испрашивалъ на это разрѣшеніе у своего духовника. При томъ же давались только представленія духовнаго содержанія, а при Петрѣ они были замѣнены піесами, сочиненіями, свѣтскаго содержанія и театръ сдѣлался общенароднымъ увеселеніемъ; чтобы не затруднять пріѣзда въ театръ, то, въ дни представленій, городскія ворота велѣно было запирать позже обыкновеннаго. И опять таки было подтверждено, чтобы именитые господа привозили съ собою и женъ и дочерей.

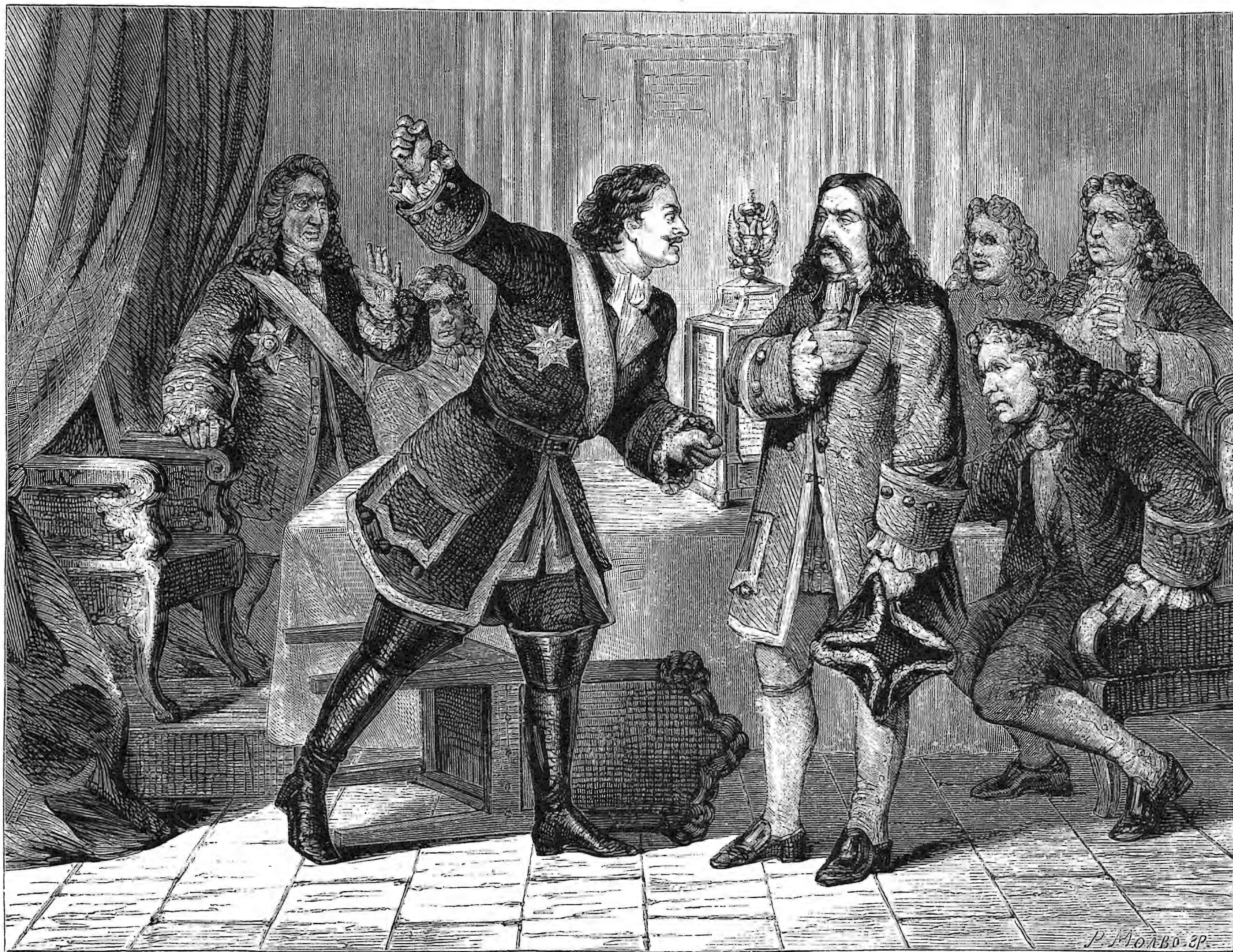
Но какъ основнымъ началомъ и силы, и богатства и вообще благосостоянія государства служитъ умственное, научное образованіе народа; поэтому великій преобразователь Россіи дѣятельно заботился объ учрежденіи училищъ, какъ начальныхъ, такъ и высшихъ. Хотя московская академія, учрежденная еще при Федорѣ Алексѣевичѣ, не была исключительно предназначена для духовныхъ, учились въ ней и свѣтскіе; но они выходили безъ тѣхъ познаній, какія нужны были царю-преобразователю. Ему нужно было такое училище, изъ котораго бы, какъ онъ говорилъ патріарху, Адріану: «во всякія потребы люди происходили, въ церковную службу и гражданскую; знали строеніе и докторское врачевство». Съ этою цѣлью въ Москвѣ были открыты разныя школы и въ томъ числѣ — школа инженерная, школа для подъячихъ и морская академія. Во всѣхъ этихъ школахъ, по крайней необходимости, учителями были иностранцы; въ тоже время были отправлены за границу и русскіе для приготовленія себя въ учителя. Кромѣ Москвы, были школы и въ провинціяхъ для духовенства, купечества и даже крестьянъ, куда посылались учителями воспитанники московскихъ школъ. Былъ изданъ указъ, чтобъ безграмотныхъ, что зачастую бывало, не посвящать въ священники: этимъ царь надѣялся достигнуть того, что образованные іереи позаботятся о распространеніи грамотности въ своихъ приходахъ. Какъ для самыхъ училищъ, такъ и для распространенія разнородныхъ свѣдѣній между взрослыми людьми, нужны были книги и при томъ недорогія, распространявшіяся посредствомъ печатанія; для этого, во-первыхъ, была устроена новая типографія въ Петербургѣ и усилена дѣятельность московской; во-вторыхъ, приступлено было къ переводу съ разныхъ иностранныхъ языковъ всякаго рода книгъ, относящихся ко всѣмъ отдѣламъ наукъ. При этомъ переводчиками былъ сдѣ-

ланъ вопросъ: на какой языкъ переводить — книжный славяно-церковный или разговорный? Петръ, который первый сталъ писать на разговорномъ языкѣ, приказалъ и переводчикамъ употреблять этотъ же языкъ, причемъ какъ для письма, такъ и для печати, ввелъ новыя буквы, которыя и до сихъ поръ употребляются и называются *гражданскими*, въ отличіе отъ церковныхъ. До Петра только собственно для царя и самыхъ приближенныхъ къ нему дѣлались извлеченія (куранты) изъ иностранныхъ газетъ, а для всѣхъ прочихъ они были тайною; Петръ, напротивъ, хотѣлъ, чтобы всѣ его подданные знали, что дѣлается и въ Россіи и въ прочихъ государствахъ; поэтому, по указу царя, съ 1703 года начались издаваться въ Москвѣ куранты подъ заглавіемъ: «Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти, случившихся въ Московскомъ государствѣ и въ иныхъ окрестныхъ странахъ». Распространяя необходимыя научныя свѣдѣнія, Петръ старался также пробудить въ своихъ подданныхъ расположеніе къ изящнымъ искуствамъ и художественнымъ произведеніямъ, что служитъ тоже средствомъ къ уничтоженію нравственной грубости. При царѣ Алексѣѣ у Матвѣева былъ хоръ (оркестръ) музыкантовъ и только у него въ домѣ было нѣсколько картинъ. При Петрѣ каждый вельможа считалъ себя обязаннымъ имѣть своихъ музыкантовъ и, по примѣру царя, стали украшать свои палаты картинами и статуями, да и самые дома стали строить уже не въ дѣдовскомъ вкусѣ. Знаменитый архитекторъ Леблонъ, вызванный Петромъ изъ Франціи, выстроилъ петергофскій и ораніенбаумскій дворцы, разбилъ принадлежащіе къ нимъ сады, устроилъ фонтаны. Ораніенбаумскій дворецъ былъ загороднымъ домомъ Меншикова. Въ самомъ Петербургѣ были возведены такія зданія, на которыя съ удивленіемъ смотрѣли не только русскіе, но и иностранцы; именно: палаты Меншикова, церковь Св. Петра и Павла, зданіе двѣнадцати коллегій, а въ Москвѣ башни Сухаревская, Меншиковская.

Измѣнивъ весь строй государственнаго управленія, учредивъ коллегіи и сенатъ, царь-преобразователь не могъ оставить въ прежнемъ видѣ и духовное вѣдомство, которое вообще было и противъ преобразованій и даже противъ народнаго образованія на новыхъ началахъ, а при удобномъ случаѣ оно могло бы стать во главѣ недовольныхъ нововведеніями царя. Выходки патріарха Адріана противъ брадобритія и промысла табакомъ, конечно, не могли нравиться Петру; поэтому, по смерти патріарха Адріана, онъ отложилъ на неопредѣленное время избраніе новаго. Вслѣдствіе этого былъ изданъ указъ въ декабрѣ 1700 года: патріаршему приказу — Разрядному не быть, а дѣла по челобитьямъ мірскихъ людей на духовныхъ и духовныхъ на мірскихъ отослать по приказамъ, гдѣ кто вѣданъ; дѣла же о расколѣ и ересяхъ вѣдать преосвященному Стефану (Яворскому), митрополиту рязанскому и муромскому, причемъ именоваться ему блюстителемъ (экзархомъ) святѣйшаго патріаршаго престола.

Тотчасъ послѣ этого указа начались преобразованія. Въ январѣ 1701 года боярину Ив. Алек. Мусину-Пушкину велѣно было сидѣть на патріаршемъ дворѣ въ палатахъ, гдѣ былъ патріаршій разрядъ, и писать *монастырскимъ приказомъ*. Велѣно было переписать всѣ монастыри мужскіе и женскіе и оставить въ нихъ тѣхъ только монаховъ и монахинь, которые окажутся при перепискѣ; запрещено было переходить изъ одного монастыря въ другой безъ крайней надобности и разрѣшенія; дьячковъ не-монаховъ приказано было выгнать; какъ монахамъ, такъ и монахинямъ запрещено было писать уединенно въ кельяхъ, а могли они писать только въ опредѣленномъ мѣстѣ, въ трапезной. Ни въ монахи, ни въ монахини нельзя было никого постричь безъ царскаго указа и бѣлицы могли постригаться въ монахини не ранѣе 40 лѣтъ. Въ томъ году приступили и къ хозяйственнымъ измѣненіямъ въ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинахъ; посельскіе старцы были замѣнены прикащиками изъ мірянъ и всѣ оброчныя статьи были переданы новымъ откупщикамъ. Запрещено было, кому бы то ни было, останавливаться въ монастыряхъ и монастырскихъ гостинницахъ. Наконецъ, въ декабрѣ 1701 года, былъ изданъ знаменитый указъ: «въ монастыри монахамъ и монахинямъ давать опредѣленное число денегъ и хлѣба въ общежительство ихъ, а вотчинами имъ и никакими угодьями не владѣть, не ради раззоренія монастырей: но лучшаго ради исполненія монашескаго обѣщанія, потому что древніе монахи сами себѣ трудолюбивыми руками пищу промышляли, общежительно жили и многихъ отъ своихъ рукъ питали». Указано было, какъ начальнымъ, такъ и подначальнымъ мона-

хамъ, выдавать по 10 рублей денегъ, по 10 четвертей хлѣба и дровъ сколько нужно будетъ; слугъ и служебниковъ въ монастыряхъ оставить самое малое число; остатокъ хлѣба и денегъ отъ раздачи монахамъ отдавать въ богадѣльни на содержаніе нищихъ и въ помощь бѣднымъ монастырямъ. Бѣлому духовенству предписано было доставлять въ Монастырскій приказъ вѣдомсти о числѣ родившихся и умершихъ. Великороссійское духовенство далеко уступало въ образованіи малороссійскому, потому именно, что и московская академія далеко была ниже кіевской. Вслѣдствіе этого Петръ счелъ необходимымъ назначать на архіерейскія мѣста преимущественно ученыхъ монаховъ малороссійскихъ, надѣясь черезъ нихъ преобразовать и прочее великороссійское духовенство, которое въ свою очередь должно было заботится о распространеніи грамотности въ народѣ, искоренять въ немъ суевѣрія и предразсудки, противодѣйствовать расколу съ христіанскою кротостію, чрезъ ясное изъясненіе основныхъ догматовъ вѣры. Къ числу такихъ ученыхъ монаховъ, призванныхъ царемъ изъ Кіева, принадлежитъ Стефанъ Яворскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ, Ѳеодосій Яновскій и Димитрій Ростовскій, сочинитель Четіихъ-Миней. Ревностно заботясь объ образованіи и священно-церковно-служителей и прихожанъ, преосвященный Димитрій при своемъ архіерейскомъ домѣ завелъ училище, въ которомъ и самъ училъ наравнѣ съ прочими учителями. Въ одной изъ своихъ проповѣдей онъ между прочимъ сказалъ: «Незнаю, кого прежде надо винить — сѣятелей или землю; священниковъ или сердца человѣческія, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ? Іереи не берегутъ, а люди заблуждаются; іереи не учатъ, а люди невѣжествуютъ; іереи слова Божія не проповѣдуютъ, а люди не слушаютъ и слушать не хотятъ. Съ обѣихъ сторонъ худо. Іереи глупы, а люди не разумны». Тогда какъ важнѣйшія лица изъ духовныхъ, въ томъ числѣ и самъ блюститель патріаршаго престола, громко роптали провозглашали Петра раззорителемъ монастырей и архіерейскихъ домовъ, воронежскій епископъ, Митрофанъ, знаменитый не школьною ученостію, а святостію жизни, болѣе всѣхъ сходился съ царемъ въ усердномъ его радѣніи о благѣ родной земли; онъ прославлялъ намѣреніе его устроить флотъ и убѣждалъ народъ помогать царю всѣми силами въ этомъ великомъ дѣлѣ. Убѣждалъ не только словомъ, но и дѣломъ, собственнымъ примѣромъ: послѣдніе оставшіеся у него 6 тысячъ рублей онъ принесъ царю на войну противъ невѣрныхъ и потомъ постоянно отсылалъ накоплявшіяся у него деньги къ государю или въ адмиралтейство съ надписью: «на ратныхъ». Глубоко уважалъ и царь великаго старца. Не большой царскій домикъ въ Воронежѣ былъ украшенъ статуями языческихъ божествъ, и хотя Петръ никогда ни для кого и не для чего ни чѣмъ не жертвовалъ изъ своихъ нововведеній; но въ угоду Воронежскому епископу приказалъ снять ихъ. Присутствуя при погребеніи благочестиваго архипастыря, царь на своихъ рукахъ несъ гробъ святителя, прославившагося въ наши дни чудесами и нетлѣніемъ. Двадцать лѣтъ уже мѣсто патріарха оставалось не занятымъ и дѣла церковныя управлялись особенною коммисіею; народъ къ этому уже сталъ привыкать, но духовенсто все еще надѣялось имѣть своего главу и востановить черезъ него свои прежнія права. Такъ одинъ разъ, въ Успенскомъ соборѣ, Стефанъ, блюститель патріаршаго престола, рѣшился сказать царю: «Не велишь ли, государь, сломать мѣсто патріаршее? Вѣдь патріарха у насъ нѣтъ?» — Царь отвѣчалъ: «Патріарху въ Россіи не бывать, но мѣсто его ломать не надобно». Вскорѣ послѣ того, въ январѣ 1721 года, былъ учрежденъ *Святѣйшій Синодъ* и когда при этомъ нѣкоторые изъ духовныхъ осмѣлились напомнить Петру о патріархѣ, то онъ грозно сказалъ: «*Я вамъ патріархъ!*» Какъ сенатъ завѣдывалъ всѣми свѣтскими управленіями, наблюдалъ за коммисіями и губернаторами; такъ синоду, составленному изъ высшихъ духовныхъ особъ, поручено было вѣдать весь чинъ духовный и блюсти чистоту православной вѣры; но какъ въ сенатъ, такъ и синодъ члены назначались по усмотрѣнію самого царя.



СМѢЛЫЙ ОТВѢТЪ КН. Я. ДОЛГОРУКОВА (№ 17).

Картина 17.

СМѢЛЫЙ ОТВѢТЪ КНЯЗЯ Я. ДОЛГОРУКОВА.



Бывши за границей, Петръ видѣлся съ однимъ изъ знаменитѣйшихъ ученыхъ того времени, Лейбницемъ; долго они бесѣдовали и Лейбницъ настаивалъ на томъ, что прежде всего Россія нуждается въ просвѣщеніи; Петръ, признавая необходимость просвѣщенія, полагалъ однакожъ, что для Россіи прежде всего нужны хорошіе законы и хорошее управленіе. Мысль Лейбница была вѣрнѣе. Недостоточно дать законы народу, надобно, чтобъ онъ въ состояніи былъ ихъ понять и оцѣнить по достоинству, а безъ образованія это дѣло невозможное. Такъ оно и вышло. Воля царя исполнялась, но не по убѣжденію въ ея разумности, а только изъ страха; поэтому самыя мудрыя и самыя благодѣтельныя его учрежденія возбуждали ропотъ во всѣхъ сословіяхъ, которыя почти всѣ одинаково были невѣжественны, одинаково пропитаны суевѣріемъ, предразсудками. За многія нововведенія и преобразованія въ народѣ называли царя нѣмцемъ-подкидышемъ, антихристомъ. Самые даже близкіе люди, во многомъ ревностные и даровитые его помощники, какъ напримѣръ, Апраксинъ и Меншиковъ, и тѣ вели себя нечестно и не разъ бывали уличены въ лихоимствѣ и самоуправствѣ. Между всѣми окружавшими царя, можно сказать, былъ одинъ только человѣкъ, который за правду готовъ былъ пожертвовать жизнію и безбоязненно высказывалъ правду царю. Это былъ князь Яковъ Долгоруковъ, котораго царь въ шутку называлъ *дядею*. Одинъ разъ въ Петербургѣ оказался недостатокъ въ мукѣ и городу угрожалъ голодъ; поэтому случаю въ сенатѣ состоялся указъ — собрать по четверику съ крестьянъ ближайшихъ къ Петербургу мѣстностей. Царь одобрилъ рѣшеніе сената; но Долгоруковъ въ это время не присутствовалъ въ сенатѣ, а когда ему предложили подписать состоявшійся поэтому дѣлу протоколъ, то онъ его запечаталъ и тѣмъ пріостановилъ исполненіе указа. Узнавъ объ этомъ, царь пріѣхалъ въ сенатъ и тотчасъ послалъ за Долгоруковымъ; но его не нашли дома. Царь приказалъ отыскать и сказать ему, чтобъ онъ немедленно явился. Посланный отыскалъ его въ церкви и объявилъ волю царя; князь на это сказалъ только: «Воздадите Божіе Богови!» и остался дослушивать обѣдню. Царь три раза посылалъ за нимъ; но онъ явился только по окончаніи литургіи. Петръ, говорятъ, до того былъ раздраженъ, что, увидавъ Долгорукова, бросился на него съ поднятой рукой; но князь нисколько не смутился и спокойно сказалъ: «вотъ грудь моя, но ты будешь Александръ, а я буду Клитъ»*). При этихъ словахъ царь опустилъ руку и тогда Долгоруковъ объяснилъ ему, что, не обременяя новыми поборами и безъ того уже разоренныхъ крестьянъ, можно, до прибытія ожидаемыхъ транспортовъ съ хлѣбомъ, позаимствовать изъ богатыхъ житницъ Меншикова и другихъ вельможъ, не исключая и его самого, Долгорукова. Выслушавъ это, царь обнялъ правдиваго старика и исполнилъ его совѣтъ.

Невѣжественное, упорное, упрямое противодѣйствіе встрѣтилъ Петръ во всемъ своемъ народѣ, за исключеніемъ очень не многихъ, когда при-

*) Александръ македонскій, древній греческій царь, въ горячности убилъ друга своего, Клита, за то, что онъ сказалъ ему правду.

ступилъ къ преобразованію всего государственнаго строя; такое же точно противодѣйствіе онъ встрѣтилъ и въ своей родной семьѣ; но и тутъ онъ дѣйствовалъ съ такимъ же самоотверженіемъ: не пощадилъ ни жены, ни сына.—Петру было всего 17 лѣтъ, когда онъ, по волѣ своей родительницы, женился на Евдокіи Федоровнѣ Лопухиной, дѣвушкѣ безъ всякаго образованія, пропитанной всѣми предразсудками и повѣрьями своего времени. Ясно, что при своихъ темныхъ понятіяхъ обо всемъ, Евдокія не могла сочувствовать Петру, который жилъ не по обычаю прежнихъ царей, не могъ быть сиднемъ; являлся онъ въ домѣ своемъ только гостемъ, да и тутъ не находилъ себѣ ни одобренья, ни утѣшенья. Не смотря однакожъ на нерасположеніе къ женѣ своей, Евдокіи, и ея родственникамъ, Петръ очень былъ обрадованъ, когда въ 1690 году, вскорѣ послѣ окончанія суда надъ Шекловитымъ и его сообщниками, родился наслѣдникъ, царевичъ Алексѣй. Но такъ какъ съ этого времени начинается самая кипучая дѣятельность Петра, то царевичъ рѣдко видѣлъ отца, да и встрѣчалъ его всегда съ нѣкоторою боязнію, которую внушали ему и мать и всѣ его окружавшіе. Какъ Петръ, будучи ребенкомъ, видѣлъ постоянно слезы матери и слышалъ безпрерывно жалобы на враговъ его семейства, такъ и царевичъ Алексѣй видѣлъ безпрерывно слезы и слышалъ жалобы, но только не на враговъ своего семейства, а на своего роднаго отца. При этомъ, конечно, отецъ представлялся ребенку какимъ-то мучителемъ его матери и слѣдовательно онъ не могъ его любить. Это нерасположеніе къ отцу еще болѣе усилилось въ царевичѣ, когда у него отняли мать и отправили ее въ монастырь, подъ именемъ старицы Елены. Родня и приверженцы Евдокіи не были удалены и, разумѣется, не пропустили случая выказать царевичу рѣшеніе отца относительно къ его матери — несправедливымъ и жестокимъ, а онъ могъ уже понять это, потому что ему было тогда восемь лѣтъ. Шести лѣтъ царевича начали учить грамотѣ, для чего былъ избранъ князь Вяземскій, принадлежавшій тоже къ старому времени и человѣкъ совершенно ничтожный: подъ его то надзоромъ остался царевичъ и по разлукѣ съ матерью. Петръ хотѣлъ отправить сына для воспитанія за границу, въ Дрезденъ, но исполненію этого намѣренія помѣшала, кажется, сѣверная война. Поэтому Петръ избралъ сыну наставникомъ иностранца, очень образованнаго человѣка, барона Гюйссена и поручилъ также наблюденіе за воспитаніемъ царевича Меншикову. Не смотря однакожъ на это, Алексѣй по прежнему оставался большею частію въ кругу прежнихъ своихъ друзей: Вяземскаго, роднаго дяди своего, Лопухина, Кикина, монаховъ и поповъ. Эти люди не столько по своему невѣжеству и приверженности къ старинѣ, сколько изъ собственныхъ корыстныхъ видовъ, старались всѣми силами развивать въ царевичѣ отвращеніе къ дѣятельности и ко всѣмъ нововведеніямъ отца его, а также и ко всѣмъ сочувствующимъ этимъ нововведеніямъ, ко всѣмъ иностранцамъ. Поэтому царевичъ, хотя и могъ бы съ успѣхомъ учиться, но пренебрегалъ всѣми тѣми знаніями, которыхъ требовалъ отъ него Петръ, какъ отъ своего наслѣдника, чтобы онъ поддержалъ начатое имъ преобразованіе народа. За то съ особенной любознательностію, онъ занимался чтеніемъ духовныхъ книгъ и находилъ большое наслажденіе въ бесѣдѣ съ тѣми, съ кѣмъ можно было поговорить о церковныхъ дѣлахъ. При этомъ, можетъ быть по самой природѣ своей, а можетъ быть и вслѣдствіе воспитанія, царевичъ былъ не способенъ къ напряженной дѣятельности; онъ любилъ покой и домосѣдство, а подвижность, какою отличался отецъ его, казалась ему невыносимою мукою. Петръ, повидимому, зналъ обо всѣхъ наклонностяхъ сына, потому что когда царевичъ былъ въ Нарвѣ, по взятіи этого города въ 1704 году, то онъ сказалъ ему: «Мы благодаримъ Бога за побѣду. Побѣды отъ Него; но мы, съ своей стороны, должны употреблять всѣ силы для ихъ полученія. Я взялъ тебя въ походъ показать тебѣ, что я не боюсь ни труда, ни опасностей. Я сегодня и завтра могу умереть; но знай, что мало радости получишь, если не будешь слѣдовать моему примѣру. Ты долженъ любить все, что служитъ ко благу и чести отечества, долженъ любить вѣрныхъ совѣтниковъ и слугъ, будутъ ли они чужіе или свои, и не щадить трудовъ для общаго блага. Если совѣты мои разнесетъ вѣтеръ и ты не захочешь дѣлать того, что я желаю, то я не признаю тебя своимъ сыномъ; я буду молить Бога, чтобъ Онъ наказалъ тебя въ этой и будущей жизни». Царевичъ, цѣлуя руки отца, клялся во всемъ подражать ему; но исполнить этого онъ не могъ; для этого нужно было совершенно измѣниться, переродиться, перевоспитаться, оттолкнуть отъ

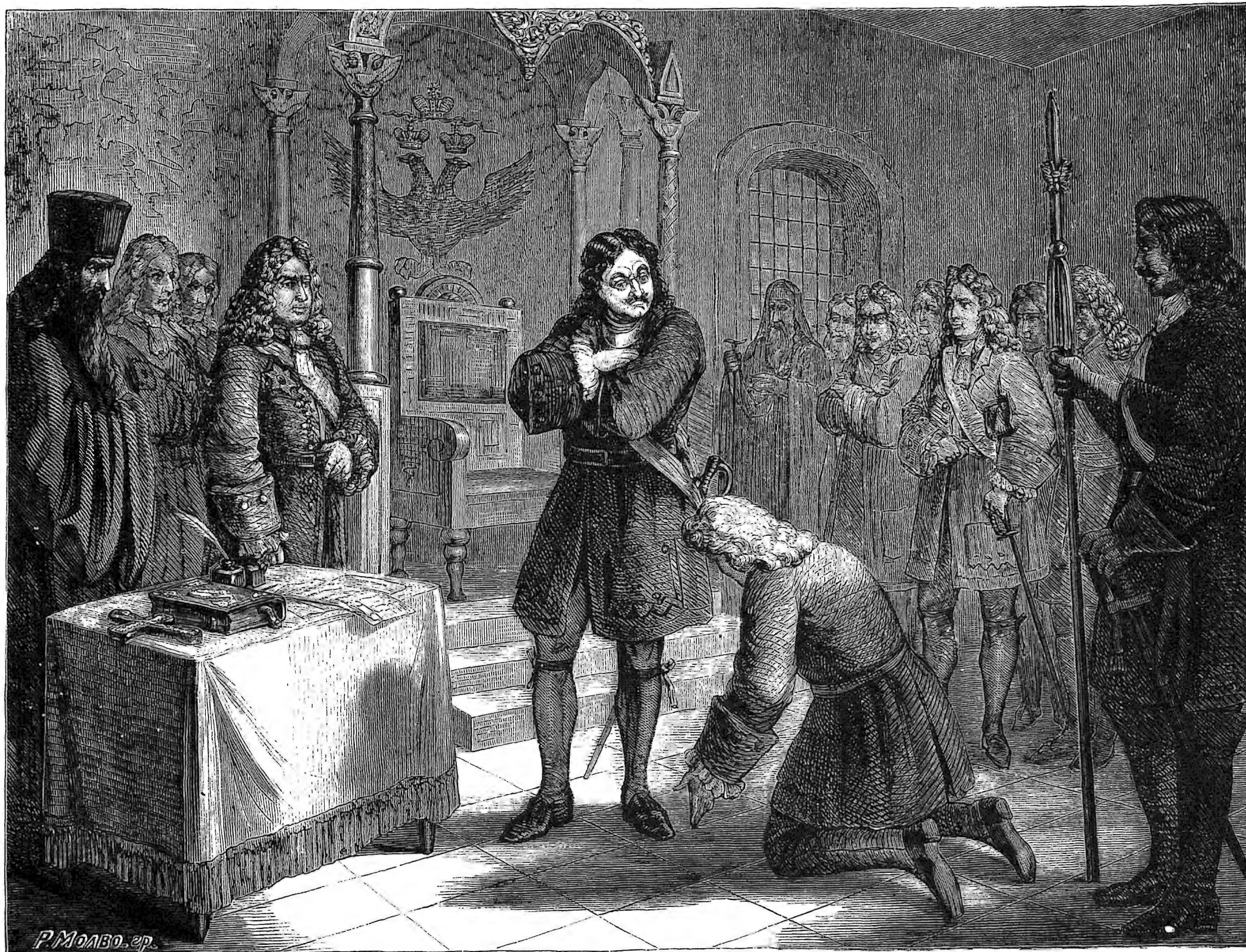
себя друзей матери, забыть и о ней самой. Какъ царица Наталья Кирилловна думала измѣнить Петра женитьбою, такъ и Петръ думалъ измѣнить царевича—тоже женитьбой и также ошибся, какъ и мать его. Въ 1711 году Петръ пріискалъ царевичу невѣсту, брауншвейскую принцесу, Шарлоту, съ которой онъ вступилъ въ бракъ, хотя и безъ отвращенія; но все таки не по волѣ, а по приказанію отца. Принцеса, оставшись при своемъ прежнемъ лютеранскомъ исповѣданіи, осталась и вполнѣ нѣмкою; она не хотѣла, не считала нужнымъ сближаться съ русскими, и весь ея дворъ состоялъ исключительно изъ иностранцевъ, которые, конечно, не могли дать ей вѣрнаго понятія о Россіи, возбудить въ ней любовь къ ея новому отечеству. Поэтому такое супружество не могло имѣть вліянія на наклонности Алексѣя и онъ дѣйствительно ни въ чемъ нисколько не измѣнился; онъ по прежнему проводилъ время съ своими друзьями, даже не прекратилъ своей прежней связи съ крѣпостною Вяземскаго, Афросиньей, которая имѣла надъ нимъ большую силу. Петръ ясно видѣлъ, что надежды его не сбылись и сильно сердился; но сердился только на одного сына, который поэтому всячески избѣгалъ встрѣчи съ отцомъ и съ его приближенными. Онъ даже сказывался больнымъ, когда приходилось ему быть на какомъ нибудь придворномъ празднествѣ.

Картина 18.

ЦАРЕВИЧЪ АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ.



Неудовольствіе между отцомъ и сыномъ, даже, можно сказать, озлобленіе одного противъ другаго, старались поддерживать и усиливать одинаково, какъ враги преобразователя, такъ и самые близкіе ему люди. Вступленіе на престолъ Алексѣя для первыхъ было бы торжествомъ, для вторыхъ — погибелью; поэтому послѣдніе, въ томъ числѣ, можно думать, и сама Екатерина, должны были употреблять всѣ усилія, чтобъ устранить царевича отъ престола. Это оказывалось возможнымъ и по изданному въ 1714 году закону, которымъ предоставлялось отцамъ право передавать имѣніе свое одному изъ своихъ сыновей, если другіе, по ихъ мнѣнію, окажутся недостойными. Екатерина могла надѣяться, что престолъ можетъ быть переданъ Петромъ кому либо изъ ея дѣтей. И дѣйствительно, вскорѣ, послѣ кончины супруги царевича, оставившей впрочемъ по себѣ двухъ малютокъ — сына Петра и дочь Наталью, царица родила сына, названнаго тоже Петромъ. Рожденіе этого младенца можетъ быть рѣшило царя написать къ царевичу грозное письмо, въ которомъ между прочимъ сказано: «я есмь человѣкъ и смерти подлежу; то кому съ помощію Вышняго насажденное, а уже нѣкоторое и возращенное, оставлю? Тому, иже уподобился лѣнивому рабу евангельскому, вкопавшему талантъ свой въ землю?... Что я съ горестію размышляя, и видя, что ничѣмъ тебя склонить не могу къ добру, за благо изобралъ сей послѣдній тестаментъ (завѣщаніе) тебѣ написать и еще мало подождать, аще не лицемѣрно обратишься. Ежели же *ни*, то извѣстенъ будь, что я вельми тебя наслѣдства лишу, яко удъ гангренный (какъ членъ зараженный); и не мни себѣ, что одинъ ты у меня сынъ и что я сіе только въ устрастку пишу; воистину, Богу изволшу, исполню; ибо я за свое отечество никогда живота своего не жалѣлъ и не жалѣю, то какъ могу тебя, непотребнаго, пожалѣть? Лучше будь чужой добрый, чѣмъ свой непотребный». Получивъ такое письмо, царевичъ немедленно созвалъ своихъ друзей; на совѣтѣ было рѣшено, чтобъ онъ отрекся отъ престола, разумѣется, только для успокоенія отца; потому что это нисколько не помѣшаетъ ему по смерти его вступить на престолъ. При этомъ одинъ изъ князей Долгоруковыхъ шутливо замѣтилъ, что это вѣдь *не запись съ неустойкой*. Царевичъ принялъ совѣтъ и отвѣчалъ царю собственноручнымъ письмомъ, въ которомъ между прочимъ говорилъ: «понеже вижу себя къ дѣлу неудобна и непотребна, того ради наслѣдія (дай, Боже, вамъ многолѣтное здравіе) Россійскаго по васъ (хотя бы и брата у меня не было, а нынѣ, слава Богу, братъ у меня есть, которому дай Богъ здравіе) не претендую и впредь претендовать не буду, въ чемъ Бога свидѣтеля полагаю на душу мою, и, ради истиннаго свидѣтельства, сіе пишу своею рукою». Письмо это не только не успокоило Петра; но, напротивъ, до того раздражило, что онъ тяжело и опасно заболѣлъ, такъ что онъ счелъ нужнымъ пріобщиться св. таинъ, послѣ чего ему сдѣлалось лучше. Оправившись отъ болѣзни онъ отвѣчалъ сыну; въ отвѣтѣ были выражены слѣдующія мысли: «когда нынѣ не боишься, то какъ по мнѣ станешь завѣтъ хранить? Что приносишь клятву, тому вѣрить не-



ЦАРЕВИЧЪ АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ. (№ 18).

возможно по твоему жестокосердію. Да хотя бъ и истинно хотѣлъ хранить, то могутъ тебя склонить и принудить большія бороды (приверженцы къ старинѣ), къ которымъ ты и нынѣ склоненъ зело. Всѣмъ извѣстно есть, что ты ненавидишь дѣлъ моихъ, которыя я для людей народа своего, не жалѣя здоровья своего, дѣлаю, и конечно по мнѣ разорителемъ будешь. Того ради такъ остаться, какъ желаешь быть ни рыбою, ни мясомъ, невозможно; но или отмѣни свой нравъ и нелицемѣрно удостой себя наслѣдникомъ, или будь монахъ; ибо безъ сего духъ мой спокоенъ быть не можетъ, а особливо, что нынѣ мало здоровъ сталъ». Вслѣдствіе этого письма снова собрался совѣтъ у царевича и Кикинъ при этомъ сказалъ: «Чтожъ, вѣдь клобукъ не прибитъ къ головѣ гвоздемъ; придетъ время, такъ можно его и снять, а пока монастырь спокойное убѣжище; теперь хорошо, а кто вѣдаетъ, что впередъ будетъ?» Къ этому прибавилъ Вяземскій: «Когда нѣтъ иной дороги, то итти въ монастырь, да пошли по отца духовнаго и скажи ему, что ты принужденъ итти въ монастырь, чтобъ онъ вѣдалъ и сказалъ архіерею Рязанскому (Стефану Яворскому). Совѣтъ былъ принятъ и на другой день, 20 января, Петръ получилъ такой отвѣтъ отъ сына: «Милостивѣйшій государь батюшка! Письмо ваше я получилъ, на которое больше писать за болѣзнію своею не могу. Желаю монашескаго чина и прошу о семъ милостиваго позволенія. Рабъ вашъ и непотребный сынъ Алексѣй». Такой отвѣтъ долженъ былъ окончательно убѣдить Петра, что ему ничего болѣе не остается, какъ исполнить свою угрозу, постричь сына въ монахи и тѣмъ навсегда устранить его отъ вступленія на престолъ; но видно трудно было ему на это рѣшиться. Передъ отъѣздомъ за границу, онъ зашелъ къ сыну проститься, который въ это время сказывался больнымъ и между прочимъ сказалъ ему: «одумайся, не спѣши... не легко это молодому человѣку; я еще подожду полгода». Но и эти милостивыя слова отца не подѣйствовали на огрубѣлую душу сына, который при этомъ очень былъ доволенъ тѣмъ, что дѣло откладывалось вдаль; что можетъ быть ему и не придется надѣть клобукъ и разстаться съ своей любезной Афросиньей. Онъ рѣшился ни въ чемъ не уступать отцу, выказывая себя при этомъ ни къ чему неспособнымъ и покорнымъ его волѣ. Онъ зналъ, что большинство народа на его сторонѣ, что къ этому большинству принадлежатъ всѣ утомленные безустанной дѣятельностію Петра, что къ числу утомленныхъ принадлежатъ и важнѣйшіе изъ сановниковъ, самые приближенные къ царю. Болѣе же всего онъ надѣялся на духовенство и простонародье, что видно изъ его собственныхъ словъ. «Плюю я на нихъ (сановниковъ), говорилъ онъ, здорова мнѣ была бы чернь. Когда время будетъ безъ батюшки, тогда я шепну архіереямъ, архіереи приходскимъ священникамъ, а священники прихожанамъ, тогда они (вельможи Петровы) и не хотя меня владѣтелемъ учинятъ». Заручась этой мыслію онъ и не думалъ посылать отцу своей резолюціи, а Кикинъ между тѣмъ отправился за границу, чтобы тамъ пріискать царевичу на время безопасное мѣсто. Прошло полгода и Петръ, письмомъ изъ Копенгагена, потребовалъ отъ сына послѣдняго рѣшительнаго отвѣта: или немедленно вступить въ монастырь, или пріѣхать къ нему, если онъ передумалъ. Письмо это открывало царевичу дорогу за границу, что ему и нужно было; поэтому онъ отвѣчалъ отцу, что ѣдетъ къ нему. Онъ и дѣйствительно немедленно выѣхалъ изъ Петербурга, при чемъ получилъ отъ Меншикова значительную сумму на путевыя издержки; но онъ поѣхалъ не къ отцу, а взявши съ собой свою Афросинью, отправился прямо въ Вѣну, къ императору Карлу VI, надѣясь, что онъ, какъ родственникъ его покойной жены, не откажетъ ему въ защитѣ. Онъ и не ошибся, императоръ дѣйствительно рѣшился дать ему у себя убѣжище, укрыть отъ преслѣдованій отца; но содержать это тайно; поэтому царевичъ былъ отправленъ въ Тироль, въ горный уединенный замокъ; но при этомъ и коменданту даже не было сообщено — кого поручаютъ ему охранять. Вѣсть о томъ, что царевичъ, выѣхавъ заграницу, куда-то исчезъ, сильно поразила Петра, какъ потому, что родной его сынъ выставлялъ его тираномъ передъ лицемъ всей Европы, такъ и потому, что удаленіе царевича за границу, по смерти царя, могло быть поводомъ къ новымъ смутамъ въ Россіи, которыя могли уничтожить все сдѣланное имъ. Между посланными для отысканія царевича особенной ловкостью отличился Толстой; онъ вскорѣ напалъ на слѣдъ царевича, хотя его успѣли уже перевезти тайно въ Неаполь. Узнавши о мѣстопребываніи царевича, Петръ строго потребовалъ отъ императора, чтобъ онъ выдалъ ему сына. Им-

ператоръ не хотѣлъ выдать прямо царевича, давши ему у себя убѣжище; но впрочемъ предоставилъ Толстому видѣться съ нимъ и обѣщалъ не препятствовать царевичу возвратиться въ Россію, если онъ на это согласится. Толстой явился къ царевичу съ письмомъ, въ которомъ царь обѣщалъ сыну полное прощеніе, если онъ немедленно возвратится; но не смотря ни на обѣщанія отца, ни на краснорѣчивыя увѣщанія Толстаго, онъ тогда только рѣшился возвратиться въ Россію, когда Толстой отъ имени царя сказалъ царевичу, что ему позволено будетъ жениться на Афросиньѣ и жить въ одномъ изъ своихъ имѣній, отрекшись, разумѣется, навсегда отъ престола. Обольщенный этимъ обѣщаніемъ, которое, конечно, очень нравилось и Афросиньѣ, царевичъ отправился въ Москву, куда и прибылъ въ началѣ 1718 года. Петръ не могъ исполнить своихъ обѣщаній, потому что эти обѣщанія были только необходимымъ средствомъ къ тому, чтобъ недопустить ничьяго посторонняго вмѣшательства въ дѣло его съ сыномъ, который своимъ безразсудствомъ могъ уничтожить все вліяніе Россіи, только что пріобрѣтенное съ такимъ усиліемъ, съ такими пожертвованіями всего народа. Поэтому, царевичъ былъ принятъ царемъ, какъ государственный преступникъ; онъ введенъ былъ въ кремлевскій дворецъ безъ шпаги, какъ арестованный офицеръ, гдѣ, въ присутствіи всѣхъ важнѣйшихъ сановниковъ — духовныхъ и свѣтскихъ, онъ долженъ былъ немедленно подписать свое отреченіе отъ престола, о чемъ тотчасъ же было возвѣщено всему народу манифестомъ, въ которомъ между прочимъ говорилось: «Сожалѣя о государствѣ своемъ и вѣрныхъ подданныхъ, дабы отъ такого властителя наипаче прежняго въ худое состояніе не были приведены; властію отцовскою и яко, самодержавный государь, мы лишаемъ сына своего Алексѣя наслѣдства по насъ престола всероссійскаго, хотя бы ни единой персоны нашей фамиліи по насъ не оставалось».

Отъ всякаго другаго взысканія царевичъ избавлялся только подъ тѣмъ условіемъ, что онъ откровенно укажетъ на всѣхъ своихъ сообщниковъ въ дѣлѣ побѣга. По этому на другой же день, 4 февраля, ему предложены были письменные пункты о сообщникахъ, при чемъ царь написалъ ему: «Все что къ сему дѣлу касается, хотя что здѣсь и не написано, то объяви и очисти себя, какъ на сущей исповѣди, а ежели что укроешь явно и потомъ будетъ, на меня не пеняй: понеже вчерась предъ всѣмъ народомъ объявлено, что за сіе и пардонъ не въ пардонъ». Царевичъ, по своему слабодушію, думая только о томъ какъ бы себя спасти, указалъ на самыхъ близкихъ своихъ совѣтниковъ — Кикина, Вяземскаго, царевну Марію Алексѣевну и нѣкоторыхъ другихъ; сознался, что писалъ письмо изъ за-границы въ сенатъ и нѣкоторымъ архіереямъ. Началось немедленно слѣдствіе по тогдашнему — съ розыскомъ, т. е. пытками; началось слѣдствіе не только надъ царевичемъ и его ближайшими «пособниками»; но одновременно и надъ его матерью въ Суздалѣ, куда она была отправлена на жительство монахинею и гдѣ дѣйствительно вела жизнь неприличную не только для монахини, а и вообще для женщины. Находясь въ сношеніяхъ съ своими родственниками, Лопухиными и царевной Маріей Алексѣевной, она не теряла надежды возвратиться ко двору и основывала свою надежду на томъ, что царевичъ, какъ она выражалась, «уже изъ пеленокъ вывалился». Болѣе же всѣхъ поддерживалъ въ ней эту надежду епископъ Рязанскій, Досифей, который даже на эктеніяхъ поминалъ ее царицею; пользуясь ея суевѣріемъ, онъ предсказывалъ ей, будто бы по бывшимъ ему видѣніямъ, близкую смерть Петра, а слѣдовательно и окончаніе ея заточенія. Слѣдствіе надъ царевичемъ и оказавшимися причастными къ его дѣлу, сначала въ Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ, продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ; наконецъ въ манифестѣ были объявлены народу всѣ вины царевича, изображена вся его жизнь; но Петръ не рѣшился быть судьею въ собственномъ дѣлѣ, которое, какъ видно изъ собственныхъ его словъ, было страшною пыткою для его души. «Страдаю, выразился онъ, а все за отечество; желаю ему полезное; враги же пакости мнѣ дѣютъ демонскія; труденъ разборъ невинности моей тому, кому дѣло сіе невѣдомо, Богъ зритъ правду». Іюня 13 царь созвалъ высшее духовенство, министровъ, сенаторовъ, генералитетъ и изъ нихъ была составлена судная коммисія, въ которой участвовало 127 человѣкъ. Въ наказѣ духовнымъ говорилось: «исполните безъ всякаго лицемѣрства и лицепріятія, въ чемъ заклинаемъ васъ судомъ Божіимъ и священствомъ вашимъ». Наказъ свѣтскимъ лицамъ заключался слѣдующими словами: «Прошу васъ, дабы истиною сіе дѣло вершили, чему достойно; не смотря на лице, сдѣлайте правду и не по-

губите душъ своихъ и моей, чтобъ совѣсти наши остались чисты въ день страшнаго испытанія и очетество наше безбѣдно». Духовные въ своемъ разсужденіи, представленномъ Петру, склонялись на прощеніе, указывая на милосердіе Христа, который отпустилъ свободною даже блудницу, достойную побіенія каменьями. Свѣтскіе чины хотѣли удостовѣриться дѣйствительно ли Алексѣй виновенъ въ возмутительныхъ замыслахъ противъ отца государя. Для этого царевича привозили изъ крѣпости въ сенатъ и два раза его жестоко пытали. Не далѣе, какъ 24 іюля состоялся приговоръ, въ которомъ духовенство не приняло участія; свѣтскіе судьи всѣ единогласно объявили царевичу смертную казнь и приговоръ ихъ, утвержденный царемъ, былъ ему объявленъ. Но, повидимому, не рѣшились, на равнѣ съ простыми подданными, казнить сына царскаго. Въ записной книгѣ С-Петербургской гварнизонной канцеляріи записано: *«26 іюля по полуночи въ 8 часу начали сбираться въ гварнизонъ его величества, свѣтлѣйшій князь, кн. Як. Фед. Долгорукій, Головкинъ, Апраксинъ, Мусинъ-Пушкинъ, Стрѣшневъ, П. Ан. Толстой, Шафировъ, генералъ Бутурлинъ; и учиненъ былъ застѣнокъ, и потомъ, бывъ въ гварнизонѣ до 11 часа, разъѣхались. Тогожъ числа пополудни въ 6 часу, будучи подъ карауломъ въ Трубецкомъ раскатѣ въ гварнизонѣ, царевичъ Алексѣй Петровичъ преставился»*. Іюля 30 дня царевичъ былъ похороненъ въ Петропавловскомъ соборѣ въ одномъ склепѣ съ женою, въ присутствіи царя и царицы. Главнѣйшіе изъ пособниковъ царевича и подстрекателей Евдокіи, послѣ страшныхъ пытокъ были казнены; другіе отправлены въ дальнія мѣста, монастыри и крѣпости. Царевна Марія Алексѣевна была заключена въ Шлиссельбургскую крѣпость, а инокиня Елена (Евдокія) отправлена въ Ладогу, въ женскій монастырь.

Картина 19.

СПАСЕНІЕ СОЛДАТЪ НА ЛАХТѢ ПЕТРОМЪ I.



Не даромъ сказалъ Петръ сенаторамъ въ Троицкомъ соборѣ по заключеніи мира со шведами: «надѣясь на миръ, не надлежитъ ослабѣвать въ воинскомъ дѣлѣ». Въ головѣ его уже созидались новые планы для славы и могущества Россіи. Для Европы было сдѣлано уже довольно: она узнала Россію и вошла съ нею въ тѣсную государственную связь. Послы русскіе находились въ Парижѣ, Лондонѣ, Мадритѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, Гагѣ, Копенгагенѣ, Стокгольмѣ; послы европейскіе находились при дворѣ царя, которому титулъ императора немедленно подтвердили Голландія, Пруссія и Швеція. Польша, гдѣ безвыходно стояли русскія войска, не смѣла возражать противъ присоединенія къ Россіи Риги; Курляндія находилась подъ опекой Петра и онъ распоряжался герцогствомъ, какъ хотѣлъ. Вновь открытые порты на Балтійскомъ морѣ призывали европейскую торговлю въ его новую столицу. Но при всемъ этомъ торжествѣ на западѣ Европы, Черное море было заперто для русскаго флота и торговли; Азовъ, свидѣтель первыхъ воинскихъ подвиговъ Петра, находился въ рукахъ турокъ; Крымъ оставался, если не опаснымъ, но за то всетаки безпокойнымъ сосѣдомъ Россіи. Не безъ досады, конечно, на все это смотрѣлъ Петръ; но теперь особенное вниманіе его было обращено не на Черное, а на Каспійское море; овладѣвъ имъ, онъ надѣялся всю торговлю Европы съ Китаемъ, Персіей и вообще съ среднею Азіей направить черезъ Россію, что доставило бы ей огромныя выгоды. Теперь, при усовершенствованіи мореплаванія и при паровыхъ судахъ, избранъ для этой торговли путь вокругъ мыса Доброй Надежды; но въ Петрово время путь этотъ считался опаснымъ, а Индѣйское море было наполнено пиратами (морскими разбойниками); поэтому Петръ дѣйствительно могъ расчитывать, что для европейскихъ торговцевъ удобнѣе будетъ вести свои дѣла съ Азіею черезъ Россію. Конечными пунктами этого торговаго пути предназначались на западѣ — Петербургъ и Рига, а на востокѣ — Астрахань, издавна производившая довольно дѣятельную торговлю съ Персіей, откуда обыкновенно отправлялись къ китайскимъ границамъ сухопутные караваны. Естественною связью между этими двумя пунктами могла служить р. Волга, съ помощію каналовъ Вышневолоцкаго и Ладожскаго, на прорытіе которыхъ, конечно, требовались огромныя издержки и тысячи рабочихъ; но Петра не останавливали ни какія затрудненія. Поэтому, къ исполненію своей богатырской мысли онъ приступилъ немедленно Онъ, можно сказать, одновременно



СПАСЕНІЕ СОЛДАТЪ НА ЛАХТѢ. (№ 19).

думалъ и производилъ. Еще въ 1717 году, съ довольно сильнымъ отрядомъ казаковъ, былъ отправленъ въ Хиву очень способный офицеръ, Бековичъ, которому поручено было войти въ сношенія съ хивинксимъ ханомъ, при чемъ Петръ имѣлъ въ виду подчинить власти какъ Хиву, такъ и Бухарію, чтобы проложить свободный торговый путь въ Индію. Бековичъ довольно счастливо пробрался почти до самой Хивы; но по излишней довѣрчивости былъ измѣннически убитъ въ самомъ станѣ хана и весь сопровождавшій его отрядъ былъ истребленъ на возвратномъ пути. Въ 1719 году было отправлено большое посольство въ Китай, чтобъ возобновить съ богдыханомъ дружескія отношенія, который запретилъ пускать русскихъ купцовъ на китайскія земли, будучи встревоженъ тѣмъ, что русскіе заняли Камчатку, Курильскіе острова и стали селиться по Амуру. Но какъ и это посольство не имѣло успѣха, то оставалось одно средство къ выполненію задуманнаго: овладѣть Каспійскимъ моремъ, что было особенно удобно при тогдашнемъ разстроенномъ положеніи Персіи, сильно страдавшей отъ междоусобій. Притомъ же Персія не только могла служить промежуточнымъ пунктомъ на пути въ Индію, куда стремились всѣ европейскія правительства, считая ее не исчерпаемымъ источникомъ сокровищъ; но и сама по себѣ Персія, изобилующая шелкомъ и драгоцѣнными каменьями, представляла также богатый источникъ для торговли. При безпорядкахъ, бывшихъ въ то время въ Персіи, многіе города были опустошены, разграблены: такой участи подвергся и городъ Шемаха, находящійся въ нынѣшнемъ нашемъ Закавказьи; при этомъ пострадали и наши русскіе, имѣвшіе тамъ довольно значительныя торговыя дѣла. Это и было поводомъ къ тому, чтобы подъ такимъ благовиднымъ предлогомъ двинуться во владѣнья персидскаго шаха, который ослабленный междоусобіями положительно былъ не въ состояніи удовлетворить за разграбленіе нашихъ купцовъ. Посланный въ Персію для переговоровъ подполковникъ Волынскій, возвратясь оттуда, доставилъ подробныя свѣдѣнія о странѣ и ему предписано было изготовить всѣ нужные снаряды и припасы въ Казани; а потомъ, чтобы пользоваться его свѣдѣніями и знаніемъ края, Петръ назначилъ его губернаторомъ въ Астрахань. Въ Москвѣ, еще продолжались пиршества по поводу заключенія Ништадскаго мира, а войска уже двигались на югъ, не зная куда и зачѣмъ они идутъ? Перезимовавъ въ Владимірской губерніи и другихъ приволжскихъ областяхъ, весною они поплыли по Волгѣ къ Астрахани, куда въ слѣдъ за ними отправился и самъ Императоръ: 15 мая 1722 года, при многочисленномъ стеченіи народа, послѣ молебна въ Успенскомъ соборѣ, онъ сѣлъ на стругъ (плоскодонное судно) и поплылъ по Москвѣ рѣкѣ. Въ Астрахани, благодаря расторопности Волынскаго, все уже было готово къ перевозу войскъ моремъ до персидскаго залива; пѣхота, болѣе двадцати тысячъ человѣкъ, немедленно было посажена на суда, а около половины іюля двинулись сухимъ путемъ казаки. Сборнымъ мѣстомъ для нашихъ войскъ былъ избранъ, какъ конечный пунктъ русскихъ владѣній, городъ Тарки, близъ устья Терека впадающаго въ Каспійское море. Отдохнувъ здѣсь и оправившись отъ переходовъ все войско, подъ предводительствомъ самаго царя, двинулось къ Дербенту. Такъ какъ Петръ всюду посылалъ увѣдомленія, что онъ, какъ союзникъ хана, пришелъ защищать вѣрныхъ его подданныхъ отъ бунтовщиковъ, разорителей, то большею частью старшины и правителя мѣстныхъ народцевъ, не только не оказывали ни какого сопротивленія, но даже снабжали войска наши всѣмъ нужнымъ. Въ концѣ августа Дербентъ былъ занятъ безъ выстрѣла, а за этимъ городомъ лежали уже тѣ богатыя земли, завладѣть которыми было конеченою цѣлью Петра. Въ осуществленіи этого предположенія встрѣтилось однакожъ большое и непредвиденное затрудненіе; доставка провіанта Каспійскимъ моремъ, очень бурливымъ осенью, оказалось неудобною, отчего войско, зашедшее въ такую даль, могло бы остаться безъ продовольствія. Поэтому царь рѣшился возвратиться въ Россію, оставя гарнизонъ въ Дербентѣ, какъ уже въ принадлежащемъ намъ пунктѣ. Впрочемъ войска наши всетаки успѣли занять нѣсколько персидскихъ прибрежныхъ провинцій съ городами Ряща и Баку. Персидскій ханъ, стѣсненный внутренними врагами, выгнанный даже изъ своей столицы, чтобы получить отъ насъ помощь, и вновь укрѣпиться на царствѣ, утвердилъ формальнымъ договоромъ уступку своихъ прикаспійскихъ провинцій Россіи. Въ началѣ декабря Петръ возвратился въ Москву и торжественно вступилъ въ свою древнюю столицу. Передъ нимъ вели плѣнныхъ, несли ключи Дербента и знамена непріятельскія.

Походъ его казался какимъ-то чудомъ и видя государя своего, загорѣвшаго отъ персидскихъ жаровъ, сильно измѣнившагося, народъ плакалъ въ умиленіи. По возвращеніи государя въ Петербургъ — первымъ его дѣломъ было разобрать ссору между Шафировымъ и Меншиковымъ; слѣдствіемъ, наряженнымъ надъ ними, были открыты значительныя злоупотребленія, какъ со стороны одного, такъ и другого. Шафировъ кромѣ того произвелъ еще безчинство въ самомъ сенатѣ; поэтому онъ былъ приговоренъ къ смертной казни, вмѣсто которой однакожъ, по рѣшенію государя, была объявлена ему ссылка съ отобраніемъ его имѣнія. Меншиковъ удержался, но уже навсегда потерялъ прежнее расположеніе къ себѣ государя. Такая безнравственность высшихъ сановниковъ, самыхъ близкихъ къ престолу и при томъ способныхъ, талантливыхъ людей, ясно указывала на вѣрность мысли Лейбница, что человѣку прежде всего нужно умственное и нравственное развитіе, безъ чего онъ не можетъ отказаться ни отъ своего произвола, ни удерживаться отъ самыхъ пагубныхъ страстей. Повидимому, Петръ созналъ это вполнѣ, потому что въ послѣдніе годы своего царствованія сталъ еще болѣе обращать вниманіе на образованіе народа; онъ снова обратился за совѣтомъ къ знакомому ему Лейбницу и еще другому знаменитому германскому ученому-Вольфу. Оба они, для распространенія основательнаго образованія въ Россіи признали необходимымъ основать академію наукъ, которая должна была состоять изъ ученыхъ людей по всѣмъ отраслямъ знаній, на первый разъ, конечно, изъ иностранцевъ. Петръ радушно принялъ это предложеніе, имѣя въ виду, что при этихъ ученыхъ образуются и русскіе ученые, которые, замѣнивъ своихъ учителей, будутъ коренными просвѣтителями своего отечества. Къ несчастію, онъ не успѣлъ осуществить своей великой мысли: академія была открыта уже послѣ него и получила совсѣмъ не то направленіе, какое онъ предполагалъ ей дать. Довольный своимъ флотомъ, оказавшимъ уже важныя услуги Россіи, Петръ вздумалъ почтить тотъ маленькій ботикъ, который первый пробудилъ въ немъ страсть къ кораблестроенію. По приказанію царя ботъ этотъ былъ привезенъ въ Петербургъ, а оттуда на гальотѣ, 11 августа 1723 года, препровожденъ къ Кронштадту, чтобъ «дѣдушка русскаго флота» сдѣлалъ смотръ своимъ «внукамъ». Въ виду кронштадтской крѣпости знаменитый ботъ спустили на воду и 20 линѣйныхъ кораблей, множество фрегатовъ, яхтъ и другихъ мелкихъ судовъ, привѣтствовали своего знаменитаго *«дѣдушку»* продолжительною пальбою; его обвезли вокругъ всего флота и съ каждаго корабля, къ которому онъ подходилъ, его встрѣчали криками ура и барабаннымъ боемъ. Потомъ былъ устроенъ на берегу пиръ всѣмъ морскимъ чинамъ и императоръ, поднявъ покалъ, сказалъ: «пью за здорвье маленькаго дѣдушки, у котораго столько большихъ внуковъ!» Громкое ура было отвѣтомъ на эти слова. По окончаніи пиршества ботикъ отвезли въ Петербургъ, гдѣ онъ и теперь находится на петербургской сторонѣ, около церкви Св. Троица, подъ тѣмъ же навѣсомъ, которымъ прикрытъ «домикъ Петра великаго».

Петру, по возвращеніи его изъ Персіи, всего было только 51 годъ; лѣта незначительныя для человѣка такого тѣлосложенія, какимъ былъ надѣленъ Петръ; но необыкновенные труды и при томъ не совсѣмъ воздержная жизнь; безпрерывныя душевныя тревоги и тяжкія семейныя огорченія, все это вмѣстѣ преждевременно подломило его желѣзную натуру. Повидимому Петръ и самъ это чувствовалъ, потому что пренебрегая прежде леченьемъ, онъ сталъ довольно часто обращаться къ медицинской помощи и почти каждое лѣто отправлялся на минеральныя воды открытыя въ Олонецкой губерніи. Замѣтили и всѣ окружавшіе царя, что здоровье его уже крѣпко не надежно и стали тайкомъ поговаривать въ народѣ, что царь недолговѣченъ, а при этомъ, конечно, у каждаго являлся вопросъ: кто же станетъ на мѣстѣ царя богатыря? Это былъ жизненный вопросъ, какъ въ видахъ государственныхъ, такъ и въ видахъ двухъ противоположныхъ партій: съ одной стороны всѣхъ противниковъ преобразованія и съ другой самыхъ рьяныхъ его пособниковъ, большею частію выдвинутыхъ имъ изъ ничтожества, къ числу которыхъ принадлежала и сама Екатерина. А между тѣмъ дѣйствительно прямаго наслѣдника не было. Царевичъ, Петръ Петровичъ, умеръ младенцемъ вскорѣ послѣ несчастной смерти Алексѣя Петровича; сыну этого послѣдняго было всего восемь лѣтъ и притомъ вступленіе его на престолъ могло обратиться въ торжество «большихъ бородъ» и неминуемую погибель для

всѣхъ близкихъ Петру. Слѣдовательно, по самому чувству самохраненія, эти *близкіе*, въ главѣ которыхъ были Меншиковъ, Толстой, Ягужинскій и Феофанъ Прокоповичъ, должны были употребить всѣ усилія, чтобъ на престолъ, по смерти царя, вступила Екатерина, при которой они могли удержаться на своихъ мѣстахъ. И они въ этомъ успѣли. Въ 1723 году былъ обнародованъ манифестъ императора о намѣреніи его короновать свою супругу. Въ манифестѣ между прочимъ было сказано: «Во многихъ великихъ и тяжкихъ государственныхъ трудахъ наша любезнѣйшая супруга, государыня императрица Екатерина, великою помощницею была, и не точію въ семъ, но и во многихъ воинскихъ дѣйствіяхъ, отложа немощь женскую, волею съ нами присутствовала и елико возможно вспомогала, а наипаче въ Прутской баталіи, съ турки, какъ мужески, а не женски поступала». Коронація происходила въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, 7 мая 1724 года, съ необыкновенной торжественностію и съ полнымъ блескомъ европейскихъ дворовъ; даже самъ императоръ, не любившій роскоши, въ этотъ разъ былъ одѣтъ въ великолѣпный бархатный голубой кафтанъ, вышитый серебромъ руками самой Екатерины. Императоръ самъ возложилъ на свою супругу императорскій вѣнецъ, надѣлъ на нее мантію и вручилъ ей державу. Іюня 16 императоръ выѣхалъ изъ Москвы, которая видѣла его уже въ послѣдній разъ. Болѣзненное состояніе Петра усиливалось, но онъ всетаки трудился попрежнему, не жалѣя себя. Осматривая Ладожскій каналъ, онъ бродилъ по лѣсамъ и болотамъ, забывъ совершенно о своемъ недугѣ. Августа 30, встрѣтивъ благоговѣйно раку, съ почивающими въ ней подъ спудомъ мощами Св. Александра Невскаго, привезенную изъ Владиміра, онъ на своихъ рукахъ внесъ остатки святаго героя въ Невскую лавру, посвященную его имени, гдѣ они и теперь почіютъ. Почувствовавъ нѣкоторое облегченіе, Петръ вздумалъ прогуляться по водѣ; медики разрѣшили, полагая, что онъ точно хочетъ только покататься для развлеченія, а между тѣмъ онъ отправился въ Кронштадтъ отъ туда въ Шлиссельбургъ, на Олонецкіе заводы (гдѣ еще своими руками выковалъ полосу желѣза), потомъ проплылъ Волховымъ въ Новгородъ и по Ильменю, въ Старую Русу. Въ Петербургъ онъ возвратился 27 октября, а въ началѣ ноября поѣхалъ на своей яхтѣ въ Сестрорѣцкъ (Сестербекъ), чтобы взглянуть на устроенный тамъ оружейный заводъ; море было не спокойно, бушевало; близь Лахты, недалеко отъ Сестрорѣцка, Петръ замѣтилъ небольшой ботъ, наполненный солдатами, которыхъ перевозили изъ Кронштадта; взволнованное море сильно качало ботъ и наконецъ бросило на мель, гдѣ несчастные могли погибнуть. Императоръ тотчасъ же отправилъ свою шлюпку подать имъ помощь; но видя, что посланные дѣйствуютъ медленно, разсердился, не вытерпѣлъ и, забывъ о своей болѣзни, бросился самъ въ лодку; доплывъ до бота, выпрыгнулъ въ воду и собственными руками вытаскивалъ изъ воды окоченѣвшихъ отъ холода солдатъ. Человѣкъ 20 такимъ образомъ было спасено; на за такое самоотверженіе царь дорого поплатился; болѣзнь его крѣпко усилилась и угрожала опасностью; но несмотря на это, какъ только онъ чувствовалъ нѣкоторое облегченіе, то снова принимался за свои обычныя занятія: ѣздилъ въ сенатъ, осматривалъ заводы и фабрики, писалъ указы и регламенты, продолжалъ свою огромную переписку съ начальниками разныхъ вѣдомствъ и управленій. Однимъ словомъ, онъ думалъ не о томъ, чтобъ сохранить свое здоровье, но чтобы всѣ минуты своей жизни употребить на пользу любимой имъ Россіи и своего народа. Ноября 24 императоръ совершилъ обрученіе дочери своей, великой княжны Анны Петровны, съ Голштейнскимъ принцемъ; на святкахъ принималъ прибывшаго въ Петербургъ грузинскаго царя Вахтанга; января 6 еще командовалъ войсками на Іордани, гдѣ снова простудился; 7 января однакожъ онъ еще занимался государственными дѣлами. Изъявилъ согласіе на союзъ съ Императоромъ и Испаніею противъ Франціи; отправилъ наставленіе къ коменданту Крестовской крѣпости въ Дагестанъ; далъ собственноручную записку Капитану Берингу, котораго отправлялъ для отысканія прохода въ Ледовитое море и рѣшенія вопроса о томъ: соединяется или нѣтъ Азія съ Америкою и можно ли открыть сѣверный путь изъ Сибири въ Тихій океанъ? Посреди всѣхъ этихъ занятій вдругъ силы его оставили; онъ слегъ и уже болѣе не вставалъ; насталъ конецъ великой дѣятельности. Страданія его были такъ сильны, что онъ громко стоналъ и просилъ о помощи, а въ минуты облегченія говорилъ окружавшимъ его: «изъ меня познайте какое бѣдное животное человѣкъ». — Января 22 императоръ

пріобщился св. таинъ; съ 26 изъ дворца уже не выходили сенаторы, члены коллегій, знатнѣйшее духовенство, военные и гражданскіе чиновники; 27 числа, онъ какъ будто пришелъ въ себя и потребовалъ бумаги и перо; хотѣлъ что то написать, но рука уже не дѣйствовала; вмѣсто буквъ выходили какіе-то непонятные знаки. Позвали великую княжну Анну Петровну, которой императоръ хотѣлъ диктовать; но когда она явилась, онъ не могъ уже говорить. Окружавшіе упали на колѣни, стали молиться, нѣкоторые бросились цѣловать руку императора. «Послѣ!» съ трудомъ онъ проговорилъ. Всѣ вышли изъ комнаты; къ одру умирающаго приступили архіепископы Феофилактъ и Феофанъ; при чтеніи отходныхъ молитвъ, онъ тихо, но еще внятно произнесъ: «Вѣрую, Боже, помоги невѣрію моему!» — Это были его послѣднія слова. Въ шестомъ часу по полуночи, 28 января, прервалась жизнь необыкновеннаго человѣка, царя-богатыря, перваго императора Россіи.